

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№29

ПЕРМЬ 2021

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 29

ПЕРМЬ 2021

УДК 882(059)
ББК 84(2Рос–Рус)6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проектов
«Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru)
и «Литературное Прикамье» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru).**

**ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель»
благодарят Пермское отделение ВОО «Союз художников России»
и галерею «Марис-Арт» за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор — А. Г. Гребнев
Отдел поэзии — В. В. Якушев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2021. — 148 с. — (вып. 29).
ISBN 978-5-6044740-2-0

В оформлении альманаха использованы работы члена Союза художников России Вячеслава СМИРНОВА.

На обложке — «РОЖДЕНИЕ», 2017 г., бумага, акрил.

На шмуцтителе части 1 — «СКАЗЫ УРАЛА», начало 2000-х, бумага, акрил.

На шмуцтителе части 2 — «МАГИ», «ТАНЕЦ», начало 2000-х, бумага, акрил.

На шмуцтителе части 3 — «ПОРТРЕТ ПОЭТА АНАТОЛИЯ ГРЕБНЕВА», 2017 г., холст, масло — работа члена Союза художников России Сергея ПОДРЕЗА.

ISBN 978-5-6044740-2-0

9 785604 474020

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

*К 80-летию начала Великой Отечественной войны.
22 июня — День памяти и скорби*

Анатолий ГРЕБНЕВ. ПОРТРЕТ ВОЕННЫЙ... Стихи 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

*К 80-летию начала Великой Отечественной войны.
22 июня — День памяти и скорби*

Константин МАКСИМОВ. ПЛЕЧО ТОВАРИЩА. Рассказ 12

Олег ЧЕРНЯК. ХИОНИЯ. Рассказ 34

ГОЛОС РЕАЛЬНОСТИ

Александр АБДУЛАЕВ. ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ. Рассказ 20

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Валентина КОРОСТЕЛЁВА. ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ! Стихи 14

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ

Максим ДУЛЕНЦОВ. МАШИНИСТ.

Из цикла «Маленькие тайны Мотовилихи». Рассказ 40

Елена ДОЛГОВА. ВЫХОД НАЙДЁТСЯ ВСЕГДА. Рассказ 46

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Нина БОЙКО. АДОВЫ БУДНИ. Святочный рассказ 57

ЗЕМЛЯ

Илья ДОМНИН. ТОНКОСТИ ОХОТЫ

НА ТОЛСТОГО ВАЛЬДШНЕПА. Рассказ 69

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Алексей МАЛЫЦЕВ. ХОДИКИ. Стихи 53

РОДИНА

Николай ГЛУМОВ. В ОКРЕСТНОСТИ РОДНОГО КРАЯ. Стихи 60

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 130-летию И. Г. Эренбурга (1891–1967)

Светлана ЗАМ/ЕЛОВА. НА ПЕРЕДОВОЙ БОРЬБЫ
ЗА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ. Статья 72

Валентина КОРОСТЕЛЁВА
«ДА БУДЕТ СВЕТЛОЙ НАША ПАМЯТЬ...» Очерк 78

---

80 лет поэту Анатолию Гребневу

Владимир КРУПИН. «В ЧИСТОМ ПОЛЕ РОДНОЕ СЕЛО...» Очерк 85

Александр БАЛТИН. ГАРМОНИЯ АНАТОЛИЯ ГРЕБНЕВА. Отклик 118

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

80 лет поэту Анатолию Гребневу

Виталий БОГОМОЛОВ. НА БЕРЕГУ ПУСТОМ. Эссе 99

Валерий ФОКИН. «О ПРЕЖНЕЙ ЗОЛОТОЙ ЖИЗНИ...» Эссе 103

ЗЕМЛЯ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Николай БАШМАКОВ

ВОЛШЕБСТВО РАССВЕТА. Воспоминания о малой родине 121

ЗЕМЛЯ. ПУБЛИЦИСТИКА

Василий КОЛБИН. ВЕРНИСЬ, ДУБРОВНИК, или
ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ. Эссе

143

ПОЭЗИЯ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

80 лет поэту Анатолию Гребневу

Виталий БОГОМОЛОВ. СТИХОТВОРНАЯ МОЗАИКА...

гребневских дней рождения, в том числе юбилейных, шуточных и серьезных 91

РОДИНА

Анатолий ГРЕБНЕВ. ДУША НЕ ВЕДАЕТ ОСТУДЫ

120

Анатолий ГРЕБНЕВ

ПОРТРЕТ ВОЕННЫЙ... Стихи**РОДНИК**

Не умолкает ни на миг,
 Ни на единое мгновенье
 Кипун-родник,
 Кипун-родник —
 Земли живой сердцебиенье!

Вот ты припал к нему, приник,
 Напился вдосталь и умылся,
 И прожурчал кипун-родник,
 Что без тебя он здесь томился;

Что обезлюдел край родной,
 А из ближайшей деревушки
 За чудотворною водой
 Теперь бредут одни старушки;

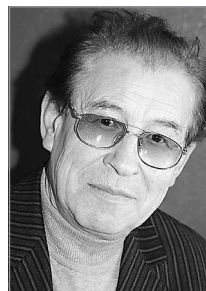
Что в сумасшедшей спешке дел
 Ты постарел и сам в столице,
 Но вновь душой помолодел,
 Испив живой его водицы.

Тебе почувствовать дано:
 Не меньше вечности мгновенье,
 Когда сливаются в одно
 Его с твоим сердцебиенье...

МАТЬ

То ли дождик во мгле припускает,
 То ли во поле вихорь ревет —
 Плачет мама моя, причитает,
 Провожает меня до ворот.

Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми — «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

СТИХИ О ДЯДЕ НИКОЛАЕ

Изба живая, хоть и нежилая, —
Есть где на праздник встретиться родне.
Портрет военный дяди Николая
С простенка смотрит прямо в душу мне.

И я душою с ним переглянулся,
Входя в его солдатскую судьбу:
В июне сорок первого вернулся
Он всех счастливей в отчую избу!

Ещё бы! Он, как есть, солдатской службы —
Действительной — три года оттрубил.
И ничего ему теперь не нужно,
Кроме того, что с детства он любил.

В луга, в луга — где разгулялась юность!
В луга, в луга — где перезвоны кос.
Где, как всегда, с двадцатого июня
Бушует, словно праздник, сенокос.

Забудь, боец, армейские уставы
И вспоминай, как трактор ты водил —
«Гремя огнём, сверкая блеском стали...»
И лучший маршал — Федька-бригадир!

Эх, грянул гром за дальним перелеском —
Прошайте, сенокосные луга!
И с первой военкомовской повесткой
Отправился мой дядя бить врага.

Но вскорости — меж бедами другими
С бедой попробуй свыкнуться такой —
Пришла бумага: «Без вести загинал...»
Вот и гадай — убит или живой.

После войны уж, выйдя из тюряги,
Его однополчанин — разумеи! —
Поведал нам за кружкой крепкой браги
О дядиной судьбе и о своей.

Рассказ о дяде был с полынью смешан:
В том сорок первом проклятом году
Он трижды убегал и был повешен
В концлагере у прочих на виду.

Давным-давно уж сёстры под крестами.
Но об одном их слёзоньки лились:
— Эх, жалко роду Коля не оставил...
Жаль, детки от него не завелись...

ОВИДИЮ ЛЮБОВИКОВУ

Памяти вятского поэта-фронтовика

Как разноцветная кошма
До окоёма луг раздольный!
Там, где красавица Ошма
Припала к Пижме своевольной.

Родных просторов разворот.
Ты сам нашёл сюда дорогу,
Поскольку тут всегда берёт
Невероятная сорога!

Могучим скрытый дубняком,
Блаженствовал ты в месте этом.
Не только ярим рыбаком,
Ты здесь мне видишься поэтом.

...Есть потаённое родство,
Но с бессловесным выраженьем.
Ты знал, что батю моего
Убила пуля подо Ржевом.

Ты сам изведаль этот ад
Невольником солдатской чести.
И видел я: ты был мне рад,
Когда с тобою были вместе.

Прицельный взгляд фронтовика
Являл совсем иное зреньё,
Когда строка ученика
Вдруг находила одобренье.

И до печального конца
Ты это чувствовал, Овидий:
Я полюбил в тебе отца,
Отца, которого не видел.

А ныне — высказать берусь —
В глухом плену Москва и Вятка.
Когда враги терзают Русь,
Таких, как ты, бойцов нехватка.

...На каждом — смертный медальон
И с «калашами» маскхалаты.
Вот добровольцев батальон,
Стань боевым у нас комбатом!

Не от простого я ума
Ищу тебя в родном раздолье.

Там, где красавица Ошма
Припала к Пижме своевольной.

* * *

Николаю Домовитову

Ты куда ушёл, закадычный друг?
Без тебя, мой друг, стало пусто вдруг.
Ты мне братом был, был порой отцом,
А по людям слыл добрым молодцем.
Нашим недругам не покорствовал,
Защищая Русь, ратоборствовал.
На пиру гулял, не допил — ушёл.
Без тебя, мой друг, сиротеет стол
Со хмельным вином да закусками,
Где ты пел со мной песни русские.
Не пьянит меня зелено вино.
Без тебя, мой друг, как польнь оно.
Хоть ковшами пей — куражу на грош.
Всё мне кажется: ты меня зовёшь.
Ты зовёшь меня — сердцу ведомо, —
Чтобы спеть, как встарь, песню дедову.
Ты зовёшь меня — с тобой встренусь я.
Я приду к тебе — куда ж денусь я?
Мы слетимся, друг, как соловушки,
Свесим ниже плеч, ох, головушки,
Во небесной той во долинушке
Заведём с тобой по старинушке:
«Ой да ты не стой, не стой на горе крутой,
Не спускай листьё во синё море...»
Праздник будет нам,
А родным — горе...

* * *

Неужели он, как прежде,
Нараспашку предо мной,
В луговом крутобережье
Левый берег мой родной?

Я, как в детстве, к Пижме-речке
С ходу выйду на моё
Заповедное местечко,
Где клевало окуньё!

Вьёт воронки омутише
Под покровом ивняка.
Зря, товарищ, здесь мы ищем
Удалого паренька.

Погляди-ка, он, рисковый,
Напрямик летит домой
С удилищем вересковым,
С полной рыбою сумой.

Как хозяин, не иначе,
Ступит он через порог:
— Мам, смотри, я нарыбачил
На уху и на пирог.

Об отце моём, солдате,
Мать опять всплакнёт тайком...
Слава богу, был когда-то,
Был я этим пареньком!

* * *

А в лесу, в золотой полумгле,
Палых листьев полно на земле.
Облетают, летят-шелестят,
Будто что-то шепнуть мне хотят.
Голос времени, слышимый мне,
Неумолчно шумит в вышине.
Это август, уставший не зря,
Ишет-свищет врата сентября.
И впервые
Так ясно
Теперь
Ты поймёшь
Неизбежность потерь,
По листу,
По тропе в пустоту —
Этой жизни печаль и тшету.
А молитвы святые слова
На лету еле слышит листва.
Тем отрадней душе
Заглянуть
В мироздания сладкую жуть.

Часть 1

Константин МАКСИМОВ

ПЛЕЧО ТОВАРИЩА. Рассказ

Судьба Василия Терентьевича — это типичная судьба миллионов людей рождения двадцатых, чья юность прошла в суровые, огненные годы.

Свой трудовой путь он начал слесарем в инструментальном цехе металлургического завода. Отсюда его призвали в Красную армию. Это было за год до начала Великой Отечественной войны. Служба в части особого назначения. Война. Трёхмесячная учёба на водителя танка, а затем — фронт.

Машины 2-й гвардейской танковой бригады ринулись в атаку с исходного рубежа, едва только засинел рассвет. Предстояло перерезать шоссе Витебск — Орша и овладеть селом — крупным опорным пунктом фашистов. Бригада выполняла роль клина. Вслед за ней должен был двинуться целый корпус. Впереди мчались, вздымая снежные вихри, Т-34, а за ними вместе с пехотой катились лёгкие двухместные танки. Стрелок лёгкого танка Иван Титов, припав к прицелу, видел, как у немцев тревожно заплясали разноцветные ракеты, замельтешили оранжевые вспышки выстрелов.

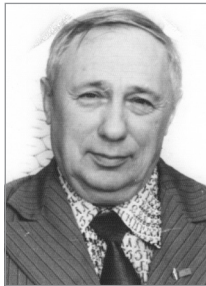
«В яму бы не врезаться в такой темноте, — думал Титов. — Впрочем, водитель у меня молодец. Уралец. Не теряется».

В наушниках вдруг затрещало, и тревожный голос командира роты предупредил:

— Внимание! На шоссе — «фердинанды».

«Фердинанд» — немецкая самоходка. От её снарядов горели средние танки. А много ли надо лёгкому? Титова закачало из стороны в сторону. Это значит, водитель, услышав предупреждение, начал маневрировать.

Первый удар снаряда пришёлся в башню. Отлетевшими осколками брони Титова ранило в голову и обе руки. Мотор заглох. Водитель

Константин Петрович МАКСИМОВ (11.11.1923, г. Цивильск Чувашской АССР — 07.05.1986, г. Лысьва Пермской области). Участник Великой Отечественной войны. С мая 1942 года участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. В 1943-м сержант-артиллерист К. Максимов с бойцами отражал фашистские налёты зенитной артиллерией на станции Горбачёво Тульской области. За уничтожение самолётов противника награждён орденом Славы III степени, который был вручён в декабре 1947 года. Кавалер ордена Отечественной войны I степени. С контузией и тяжёлым ранением ноги эвакуирован на Урал, длительное время после ампутации ноги лечился в госпитале N 3132 города Лысьвы. Член Союза журналистов СССР, писатель. Окончил Молотовский государственный университет им. А. М. Горького, историко-филологический факультет (1951–1956). Ответственный секретарь газеты «Искра» (1956–1979) в Лысьве. В 1960-е вёл занятия с рабселькорами по журналистскому

мастерству. Участвовал в семинарах при Пермском отделении Союза писателей СССР, делегат съезда ПО СП СССР в Перми в 1962 году. Публиковался в областных газетах «Звезда» и «Молодая гвардия», в литературных альманахах. В Перми, в литературно-художественном сборнике «Молодой человек», был напечатан его юмористический рассказ «Кулинария» (1962). Издана книга рассказов «Рула» (1966). В фонде редакции газеты «Искра» сохранены награды, альбомы с фотографиями, сделанными К. П. Максимовым, его машинописные тексты рассказов и повести «Это было недавно, это было давно».

К 80-летию начала Великой Отечественной войны. 22 июня — День памяти и скорби

нажал на стартёр, машина дёрнулась, но новый, ещё более страшный удар сотряс танк. Его внутренность наполнилась дымом, засвистело пламя. Водитель с силой откинул наружный люк и, задыхаясь, стал стаскивать с сиденья тело Титова. Вместе с командиром он вывалился на снег и пополз по изрытой взрывами земле, освещаемый пламенем горячей машины.

От дикого лязга, грохота и треска звенело в ушах, пыль, смешанная со снегом и копотью, душила. У шоссе кипел бой. Водитель с трудом дотащил сержанта до опушки леса, наткнулся на санитаров.

— Жив?

— Вам виднее.

— Жив!

Василий Терентьевич был дважды ранен.

Как-то командир соединения обратил внимание на чёткий почерк старшины Грачёва, да ещё узнал, что он по профессии слесарь. И старшина очутился в технической части. На морозе и под дождём, под вражеской бомбёжкой приходилось «лечить» повреждённые машины.

Переносить все фронтовые лишения Василию Терентьевичу помогла физкультурная закалка: до войны он был страстным лыжником. Ни одно соревнование не обходилось без него. Не раз завоёвывал первое место.

Вместе с Третьим Белорусским фронтом старшина Грачёв дошёл до Кёнигсберга, а День Победы встретил на берегу Балтики.

Итог его боевых дел — орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и освобождение многих городов.

Звенящим весёлыми ручьями апрельским днём 1946 года Василий Терентьевич сошёл на деревянную платформу станции Лысьва и с волнением огляделся. Дымили трубы родного завода, звали к себе истосковавшиеся по мирному труду мужские руки. Где-то там был его инструментальный цех...

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ! Стихи

ОРИЧИ

Когда въезжаешь в Оричи
Со стороны шоссе —
Сжимает сердце горечью:
Дома-то вдовьи все.

Черёмуховы роздыми,
И в горницах светло,
Но что ни дом, то звёздочка
Горит алым-ало...

ДАЖЕ ЕСЛИ...

В нас такая от века закваска,
В нас такие миры-берега,
Что живут в наших душах и сказка,
И Руси вековая тоска.

Мы Чайковского чувствуем кожей
И своим прозреваем путём...
Даже если нас всех уничтожат —
Мы в родимых полях прорастём.

В СТОЛИЧНОМ МЕТРО

В очумелости разных погонь
Мы забыли о чём-то весомом.
Пой, гармонь, заливайся, гармонь,
Позови к деревенскому дому!

Стали гордыми так, что не тронь!
А в душе — холодней и пустее.

Валентина Абрамовна КОРОСТЕЛЁВА родилась в 1942 году в городе Кирове Кировской области. В 1971-м окончила Литературный институт им. Горького. Её стихи, а позднее рассказы и очерки о русских писателях публиковались во многих, в т. ч. «толстых», журналах, звучали по радио. Издано 23 книги, 13 из них — поэтические. Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов имени Андрея Платонова и Алексея Толстого, Фёдора Тютчева и Андрея Белого, «Добрая лира», «Слово-2017», а также ряда конкурсов за рубежом (Вена, Берлин, Нью-Йорк). Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в подмосковном городе Балашихе.

Пой, гармонь, заливайся, гармонь,
Мы пока ещё слушать умеем.

Пробуди вековечный огонь
Под родными ещё небесами,
Пой, гармонь, заливайся, гармонь,
Золотыми, святыми слезами!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

Живут по глубинкам поэты,
Призванья хлеб чёрствый жуют.
Товарищи солнца и ветра —
Не пустят на ветер свой труд.

Живут в городишках и сёлах
Во имя земной красоты.
Слова их, как зёрна, весомы,
А мысли, как небо, чисты.

Высокое званье поэта
Не криком куют, а судьбой.
И Русь, и большую планету,
Коль надо, прикроют собой.

НОЯБРЬСКОЕ ТЕПЛО

Тепло... А середина ноября.
И вроде хорошо, и вроде плохо.
Тепло, как на закате сентября,
А в роще — пусто, голо, одиноко.

И женщина, уж как ни молодись,
Как ни своди на нет свои морщины,
А не обманешь, нет, свекруху-жизнь,
И не на твой огонь летят мужчины.

Но тот, кто не шутя судьбою бит,
Кто знает цену истинному счастью, —
Того не страсть досужая знобит,
А в драгоценном празднике участие...

СТАРЫЙ ДРУГ

Старый друг, не по возрасту смелый,
Растревожил жилище моё,
Рассказал про инфаркт между делом
И — опять про родное, своё:

Что культура сужает границы,
Что цинизм все рекорды побил,
Что пороком объята столица
И дебила мордует дебил.

Старый друг по привычке воюет,
Только кто его слышит — пойми?!
Старый друг белым светом рискует,
Лишь бы мы оставались людьми.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ОКНА

Вот калитка. Палисадник,
В землю вросший добрый дом,
Печь... И в сердце нет досады,
Упований на потом.

Потому ль не одиноко
В этой сельской глубине,
Что река сияет в окнах,
Что увалы — в тишине?

Потому ли зреет песня,
Душу лечит благодать,
Что из окон деревенских
Очень многое видать?..

ЧАС ВЕСНЫ

О, наконец печальный ход нарушен!
Проснулась роша в ласке синева,
И вздрогнули измотанные души
От этой детской нежности листвы.

А прошлый путь — в колдобинах и дыме,
И думалось, что нет судьбы иной.
Стреляли в нас — жестокими, литыми —
То подлостью, то пошлостью земной.

Сказало время: к чёрту говорильню,
Отныне клёны — наши мудрецы!
И прорастают пепельные крылья
Мучительно сквозь раны и рубцы.

А синь вскипает молодой брагой!
Опять бродить по лесу без конца,
Сидеть на пне и почему-то плакать,
Не пряча осяянного лица...

НА ПРОСТОРАХ РОДИНЫ

...И чинуша нынче смотрит гордо
 На иных, безденежных, людей.
 Стали мы людьми второго сорта
 На просторах родины своей.

А чинуши — в почестях служебных.
 Им признать, конечно, не с руки,
 Что от боли ноющей, душевной
 Умирают скопом старики.

И один вопрос под небом синим,
 Хоть куда и глянуть, и пойти:
 Что же это деется с Россией?
 Господи, прости её, прости...

А МНЕ БЫ ИЗБУШКУ...

А мне бы избушку, а мне бы избушку,
 И чтобы река, чтобы рядом — река,
 Чтоб песни свои распевала кукушка,
 А я бы за ней не считала пока...

И чтобы крылечко, пускай не резное,
 Где каждая щёлка как жилка на нём.
 И небушко-небо, такое родное,
 Что сердцу светло даже пасмурным днём...

В земле отыскать и морковку, и репку,
 И древнее наше вспомнить житьё,
 И выйти к реке, и, не думая крепко,
 Всё слушать нехитрые песни её...

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТАРИКИ

Василию Белову

Давно им жёны отпустили
 Их стародавние грехи.
 Они у внуков отгостили,
 Послушав правнуков стихи.

Они на кладбище старинном
 Себе сыскали уголок...
 Худеют серые перины,
 И тлеет жизнь, как уголёк.

Но о болезнях — ни полслова.
Покуда светит — надо жить!
И, только утро, ищут снова,
К чему бы руки приложить.

И час придёт, на зорьке вешней,
Когда и ветры к сердцу льнут,
Они, стыдясь, с улыбкой нежной
Слезу невольную смахнут

И, отойдя от сладкой боли,
В сенях нащупав посох свой,
Пойдут в родное чисто поле
Проститься с милою землёй...

ХОРОШИЕ, В ОБЩЕМ-ТО, ЛЮДИ...

Хорошие, в общем-то, люди,
Мы всё же неважно живём.
Как мало друг друга мы любим,
Как редко на помощь идём.

А после, опомнясь, латаем
Всё то, что полезло по швам, —
Но тут, как назло, не хватает
Ни ниток, ни времени нам...

ВЫШЕ ГОЛОВУ, РУСЬ!

Ты прославилась хлебом,
Ты спасала, любя...
Глянь же в зеркало неба —
Узнаёшь ли себя?

Лик греха и печали,
Всех мастей суета...
Где твоя величавость?
Где твоя доброта?

Умирала, горела —
И вставала, любя.
Сколько ты обогрела!
Кто согреет тебя?..

Пусть метель не сдаётся
И в пыли письма, —
Но Россия — то солнце,
Что на все времена!

И пускай нас не хвалят,
Пусть замучила грусть, —
Выше голову, Ваня,
Выше голову, Русь!

Не согнёмся, и точка, —
Утверждать я берусь.
Выше голову, дочка,
Выше голову, Русь!

Александр АБДУЛАЕВ

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ. Рассказ

Полдень. На сентябрьском небе, затянутом хмурой мглой, не видно просветов. Низко с шумом пролетел армейский вертолёт Ми-8 в сторону Чернобыльской АЭС.

Погода тихая и безветренная после проливного дождя. Деревья и кустарники опахнуло цветом наступившей осени. Накануне, ближе к вечеру, в небесной верхотуре забегали беспокойно пузатые серо-чёрные облака, потом вдалеке упруго загрохотало, небо стало близким и угрюмым, засверкали яркие молнии, холодный обложной дождь начался робкими каплями, но всё усиливался и полил так, что, казалось, ему не будет ни конца ни края.

Возле полевой кухни сидели на перевёрнутых деревянных ящиках два уже немолодых солдата, призванные из запаса на военные сборы. Они молча чистили картофель, думая каждый о своём, бросали его в алюминиевый бачок с двумя ручками. Один, среднего роста, плотный, жилистый телом, с бледноватым, крупным интеллигентным лицом и грустными глазами, тихо напевал, отбивая такт кирзовым сапогом:

*Призрачно всё в этом мире бушующем,
Есть только миг — за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь...*

Не допев до конца песню, поднял голову и посмотрел карими глазами на сидевшего напротив солдата. Лицо его при этом разгладилось, на губах обозначилась слабая улыбка.

— Вот смотрю на тебя, Дима, и удивляюсь: почему ты без зубов? Или твоя жёнушка разлюбезная нечаянно по ним звезданула? А может, ты был записным гулякой у себя в деревне? Честно сознайся!

Василий завёл этот бессмысленный разговор больше от скуки, чем от желания задеть за живое своего сослуживца.

Солдат, которому были адресованы эти слова, недовольно скорчил суховатое, скуластое лицо с горбинкой на носу, дрогнул бровями и поморщился, словно от надоедливой зубной боли, отчего на покато лбу прошлись волной морщины. Затем он поднял лысоватую голову, сердито сверкнул глазами.

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан). Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве) — «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2014). Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

— Тоже мне сказанул! Жена выбила?! Придумал бы другую версию... Да она у меня просто золото! — Его сухие тонкие губы растянулись в подобие улыбки, язык пошарил во рту. — Ну чего ты ко мне с этими зубами постоянно пристаёшь, надоел уже! — Он нервно бросил в бачок с водой неочищенную картофелину и раздражённо встал с ящика. — Дурень ты городской, Василий, другого я не скажу!

Рукой с короткими пальцами он вытянул из кармана едва пачатую пачку «Примы». Послунявил языком конец сигареты, чтобы ни прилипала к губам, прислушиваясь, потряс коробком, чиркнул спичкой, прикурил. Сладко затанулся, так что впали щёки, и, выпустив облачко сизого дыма прямо в лицо Василию, стал с тихим наслаждением наблюдать за ним, считая это ответом на его зубокальство.

Тот потускнел глазами, похлопал ресницами, отвернул голову в сторону и замахал руками, отгоняя дым.

— Вот леший мохнатый! Тоже мне, надумал меня травить. Тебе уже несколько раз говорили, что курить в радиоактивной зоне трижды опасно. В мирное время один грамм никотина убивает лошадь. А здесь особые условия, нуклиды вдыхаешь вместе с дымом.

Дмитрий насмешливо взглянул на Василия, губами пожевал кончик уса с желтоватым табачным налётом, решил сменить опасную разговорную тему на более приземлённую:

— Слышал, ты работал в школе учителем математики. Правда или нет?

Василий пристально смотрел на Дмитрия, будто пытался изучить его. Сухо прокашлялся в сжатый кулак. В его глазах промелькнула задумчивость, словно он хотел вспомнить что-то былое в жизни. А там хватало разных перипетий, как если крутить детский цветной kaleidoscope.

— Да, пришлось поучительствовать некоторое время, а потом сменил профессию на более стрессоустойчивую.

— Какую, если не секрет? Или, может, интриги какие были в школе? — с нескрываемым интересом в голосе спросил Дмитрий и даже подошёл ближе, вслушиваясь в то, что говорил собеседник. Для него эта профессия была почти святой.

— Пошла тёмная полоса, с женой развёлся — оказалось, что не сошлись характерами. Как сказал бы мой знакомый вольный поэт Голубкин, «пришла любовь, огонь горел, потом остались только угли». Квартиру разменяли, чтобы не видеться, и мне пришлось заехать в коммуналку на шесть хозяев, с общим коридором и кухней. Вот развесёлая жизнь там началась, чуть не скатился на самое дно. Не жизнь, а праздник каждый день... Ладно встретил одну женщину, она меня вытянула из этого тёмного омуты...

Василий продолжал разговор с явным нежеланием, ему крайне не хотелось ворошить события давно минувших лет. Но сослуживец Большов, с которым они уже несколько месяцев были вместе и успели присмотреться друг к другу, внушал ему доверие своей тихой рассудительностью и крестьянской покладистостью.

— Ну а какая у тебя была последняя должность? У тебя же высшее образование, это же не я, деревенский тракторист, — всё не унимался Дмитрий.

— Самая что ни есть полезная в обществе. Сторожу свёклу и капусту на городской овощебазе номер два. Всё вроде спокойно было, душа в теле торжествовала, но прямо в выходной с утра заявляюся ко мне нежданно-негаданно два херувима: наш участковый Мишкин и какой-то молодой старлей военкоматовский. Стоят за порогом, напустили на себя строгости, а я ещё не отошёл от сна, смотрю на них липкими глазами и не могу понять, чего они хотят от меня, грешного. Старлей, у которого едва редкие усы наметились под острым носом, достал из планшета повестку и под расписку вручил мне, чтобы я утром следующего дня явился на сборный пункт... — Василий хмыкнул. — Случаются в жизни разные сюрпризы, которых и представить не можешь...

Ему вдруг захотелось рассказать о своих мытарствах, случайных встречах с пустыми и порой опасными людьми, но он осёкся, замолчал и стал вглядываться в даль, поверх верхушек сосен.

— Сколько нам до дембеля осталось, ты хоть знаешь? — Дмитрий вытянул из нагрудного кармана календарик за 1986 год и стал водить пальцем, считать, шевеля губами: — Один, два месяца и, наконец, долгожданный дембель. Ничего себе, ёшкин кот, тут так закоптимся, что дома не узнают.

— Ладно, не кипятись, дружище! — прервал его Василий, пощёлкал суставами на пальцах. — Ты же знаешь: нервная система у гомо сапиенса не восстанавливается. Береги эти самые нейроны, дома пригодятся. Мы ведь здесь не бином Ньютона собрались доказывать, а люди подневольные, служивые. Дали приказ — и поедем на станцию, других вариантов нам не предложили. Может, я пожелал бы вечером откушать фрикасе с бокалом белого вина в ресторане «Астория», но увы... А пока садись и выполняй важное задание: личный состав должен быть накормлен!

Они повернулись друг к другу боком и молча продолжили чистить клубни картофеля, бросая их в воду. Брызги летели в разные стороны на жёлтый сырой песок.

У Дмитрия как бы ненароком всплыли воспоминания о первых днях в Чернобыльской зоне.

Команду уральцев привезли на двух бортовых машинах в батальон, разместили в палатках, и буквально через два дня его взвод поехал рубить «рыжий» лес, росший недалеко от станции. Взрывом разнесло четвёртый энергоблок, и мощные потоки излучения прошлись по хвойному лесу, спалив его. Впереди двинулись два разведчика-дозиметриста, они с приборами ДП-5 промерили места, где всем им придётся работать. Основными инструментами были двуручные пилы да топоры. Пока валили лес, нахватали радиацию на себя. По приезде в батальон они, уставшие, сразу отправились в столовую. Ночью несколько солдат заходились в сухом, надрывном кашле, во рту стоял металлический привкус... Пришлось ему поработать и на самой станции, увидеть разрушенный четвёртый энергоблок. Тот был развален взрывом, внутри оставалось ещё ядерное топливо. Солдаты собирали в железные контейнеры обломки урановых стержней и порой, затаив дыхание, бежали вперёд из-за высокой радиации. Тогда спина покрывалась холодным потом и в горле стоял сухой ком. После работы голова становилась словно чугунная. Так шёл один день за другим в череде солдатской жизни.

Миновала неделя, вторая, и Дмитрия охватил взявшийся неизвестно откуда болезненный страх. Он затаился где-то под сердцем, сдавливал грудь, мешал дышать. Это продолжалось ещё несколько дней и не давало спать. Тогда Дмитрий тихо встал и вышел в туалет покурить. Прошло время, он смог подавить в себе страх перед неизбежным положением, обретя более спокойную способность к осмысленному пребыванию в радиоактивной зоне.

В начале июня в деревне закончилась посевная, засеяли вспаханные поля яровыми. И если лето не будет засушливым и знойным, то урожаем ожидали богатый.

Председатель колхоза Чернышов Иван Данилович жил недалеко от правления. Утром, наскоро перекусив на кухне пшённой кашей с колбасой, зашагал на работу. Он уже год как был на пенсии и всё подумывал махнуть к сыну на Тихий океан. Хотелось порыбачить, посидеть на камне и посмотреть в бесконечную даль, туда, где вода соприкасается с небесами. Но его не отпускали и обещали решить эту проблему на следующий год. «А пока работай и ищи себе замену», — похлопал дружески по плечу Сандуков, руководитель района. На ответ Чернышова, что он пока не может найти подходящую замену, Сандуков твёрдо заключил: «Тогда не думай о пенсии, у тебя колхоз передовой».

Здание правления, одноэтажное, под цинковой кровлей с красным флагом на коньке, было построено шабашниками-молдаванами из белого силикатного кирпича. Те жили в пристрое Дома культуры. По вечерам там ярко горела лампа на столбе, вились полчища комаров, играл магнитофон с зарубежной попсовой музыкой, и деревенские девахи тайком заглядывали к ним. Вера, засидевшаяся в девках библиотекаря, забрюхатела от бригадира Чобана цыганистого покроя, о чём шепталась вся деревня. Председатель колхоза, узнав об этом, решил больше не приглашать любвеобильных строителей.

Зайдя в свой кабинет с двумя окнами, Иван Данилович не стал закрывать за собой дверь и, пройдя по скрипучему, крашеному коричневой краской полу, распахнул настежь оконные створки. С улицы потянуло утренней прохладой и сиренью, росшей под окном на солнечной стороне. Он опустил своё грузное тело на стул, рукой подовинул пачку бумаг, задумался, потёр седые виски на больше-лобой голове — где-то внутри неё пульсировала боль. Ночью он плохо спал, ворочался в постели, не давая уснуть супруге Ирине, потом закутался в одеяло, вышел на застеклённую веранду и прилёг на низенький диван. Глаза не хотели спать, и он смотрел на слабый, жидковатый рассвет. Коротко задремал на два часа, проснулся, как по будильнику, в семь утра.

У Ивана Даниловича было приподнятое настроение: несмотря на все сложности с посевной зерновых и картофеля, колхоз уложился в график, и можно было смело рапортовать об этом районному начальству. Он налил из стеклянного графина в стакан тёплой воды, подержал в руке, пить не стал. Стряхнул невидимую пылинку с рукава белой рубашки и крикнул в полуоткрытую дверь:

— Маша, ты здесь? Зайди ко мне.

Ему ответил девичий звонкий голосок:

— Да, я здесь, Иван Данилович. Что вы хотели? — Девушка подумала, что председатель не стал пить потому, что она не успела принести холодной родниковой воды. — Извините. Я сейчас побыстрому сбегу на родник и принесу свежей воды.

В проёме двери появилась Маша, помедлила секунду и прошла в кабинет к председателю. Солнечная дорожка из окна стелилась по полу и упиралась прямо в её ноги. Невысокого роста, в приталенном лёгком платье, из-под которого видны были расчёсанные от комаров упругие ноги в тупоносых лакированных туфлях на невысоком каблучке. Наивными серо-зелёными глазами на припухлом лице она доверчиво смотрела на Ивана Даниловича.

— Не поэтому кличу тебя, а нужно срочно отправить телефонограмму в район о том, что мы закончили посевную в срок. Поняла?

— Всё сделаю! Но пока час ранний, и начальство не пришло на работу.

— Хорошо. И ещё найди мне срочно нашего агронома Максима Петровича. Да свяжись с мехмастерскими, спроси, там ли Дмитрий Большов. Пусть включает пятую передачу и ко мне срочно в кабинет. А то я через час уезжаю в район на конференцию по животноводству.

Секретарша с полусонным ещё детским лицом слушала председателя, приоткрыв рот.

— Ты вот что, рот-то закрой, а то ненароком галка залетит, — усмехнулся Иван Данилович, но, услышав шум на улице, подошёл ближе к окну.

По грейдерной дороге гнал на мотоцикле ИЖ с прицепажной коляской пенсионер Герасим Бабакин. Ехал без каски, густо заросшее седыми волосами лицо было угрюмо и тревожно. Из синей коляски торчало несколько бамбуковых удилищ. За ним бежала женщина с неубранной головой, в просторном платье и громко кричала ему вслед, в правой руке она держала коричневую курицу. Оказывается, Герасим задавил несушку и старался поскорее скрыться от рассерженной хозяйки.

— Вот дуралей, не гонял бы как сумасшедший. Ведь лишали уже прав, нет, неймётся. Будет тебе взбучка от Лиды.

Председатель знал характер хозяйки курицы. Женщина работала на ферме дояркой, и на зуб ей лучше было не попадать.

— Ты всё ещё здесь?! — Иван Данилович повернулся от окна и посмотрел на пигалицу.

Маша мотнула косичками и, постукивая каблучками по полу, исчезла. В приёмной зазвенел её тонкий голосок:

— Михаил Потапович, доброе утро! Там далеко Большов? Пусть, как только приедет, сразу напрямиком к Ивану Даниловичу в кабинет! Нет, не провинился. Вчера звонили из райвоенкомата.

Через полчаса Дмитрий стоял на высоком крыльце колхозного правления и, подобрав небольшую палочку, тщательно счищал налипшую глину с кирзовых сапог. Вечерней зорькой он ходил с другом Лёшкой на речку порыбачить. Берега, заросшие редким кустарником, там высокие, и пока спускались к урезу воды, намесил липучую глину на сапоги. Небольшая река несла свои воды спокойно. Выбрали место, закинули удочки и стали ждать поклёвок. Со стороны леса прилетела пара серых уток, они поплыли возле берега и скрылись в высокой траве. Рыбалка не задалась: было несколько поклёвок

да на середине речки невидимая рыба ударила хвостом по воде, разгоняя круги.

Дмитрий стоял, раздумывая о причине такого скорого вызова к председателю, и смотрел на кусты сирени. Посаженные два года назад, они хорошо прижились и стояли плотно, образуя непроходимую изгородь. В глаза бросилась зелень муравы, мягким ковром стелющейся к самой стене здания. На крыше, поддаваясь слабому утреннему ветерку, жвился красный флаг. В начале улицы, поднимая серую пыль, ехал гусеничный трактор. Было видно, как большая лохматая собака с хвостом в виде кренделя поодаль бежала за ним.

Дмитрий ещё немного потоптался на месте, будто оттягивая для себя время, потянул входную дверь и оказался в полутёмном коридоре. Под побелённым потолком горели лампы дневного света.

В приёмной он увидел свою дальнюю родственницу, приходившуюся ему троюродной племянницей. Маша подняла голову, улыбнулась, и лицо её запунцовело.

— Здравсьте, дядя Дима! Вас Иван Данилович уже поджидает, так что заходите к нему. Ему скоро нужно будет ехать в район.

Сдёрнув с головы куцеватую серую фуражку, Дмитрий от волнения мял её в руке, отворяя дверь.

Солнце из окна поднялось уже на стену, где висел под стеклом в деревянной раме портрет генерального секретаря компартии Михаила Горбачёва. На лобастой голове блестела лысина, и только тёмное пятно было неким таинственным знаком скорых перемен.

Ветерок легко трепал белые занавески на окнах.

Председатель, увидев растерянного Большова, протянул руку, приглашая присесть:

— Проходи, не стесняйся! Присаживайся. Надо с тобой потолковать об одном деле.

Большов подошёл ближе к столу и присел на краешек стула, слегка вытянув вперёд почерневшую от майского загара шею. Узловатые руки сначала положил на столешницу, но, посмотрев на грязь под ногтями, скоро убрал себе на колени.

— Вот что я тебе скажу, — председатель зачем-то придвинул к себе кожаную папку с золотым тиснением. — Звонили вчера из военкомата, сказали, чтобы ты до обеда был у них.

— А зачем — не сказали, Иван Данилович? — голос у Большова дрогнул.

— Да шут его знает! Может, так просто, для проверки документов. А ты когда был на военных сборах последний раз?

— Да как из армии вернулся, никаких сборов. Это, почитай, годов так двадцать будет.

Иван Данилович поёрзал на стуле, отчего тот застонал под его весом.

— Напомни мне, какая у тебя военная специальность?

— А вы как будто не знаете?! Механик-водитель танка Т-60. Кстати, самая лучшая боевая машина в то время!

Большов нервно улыбнулся, показывая тёмный провал беззубого рта.

— Ну ладно, ладно, ты всё понял?

Председатель посерьёзней лицом, на прощание протянул тёплую, мягкую руку.

Большов резво встал со стула и, натянув фуражку на самые уши, обрадованный, что председатель не допытывал его о ремонте трактора, зачастил словами:

— Сейчас сразу домой! Переоденусь, возьму военный билет и — в район.

...Красный пазик трясся по ухабистой и разбитой дороге. Пыль наполняла воздух, попадала в нос, отчего хотелось чихать. Рядом с Дмитрием на дерматиновом сиденье восседала доярка Евгения Кочнева. Они сидели плотно и задевали друг друга плечами. Женская грудь под сиреневой блузкой на ухабах колыхалась, нервно беспокоя Дмитрия. Он косил на неё глазом, и Евгения, перехватив этот взгляд, двинула соседа как бы ненароком локтем в бок. После повернулась к нему полноватым лицом с карими игривыми глазами.

— Ты чего это, Дмитрий, глазищами зыркаешь, как таракан запечный?! Может, мне Раисе рассказать, что у тебя глаза не на месте?

— Да ладно придумывать всякую глупость, просто у тебя грудь красивая, принимай как комплимент, — пооткровенничал Дмитрий. Ему стало неловко, он хотел отодвинуться к окну, но был прижат тугим бедром своей соседки.

— А у твоей Раисы разве меньше? Баба она у тебя тоже слобная! — и засмеялась, широко раскрывая рот, прикрыв глаза веками с густыми ресницами.

Автобус спустился с большака и нырнул на лесную дорогу. Ветки деревьев хлестали по стёклам, норовя попасть в салон. Справа, меж высокими соснами, виднелась делянка. Облупленный синий трелёвочник от натуги выбрасывал из трубы в прозрачный воздух клубы смолянистого дыма. Ташил он к дороге толстую, в два обхвата у самого комля, сосну.

Дмитрий повернулся к окну и грустно вздохнул:

— Да, губим лес почём зря, нет настоящего хозяина на всё это добро.

Раиса поправила волосы, выбившиеся из-под светлой косынки в горошек, провела тыльной стороной кисти по лбу, усмехнулась, показав ровный ряд зубов:

— Тебе-то что до всего этого? На наш век хватит, а потом хоть трава не расти! Ты мне лучше скажи, зачем все работают на один карман?

— Как на один карман? — переспросил Дмитрий.

— Ты чего, совсем недотёпа? — не унималась она, вздёрнув брови на лоб. — Работаем всей бригадой, боремся за надои, а как премию получать за перевыполнение плана — дак одна Евдокия Матвеева. Ей и путёвку на курорт в первую очередь дадут, и грамоту к празднику. Уразумел? — сердито сказала Евгения, сурово поджав засиневшие губы.

Разговор переходил на личности, что Дмитрия не устраивало. Он не любил досужих разговоров, сморщился, сделал отрешённое лицо и упёрся глазами в затылок с двумя жирными складками мужчине в белой панаме, сидевшему впереди. Лес закончился, и они выехали на простор, где висело подсинённое небо и солнце стояло в зените. Свежий воздух ворвался в салон автобуса. Юркий пазик выскочил на асфальтированную дорогу, а там было уже рукой подать до автовокзала.

Районный городок походил на многие другие, разбросанные по российским весям. Улицы разбегались в разные стороны от городской площади, словно ручейки в ненастную погоду. Деревянные дома теснились друг к другу, грозя спалиться пожаром в одночасье. Тот, кто жил побогаче, обзавёлся оцинкованными крышами, и они блестели под солнцем, выделяясь среди других домов.

Дмитрий вышел из автобуса, кивнул головой Евгении. Та ехидно скривилась, посмотрела равнодушно поверх его головы и, быстро перебирая ногами, исчезла за глухими воротами дома, где жила её кума. Ещё хорошо сохранившийся двухэтажный кирпичный дом с резными наличниками и высоким крыльцом стоял возле перекрёстка. Дом построил купец Никифор Глонягин, торговавший лесом и зерном. Дела у него шли в гору, но случилась напасть — пролетарская революция. Гегемоны, долго не думая, всё экспроприировали, а его самого отправили подальше, в северный лагерь. Так и сгинул неведомо где. А семья пошла собирать по дворам. В доме купца сначала обосновалась ЧК, потом управление культуры, и только в шестидесятые годы его передали военкомату.

Дмитрий поднялся по скрипучим ступеням, держась за отполированные руками перила с точёными балясинами. Дверь подалась не сразу, только со второй попытки. Скрежетнув железными петлями, впустила его на первый этаж.

Низкорослый, какой-то плоский прапорщик в начищенных до блеска сапогах шёл упруго ему навстречу, уткнувшись в бумаги.

— Здравия желаю, товарищ прапорщик! — по-военному обратился Дмитрий. — Не подскажите, как пройти к военкому?

Тот, не останавливаясь, поднял начинающую сесть голову, посмотрел узкими татарскими глазами, молча махнул рукой в конец коридора и заскрипел сапогами дальше.

Военком района Пётр Бенедиктович Бедров, майор с лётными петлицами и с тяжёлым подбородком на почти квадратном лице, в то время стоял возле окна, заложив руки за спину, и с нескрываемым интересом наблюдал за дракой двух кобелей. Шерсть у них на спине стояла дыбом, они скалились, обнажая крупные клыки. Один, который был покрупней, рыжей масти и с порванным в уличных драках ухом, встал на задние лапы и всем своим телом навалился на чёрного пса с коротким хвостом, схватил его за загривок и стал трепать в разные стороны. Тот жалобно заскулил, повалился на бок.

Услышав стук в дверь, Бедров пересел за стол и сделал твёрдое лицо. Он давно засиделся в майорах, и ему хотелось вырваться из районного городка куда-нибудь в область, лишь бы не слышать почти ежедневные капризы жены. Она была заядлой театралкой и жаждала светской жизни, но только не в провинции.

Женился Петя неожиданно для себя. На танцах познакомился с девушкой с тёмными миндальными глазами: она сама подошла к нему и, взяв за потную, подрагивающую от волнения руку, повела в середину танцзала. А потом всё закружилось в его жизни вальсом...

— Войдите! — и, увидев суховатого, небольшого роста мужчину в сапогах, спросил резким голосом: — Как фамилия и по какому вопросу?

— Большов Дмитрий. Председатель вчера сказал, что нужно явиться к вам.

При виде сурового майора у мужчины затряслась правая нога, и, чтобы её как-то унять, он незаметно, но сильно ушипнул пальцами через штанину, как обычно делал, когда ногу схватывало судорогой в холодной воде.

Майор Бедров смерил его взглядом с ног до головы, помял губами, стал что-то искать на столе, перебирая бумаги.

— Вот, нашёл приказ! — он немного приподнял серую бумагу с печатным шрифтом. — Поедешь в Чернобыль. Наверное, слышал, где он находится. Военные сборы будут проводиться в течение полугода. Кем служил на срочной?

Дмитрий замялся с ответом. Во рту было сухо от волнения. Набрал полную грудь воздуха, почти крикнул:

— Механиком-водителем в танковом полку, товарищ майор!

— Ладно. Танкисты — надёжные солдаты. Может, будешь там на бульдозере работать. Если всё сложится хорошо, то вернёшься раньше. Осенью, как раз к снегу, даже по дому не успеешь соскучиться. Отлынивать не советую: прокурор может возбудить уголовное дело, там статья соответствующая есть. Так что подумай конкретно. А сейчас поднимайся на второй этаж, там врачи посмотрят тебя и дадут заключение. Ну, я вижу, ты совсем гвардеец! Вопросы есть?

Большов стоял в растерянности от только что услышанного. Он и подумать не мог, что его призовут на военные сборы и нужно будет ехать неизвестно куда.

Дмитрий не чурался никакой работы, и если нужно было, то прихватывал и выходные, когда шла уборка хлеба. Садился за штурвал комбайна и, не считаясь со временем, собирал выращенный урожай. Был привязан к своей земле пуповиной. Он представил себе, как скажет об этом жене Раисе, своим детям, что уезжает от них на полгода...

Майор, не услышав ничего в ответ, только махнул рукой: «Тогда свободен», — и повернулся крупным, рыхловатым телом к окну. Увидел, как из дома напротив выкатилась на крыльцо костистая, невысокого роста женщина с покрасневшим лицом и забранными в узел на затылке русыми волосами. В руке она держала полено и так сильно закричала, что было слышно в кабинете:

— Кобели проклятые, с ума все посходили! Житья от вас совсем не стало!

Она широко размахнулась рукой с поленом, бросила его, но оно, не долетев до собак, упало в грязную лужу, взметнув фонтан брызг. Женщина подняла голову и, заметив в окне фигуру майора Бедрова, сконфузилась, дёрнула острым подбородком, круганулась на месте, так что клетчатая юбка надулась пузырьём, и быстро исчезла за дверью.

В большой, светлой комнате, окна которой выходили на главную улицу, скучали два врача.

Терапевт Вадим Модестович, немного полноватый, с копной кудрявых волос на голове, с большим мясистым носом и весёлыми от природы глазами, сидел небрежно, покачивая ногой в чёрной туфле.

Женщина, врач-невропатолог, находилась в том опасном возрасте, когда даже наблюдательный человек затруднился бы определить, сколько ей лет. Она сидела спиной к Вадиму Модестовичу

и, незаметно, как ей казалось, глядя в круглое зеркальце, пальцем разглаживала на переносице глубокую морщину. Белый халат был ей узковат и застёгнут на все пуговицы, вплоть до самого подбородка, но даже такая небольшая хитрость не могла скрыть морщинистую шею. Женщине очень хотелось привлечь к себе внимание коллеги, чтобы хоть разок он остановил на ней мимолетный, невзначай брошенный взгляд.

Вадим Модестович, увидев вошедшего Большова, перестал качать ногой, уставился на него серыми глазами.

— Любезный, если вам не трудно, представьтесь. Как фамилия?

Большов назвал. Ему понравился вежливый доктор.

— Ну что же, совсем хорошо, будем проводить медосмотр вместе с Ираидой Васильевной. Вчера все прошли медкомиссию, и только вас поджидаем. — Женщина, услышав это, кокетливо кивнула головой. — Итак, на что жалуетесь, любезный? Подходите ближе.

Большов, немного смущаясь, подошёл к столу.

— Почки не беспокоят? — и доктор два раза ребром ладони стукнул по спине так, что у него болезненно отдалось внутри. — Ночью крепко спите и не встаёте в туалет по-малому?

Большов покраснел лицом, помотал головой, не понимая, зачем доктор спрашивает его о нужде. Спит он крепко. Нароботайся на тракторе весь день — и уснёшь так, что жена не может утром растолкать.

— Хорошо, сделайте несколько приседаний и подойдите ко мне, давление измерим.

Пока врач производил манипуляции, Большов бросил взгляд в окно, где протекала сонная жизнь провинциального городка. По разрытой накануне улице тащился зелёный грузовичок, набитый доверху струганой доской. Передние колёса попали в траншею, машина накренилась, и доски покатались через борт на землю. Водитель, молодой парень с лохматой головой, в футболке с длинными рукавами, шустро выскочил из кабины и, обежав вокруг неё с испуганными глазами, встал как вкопанный, не зная, что предпринять. Как обычно бывает в таких случаях, сразу же собрались зеваки. Уличный гам зател в полуоткрытое окно.

— Ираида Васильевна, не в службу, а в дружбу, гляньте, что там опять стряслось? Случаем, никто не пострадал?

— Да всё в порядке, опять этот Пермьяков, видимо, с похмелья сел за руль. Предупреждали ведь мы его на комиссии: «Не пей, иначе всё закончится трагично», — и на тебе, случилось! Хорошо, что никого не задавил!

— Спасибо, коллега. Продолжим осмотр товарища Большова. Давление хорошее, хоть сейчас прямо в отряд космонавтов записывай. Так, у меня вопросов больше нет, идите к Ираиде Васильевне. Она продолжит и сделает заключение на предмет вашей годности к военным сборам.

Большов, на ходу заправляя выпроставшуюся из штанов рубаху, подошёл к столу, за которым восседала врач-невропатолог. От неё зависела дальнейшая его судьба.

— Жалоб особо нет, я так понимаю. У вас, Большов, такой возраст, когда ещё рано думать о болезнях.

Она бросила взгляд на своего коллегу, который был увлечён развивающимися на улице событиями.

— Ну, будут у мужичка неприятности, точно можно сказать! Приехал сам начальник милиции Агафонов, а он такие выезды особо не любит! Точно скажу, лишит прав года на два.

— Прилягте на кушетку! — попросила врач-невропатолог, достала из кармана никелированный молоточек и поводила им перед самыми глазами Большова. — Достаньте указательным пальцем нос. Так, ладно, вставайте. А сейчас проверим зубы.

Большов широко раскрыл рот, так что хрустнуло в челюсти. Врач наклонилась к нему и посмотрела в провал рта. В нём торчали несколько передних зубов, а дальше на десне — пеньки испорченных коренных.

— Да у вас зубов почти совсем нет? — удивилась она.

— Точно нет! Чуть заболит, я его сразу шёл удалять. Шибко боюсь бормашины, да и некогда ходить к зубному, всё на работе, — как-то виновато ответил Большов, краснея лицом.

— Выйдите в коридор, пожалуйста, мы немного посоветуемся и пригласим вас.

Большов протопал сапогами по давно не крашенному полу, оставил врачей наедине.

— Ну и чего делать будем, уважаемая Ираида Васильевна? При таком состоянии полости рта сборы в Чернобыль ему строго противопоказаны — статья пятьдесят четвёртая. А вы как считаете?

Она неуверенно приподняла плечи:

— Даже и не знаю, что ответить. А так я с вашим мнением солидарна. Пусть военком Бедров принимает решение, это как раз по его ведомству набор проводить.

Ираида Васильевна потянулась к телефону, стоявшему на самом краю стола, и стала накручивать тугой диск указательным пальцем...

Через полчаса Большов стоял перед майором Бедровым, и в голове проносились варианты дальнейшей его жизни. О Чернобыле он немного слышал от своего бригадира Павловича, дальние родичи которого проживали поблизости в Белоруссии.

В обеденный перерыв он заехал в мехмастерские проверить масло в двигателе. Только соскочил с подножки трактора, а перед ним тут как тут стоит Павлович и дружелюбно светится карими глазами.

— Пойдём посидим, перекурим!

— Да некогда, Павлович, работа в коровнике заждалась.

— Ну ничего, ничего! Немного подождут, от этих баб ничего не убудет, — он за рукав потянул Большова в спасительную прохладу бытовки. — Хочу с тобой поговорить на такую тему... — расстегнув верхнюю пуговицу вдруг ставшей тесной в горле рубахи, задумчиво произнёс он. — Ты про атомные электростанции слышал?

— Вроде есть такие где-то, — неуверенно ответил Большов. Ему не хотелось разговаривать, да и на ферме ждали.

— Ты не обижайся! Спросил по причине того, что родичи написали, будто у них недалеко атомная станция взорвалась. Они, правда, не открыто, а так, только намекнули. Но для смышлёных людей понятно.

Большов слушал Павловича вполуха. Зачем ему это знать? Это далеко, отсюда не видать. Здесь тайга, всё спокойно. Жизнь течёт размеренно, без особых потрясений. Да, впрочем, зачем они нужны? Так и не дослушав бригадира, махнул ему рукой на прощанье, толкнул обитую серым войлоком дверь и оказался во дворе.

Яркий дневной свет слепил глаза. Совсем недалеко пасся серый крутолобый бычок с упрямыми завитушками на лбу. Он без конца дергал верёвку, которая была привязана к ржавому шкворню, вбитому в землю. При виде Большова замычал, замотал головой. От такой деревенской идилии потеплело в груди.

Большов только один раз за всю свою жизнь далеко отлучался из дома, тогда его всей деревней провожали на службу в армию. Он даже не ездил в областной город: совсем не было нужды там бывать. К новому учебному году жена с соседкой отправлялись туда по магазинам сделать покупки детям. А он, по обыкновению, в сарае что-нибудь мастерил. Любил рубанком пройтись по доске так, чтобы стружка в кольцо закрутилась да запах оставила. Или, накопав червей в навозной огородной куче, брал удочки, шёл на речку порыбачить. Спускался с берега к воде, закидывал крючок с наживкой и смотрел на красный поплавок. Потом, присев на корточках, разглядывал качающуюся под водой зелень, как мелькает маленькая рыбка и исчезает в тёмной глубине. По воде плыли пузатые белые облака. На душе становилось радостно и спокойно: он, Дмитрий Большов, отец семейства, не зря живёт на этой земле. Всегда казалось Большову, что жизнь так размеренно и пройдёт своим чередом, не меняясь из года в год.

...Военком Бедров находился в задумчивости. План по призыву надо выполнить, если будет недобор — по головке областной комиссар не погладит. Он разжал пухловатые губы, легко побарабанил пальцами правой руки по столу и снисходительно поинтересовался:

— А дома чем ты питаешься?

Большов пожал плечами, дрогнул губами. Ему не хотелось откровенничать, и он решил отшутиться:

— Да так, обычно щи да каша — еда наша. Пища простая, деревенская. Особых изысков на столе нет.

— Ну ладно, съездишь в Чернобыль, а когда вернёшься, поставим тебе зубные протезы за счёт Минобороны. Понял?

— Ну как тут не понять? Мне приказано, значит, выполняю, отлынивать не буду.

— Сейчас иди к прапорщику Зинкину, он тебе выпишет повестку, и чтобы завтра утром был как штык. Понял?!

— Так точно, товарищ майор!

Большов поднял подбородок, повернулся через правое плечо и вышел из кабинета...

Команда вскоре оказалась в уральском городе N, где они прошли курсы, ему и сослуживцам пояснили, что такое радиация.

Моложавый офицер в звании подполковника, выбритый до каждой синевы, с черневшими под носом узкими усиками, ходил, скрипя сапогами. Остановился, посмотрел вверх голов и, взяв длинную указку, начал водить по плакату, закреплённому на стене:

— Вот что, товарищи солдаты, объясню коротко, но понятно, чем отличается боевой атомный взрыв от Чернобыльской катастрофы, — он стукнул концом указки по столу. — В первом случае имеется высокая температура, ударная волна и радиационное поражение местности и личного состава. На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария на четвёртом энергоблоке. Он полностью разрушился, и возник небольшой выброс радиоактивных элементов

в атмосферу. У нас есть все силы и средства для локализации этой аварии. Там, на месте, получите защитные средства. Вопросы есть?

Вопросов не было. Всем было непонятно, что в действительности произошло на Чернобыльской атомной электростанции. В окно самоотверженно билась большая зелёная муха, она пыталась вылететь из помещения, но только скользила по стеклу. Хотелось ей помочь. Слышно было, как за окном громко разговаривают женщины, словно пытаясь перекричать друг друга. Вот они замолчали и пошли дальше. Просигналила невидимая машина, и стало опять тихо.

Солдаты дочистили картофель и, взявшись вдвоём за ручки алюминиевого бачка, высыпали содержимое в кипящий котёл.

— Вот зараза, сигареты подмочил! — Дмитрий раздосадованно полез в карман, вокруг которого растекалось тёмное пятно.

— Да не волнуйся, покуришь моих, — Василий протянул сигареты и, скосив глаза в сторону, добавил: — Вот нам кого только и не хватало! Наш сержант собственной персоной пожаловал!

Осторожно ставя ноги, обутые в кирзовые сапоги, к ним приближался сержант Квасов. На хмуром лице сгустились краски настроения. Короткие рыжеватые волосы торчали на голове. Одарив их скупой улыбкой, обмяк лицом, выдохнул запах карамели:

— Ну, господа хорошие, ужин по расписанию?

— Да всё в норме. Картоху в котёл загрузили, рыба жарится. Впрочем, хочу тебя спросить, — Василий скользнул взглядом по новым сапогам Квасова, — а почему рыба не первой свежести, пониженного, так сказать, качества? Ты, когда её со склада нам выдавал, хоть бы для порядка нюхнул. Сразу определил бы кислотный запах. Да в глазки ей глянул бы, они уже помутнели давно от грусти одиночества. Ты, Квасов, я смотрю, второй день ходишь мутный, как эта рыба. Смотри, доложу замполиту, будешь со всеми на станцию ездить, с отбойным молотком развлекаться.

Квасов заскучал глазами, повертел головой в разные стороны, словно ища у кого-то помощи или поддержки, и внезапно перешёл в словесное наступление:

— Ты мне зубы не заговаривай! Рыба свежая, недавно с продовольственного склада получил. И не надо провокационных разговоров тут затевать!

Сержант Квасов немного потоптался на месте, понимая, что разговор дальше не потянет. Ему стало скучно, и он, широко ставя ноги, двинулся в сторону небольшого соснового леса. Его широкая спина покачивалась в такт движениям; он наклонил голову вниз, словно ища что-то у себя под сапогами.

Дмитрий, присев на корточки, чертил на песке какие-то знаки.

— Слушай, Василий, сегодня у меня последний наряд на кухне.

— А что случилось? — удивился Василий.

— Вчера, после развода, ко мне подошёл взводный и сказал, что я поеду на станцию со всеми дезактивацией заниматься на третьем энергоблоке.

— Ну и дела! — не сдержался Василий, огорчённо махнув рукой. На бледноватое лицо легла тень, уголки губ упрямо потянулись вниз. — Какая тебе там работа! По логике вещей, если материализовать твоё пребывание здесь, то ты вообще не должен быть призван

на сборы ввиду отсутствия зубов. Ты понял, дуралей? — Он постучал согнутым указательным пальцем по лбу Дмитрия. — И никто тебе здесь зубы не вставит, не до тебя. Мы тут совсем маленькие пешки, а небожители, — он своим длинным перстом ткнул в небо, — за нас с тобой всё давно решили. Вот так-то, удалец-молодец! Коптись и не портись во веки веков. В этих местах нельзя будет жить столетия, даже больше, так что на экскурсию по боевым местам я не поеду, если вдруг предложат.

Помолчав, Василий стал напевать себе под нос:

*Чем дорожу, чем рискую на свете я?
Мигом одним, только мигом одним...*

Утром всё окрест было затянуто белой густой пеленой, в ней растворились палатки, деревья. Солдаты возникали из тумана, словно привидения, и снова исчезали, раздавались только их приглушённые, не отошедшие ото сна голоса. В стороне слышался отдалённый гул, это в сторону станции двигалась техника. К полудню солнце растворит белёсый туман, он поредет, останется только в низине, окутав кустарник, деревья, и будет висеть на сырых ветках ватными клочьями.

Олег ЧЕРНЯК

ХИОНИЯ. Рассказ

Возница натянул поводья, лошадь тряхнула гривой и сбавила ход. Через минуту обоз остановился. Георг Стеллер приподнял голову и, пряча глаза от терпкого апрельского солнца, прикрыл лицо ладонью.

— Ну, что ещё? — спросил он у кучера.

— Осмелюсь побеспокоить, барин. Просили разбудить.

Стеллер огляделся.

— Соликамск?

— Верно, барин, Соликамск.

— Прекрасно! Трогай, — Стеллер махнул рукой, и обоз двинулся мимо небольших деревянных домов.

Сани легко скользили по тонкому снегу, с треском продавливая хрупкую ледяную корку. Георг прищурился: сугробы, нагретые робкими лучами солнца, сильно просели и, покрывшись наледью, искрились на солнце.

«Неужели наконец дошли? Столько вёрст позади... — подумал Стеллер, глядя по сторонам. — Небольшой городок, а сколько церквей!»

Георг возвращался из Второй Камчатской экспедиции в Петербург. За годы, проведённые на Камчатке и Аляске, ему удалось собрать огромную коллекцию ранее не виданных в столице растений, для перевозки которых понадобилось шесть возов. Но ранняя весна изменила маршрут. Надёжно укутанные в дальнюю дорогу растения ожили, задышали и начали пробиваться ростками. Чтобы не потерять коллекцию, Стеллер решил, будучи в Соликамске, высадить растения в ботаническом саду Григория Акинфиевича Демидова. Демидов в письмах частенько обращался к Георгу за советом по устройству оранжереи и настойчиво приглашал его погостить.

После недолгих поисков села Красное обоз остановился у дома промышленника.

Демидов встретил учёного с нескрываемой радостью.

— Мон шер, — улыбнулся он. — Встреча с вами приятна для меня во всех отношениях, и тем для разговоров у нас найдётся несчётно. Поэтому вы можете полностью располагать моим гостеприимством и проживать в доме моём сколько душе угодно.

Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976-м окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Трудился на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования, в настоящее время — директор МАОУ «Центр образования Индустриального района города Перми». Автор восьми книг. Лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2019), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019). Кавалер ордена Достоевского III степени (2020). Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

— Благодарю, мон ами! — Стеллер поклонился. — Я тоже рад нашему личному знакомству, а учитывая важность нашего дела, я рад вдвойне.

За обедом Стеллер поднял тревожащую его тему.

— Нам необходимо срочно высадить ростки в грунт, — подытожил Георг. — И затем перевезти в Академию наук, а некоторые образцы отправить к северу от Стокгольма, в Упсалу, моему другу доктору медицины и известному ботанику Карлу Линнею, к которому отношусь с глубоким уважением.

— Карл Линней? — переспросил Демидов и вытер губы салфеткой. — Лично не знаком, но с удовольствием бы принял его у себя. А сколько растений надобно высадить?

— Восемьдесят образцов, — ответил Георг.

— Восемьдесят?! — восхитился Григорий. — Интересно! Очень интересно! Пойдёмте смотреть, мон шер, я сгораю от любопытства.

Демидов наблюдал, как разгружают обоз, и внимательно слушал Георга, который, жестикулируя, рассказывал о каждом образце.

— Посмотрите на это, майн либер фройнд, — и Стеллер указал Григорию на маленькую шелушащуюся луковицу с едва проклюнувшимся светло-зелёным ростком.

— Тюльпан? — разочарованно спросил Демидов. — Что тут нового? В моей оранжерее их предостаточно.

— Вот в том-то и дело, что нет! — азартно ответил Георг. — Это уникальнейший цветок, я нашёл его на Аляске и назвал Хионией. Передать красоту его, нежность и цвет не сможет ни один рисовальщик. А как передать благоухание его? Мне удалось добыть только одну луковицу. Хиония хотя и обладает красотой неземной, но капризна и своенравна. И оное свойство природы её, несомненно, доставит нам хлопот.

— Да, мон шер, посеяли вы в душе моей любопытство. Так давайте не откладывая приступим к работе.

Несмотря на то что Георг был на шесть лет старше Григория, интерес к биологии и схожесть характеров объединили их, сделав друзьями. По-королевски роскошная оранжерея Григория Демидова пополнилась новыми растениями.

Все они прижились, только Хиония вызвала беспокойство. Небольшой росток хотя и вытянулся, но цвет не набирал, а, наоборот, тускнел, что сильно огорчало учёных. Они тряслись над ним, словно Хиония была не цветком, а маленьким ребёнком, попавшим в беду.

— Вы знаете, мон шер, всё у вас прекрасно в саду, но нет научного порядка, — сказал Георг. — Пока имеется таковая возможность, не заняться ли нам этим?

— С радостью, майн либер фройнд, — живо откликнулся Григорий.

Стеллер помог Демидову определить виды растений, которые Григорий не знал, сгруппировать большой гербарий и завести книгу учёта. Вместе они расставили на грядках и в теплицах сада таблички с названиями растений. Стеллер наслаждался вечерами, когда он и семья Демидова усаживались за огромным полукруглым столом на

новомодной террасе и пили чай из медного лужёного самовара. Но даже в часы покоя и Григорий, и Георг не забывали о Хионии. Георгу хотелось снова понаблюдать за её цветением, а Григорий настолько увлёкся рассказами друга об этом цветке, что не мог дожидаться минуты, когда увидит его во всей красе.

Оставив Хионию на попечение садовников, друзья отправились в длительное путешествие. В поисках новых растений они дошли до реки Чусовой. Демидов уже хаживал по этим местам, но для Стеллера поход стал настоящим открытием красот уральской земли. Пройдя две тысячи вёрст, они вернулись домой.

Первым делом друзья подошли к Хионии. Вместо чахлого жёлтого отростка из земли торчала зелёная стрела. Сочная, ровная, она словно рвалась к солнцу.

— Прекрасно! — воскликнул Георг. — Терпение наше будет ненеприятным!

— Божьей милостью, — согласился Григорий. — А мы пока продолжим походы. Благодаря вам я более и более познаю науку о растениях. Пройдёмте пить чай, майн либер фройнд.

Каждый день Стеллер писал отчёты в Академию, но отправить их времени не было. За работой три месяца пролетели в одно мгновение.

В середине августа, ранним утром, у дома Демидова остановилась повозка, из неё вышел мужчина. Его нахмуренные брови, суровый взгляд и высокомерная усмешка не сулили ничего хорошего.

— Георг Вильгельм Стеллер? — спросил он.

— Да... — растерялся Георг.

— Я сенатский курьер Лупандин. Прибыл немедля сопроводить вас на допрос в Иркутск.

— Но... — начал Георг.

— Собирайтесь, — отрезал Лупандин. — Путь неблизкий.

— Что случилось? — поинтересовался Григорий, когда Стеллер вошёл в дом.

— Вновь вызывают на допрос в Иркутск. Они по-прежнему считают, что тогда, в тысяча семьсот сорок третьем году, я проявил своеволие и выпустил из Большерецкого острога арестованных камчадалов, считавшихся зачинщиками бунта против русских. Но это неправда. Мичман Хметевский, несмотря на запрет Сената, притеснял их, а они невиновны. И ещё он писал на меня доносы, что и послужило поводом для ареста.

— Как помочь вам, мон шер? — участливо спросил Демидов. Отчаяние друга передалось и ему.

— Не знаю. Полагаю, что сия история не стоит вашего волнения, — махнул рукой Георг. — Судебная канцелярия — волокитное дело. Времени жаль. Я прошу вас, Григорий, отправьте в Петербургскую Академию наук и нашему другу Карлу Линнею в Швецию образцы коллекции. Обязательно. И конечно же, луковицы Хионии. Надеюсь, вы доведёте до конца наше дело и взрастите этот великолепный цветок.

— Не сомневайтесь, Георг, — ответил Демидов, — я непременно исполню вашу просьбу.

Друзья крепко обнялись.

Дорога изматывала Стеллера. Постоянные холодные дожди сменялись мокрым, колючим снегом. Лошади вязли копытами в раскисшей глине и нехотя тащили повозку. Промозглость погоды тягостными мотивами бередила душу и усугубляла печаль. Панические мысли не давали покоя, угнетали и сводили с ума. Георг кутался в одежды, его знобило, и он не понимал почему: то ли сдавали нервы, то ли начиналась лихорадка. Да и постоянное присутствие конвоя наводило страх. Безудержное отчаяние охватило Стеллера, и он был готов ко всему. Но стоило ему вспомнить о Хионии, думы о своей судьбе отступали и в памяти возрождался образ прекрасного цветка, увиденного на Аляске. На минуты становилось тепло и спокойно.

«Только бы она ожила...» — думал Георг.

Стеллер преодолел уже немало пути, когда его повозку нагнал курьер от Сената.

— Георг Вильгельм Стеллер, вы свободны, — равнодушно объявил он. — Обвинений против вас нет, и вы можете возвращаться в Петербург.

Георг сложил руки на груди и безучастно посмотрел на курьера. Известие он воспринял спокойно, лишь едва заметная искра на мгновение вспыхнула в провалившихся глазах и тут же погасла.

— Вы больны? — спросил курьер.

— Нездоровится, — кивнул Георг. — Беспокоюсь, что лихорадка.

— К лекарю надлежит обратиться, — проявил участие курьер.

— Да что вы? Мне немедля в Академию наук надобно.

Невзирая на сильную болезнь, Стеллер тотчас выехал в Петербург.

На подъезде к Тюмени Георг получил письмо из Соликамска. Не откладывая ни на минуту, он принялся читать.

«Здравствуйте, мой дорогой друг Георг! — писал Демидов. — Мне не терпится узнать о делах ваших судебных. Я пребываю в надеждах, что всё решилось в вашу пользу. В добром ли вы здравии? Безмерно верится, что всё у вас хорошо.

С горечью сообщаю, что хлопоты наши были напрасны. Хиония не задалась. Листы поддались желтизне и погибли. Событие это я перенёс с нескрываемой печалью, думаю, что и вас это несомненно огорчит.

Не знаю, было ли вам заметно, что во время вашего пребывания в доме моём жена моя любезная Анастасия Павловна была беременна. Намедни с Божьей помощью она разродилась девочкой, что принесло в нашу семью безграничную радость. Вы и представить себе не позволите, сколь много характера и капризности в оном крохотном существе. Она мила и большеглаза. Давеча, любуясь на неё, я проникся мыслью, что, по вашим описаниям заморского цветка, она похожа на него и натурой своей, и красотой. Сим сообщаю вам, что во имя дружбы нашей, Георг, и сует общих наших я решился наречь её Хионией. Глядя на неё, я с теплом душевным буду вспоминать ежечасные дела наши.

Очень надеюсь, что вы найдёте оказию вновь погостить у меня. Чему с большим удовольствием я буду несказанно рад.

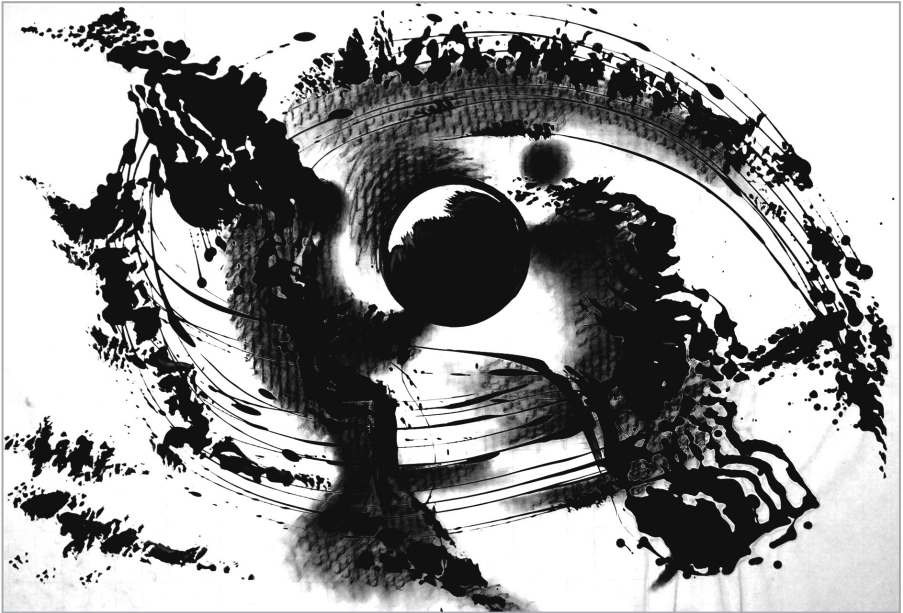
О просьбе вашей я помню и непременно исполню.
С истинным почтением ваш друг Григорий Демидов».

Георг тяжело вздохнул и прикрыл глаза рукой. Медленная слеза стекла по щеке и упала на бумагу, размывая чернила ровных строчек письма.

Через два дня Георг Стеллер умер.

Демидов исполнил последнюю просьбу друга. Бесценную коллекцию Стеллера он передал в Императорскую Академию наук, а дубликаты огромного гербария, как и обещал, отправил Карлу Линнею в шведский город Упсалу, что к северу от Стокгольма.

Часть 2

Максим ДУЛЕНЦОВ

МАШИНИСТ. Из цикла «Маленькие тайны Мотовилихи». Рассказ

День выдался тихий, прозрачный, невесомый, не такой, как обычно. Такие дни хороши в любой сезон, но летом особенно. Летом такой день умиротворяет и успокаивает, лишает обыденности и даёт вкус к созерцанию. Летом нет нужды кутаться в зипун и беспокоиться о калошах на валенках. Нет ожидания чего-то нового, как весной, нет тревоги за будущее, как осенью. Летом тихий день — это идиллия жизни.

Вася сидел на крыльце у дома и ни о чём не думал. Не хотелось ему. Хотелось просто сидеть так, и всё. В доме не было никого, кто бы шумел и отвлекал Василия от созерцания яблонь у крыльца, серой калитки под угловым навесом из досок и части пыльной улицы с зелёной ещё травой у забора. Вася третьего дня вернулся с паровоза на отдых, но уже вчера к вечеру прибежал нарочный дед со станции, сообщил, что завтра в путь. В путь в такой день было неохота. Братья меньшие ушли куда-то, сёстры на пруду стирали бельё, отец был на заводе, мама же тихо копошилась в доме, что-то прибирая и укладывая. Как будто и не было ничего, не было войны и полутора лет безвременья. Отец называл нынешнее время «поганью» и ругал всех, кроме царя, но царя уже расстреляли.

Вася происходил из древнего, по словам отца, рода ремесленников, зачинавшегося ещё чуть ли не при Петре I и всю жизнь размешавшегося где-то на холме Висима и в оврагах Мотовилихи.

— Дед мой Стефан, отец мой Александр и их предки — все на заводе мастеровыми были, умом своим и руками творили железо, чугун и медь, а из металлов этих всё что угодно могли смастерить, — говаривал отец. — И ты, Васька, должён быть как предки твои, а гляди, и лучше ихнего. Поэтому учись, пока можно.

Отец у Василия был самоучкой, школы не знал, обрёл знания на пушечном заводе, куда сызмальства был пристроен. Сейчас по знаниям своим и опыту был мастером цеха, человеком уважаемым и с немалым жалованьем, на которое смог свой дом поставить взамен дедовой избы. Царя жаловал, в церковь ходил, но в Бога верил не особо, своим рукам верил, чему и детей учил. На новую власть плевался и говорил на неё нехорошими словами, за что был признан реакционером, но с завода не удалён по причине своего умения

Максим Кузьмич ДУЛЕНЦОВ родился 4 февраля 1971 года в городе Перми. В 1993-м окончил физический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького. В 2013 году вышла его первая книга «Заветными тропами». С 2014 года публикуется в альманахе писателей Пермского края «Литературная Пермь» и в краевой литературной газете «Пермский писатель». Член Союза писателей России (2020). Лауреат городской премии им. А. Мерзлякова за лучшее произведение художественной литературы (2015). Кавалер ордена Достоевского II степени (2020). Живёт в Перми.

пушки делать, которые любой власти были нужны. Да и стар уже был отец, не страшен никому. А тут и ещё одна новая власть подоспела. Да разве это власти были по сравнению со старой, царской?

Именно отец отвёл Василия в железнодорожное училище, где были у него знакомцы. Вася на испытаниях тоже не сплочовал и был определён в высшую касту чугулки — кочегары. Кочегаром и начал работать, а тут война. На железнодорожников бронь, а перевозок всё равно много, не хватает народу опытного. И стал Вася сначала помощником, а потом уж совсем машинистом. Машинисты всегда и всем нужны. Машинистам жалованье большое положено. Все платили — и царь, и красные, и Колчак. Вот только на мечту Васину не хватало. А мечта была у него такая: свой дом хотел Василий поставить на Висиме, на самом верху. Чтобы виден был всем. Красивый и большой дом, о пяти комнатах и с хорошей печью. Откладывал Вася с жалованья, да накопил мало. Тут ещё лихоелть это уронило цену его накоплений, хоть и успел он что-то выменять на серебро. Короче, на дом никак не хватало. А уж третий десяток вскоре Василий разменять должен. И всё в родительском доме живёт. Галю некуда привести.

Галя жила за прудом, в небольшом домике, с мамой и сестрой. Отец их помер на заводе: прокатом придавило. Заводское начальство платило раньше пенсион небольшой, да после революции перестало. Галя шила всё, что закажут, чинила старое, ловко стучала «зингером» на весь свой старый домик, чем и жила. Мама и сестра помогали. Была Галя черна бровью, темна волосом, гибка станом и очень Васе нравилась. Но как предложить ей руку и сердце, коли дома нет? Вася никак не мог этого сделать, хотя Галя смотрела на него томно и ждала этого предложения уже лет пять. Нет, без дома никак нельзя было на Гале жениться, так уж был Вася устроен. И продолжал копить.

В этот тихий день к Василию должен был заглянуть старый знакомец. Василий знал его ещё с девятьсот пятого. Только поступил в железнодорожное училище, как Аркадий (так звали знакома) появился на его пороге. Появился зимой, в распахнутом тулупе, потный, с двустволкой в руках. Сразу, как стрельба внизу, на Большой, затихла, так и появился.

— Слышь, братка, — сказал Аркадий, после того как Василий на стук отпер калитку, — схорони ружьё. Обложили казаки, слымают с ружьём — застрелят. Будь ласка.

Он сунул тёплое ружьё, пахнувшее порохом, в руки Васи и убежал, махнув рукой. Появился, когда всё стихло, уже после Рождества, ночью. Постучался в дверь, напугал мать, но спросил Василия. Откуда знал? Вася тогда вышел, отдал ружьё, спрятанное в дровянике.

— А я ж знаю тебя. Да и ты меня должён. Я с низов. Встречались ребяташками. Спасибо тебе, братка. А не то айда со мной в лес. Там Сашка Лбов народ надёжный собирает. Покуролесим, порежем казаков да приставов, а? Деньгу сшибанём? Весело!

Вася тогда отказался. Потом слышал, что лбовцев этих, лихоимцев, кого постреляли, а кого на каторгу. Вроде и Аркадия того тоже на каторгу, да он сбёг, а потом неизвестно где ошивался. Объявился лишь после второй революции. Встретились на станции, Василий

тогда уже машинистом был. Аркадий был затянут в кожу, с ремнями наперекрест, с револьвером в блестящей кобуре и красной лентой на фуражке. Поздоровались.

— Ну что, Васька, всё дымишь паровозом?

— Дымлю...

— Эх, говорил тебе тогда — иди со мной в лес. Сейчас бы так же форсил, — шевельнул плечами Аркадий.

— У меня тоже фуражка имеется. И револьвер выдали, да я его дома забыл, — парировал Вася, но Аркадий рассмеялся:

— Не в револьвере дело. Я-то много что могу, а ты — только паровоз водить.

Но что может, Аркадий не рассказал. Кажись, Аркадий был тогда каким-то начальником при красных. Только красных быстро погнали. А потом и Василию выпало быть приобщённым к великому.

По преданиям, рассказанным Васиними отцом и дедом, в их роду уже бывало такое. Якобы в незапамятные времена, лет под сто назад, предок их, будучи в подпитии и лёжа на обочине Сибирского тракта у заставы, имел честь лицезреть самого государя императора. И даже получил пинка от охраны его величества и был обласкан державными очами. Но всё это были лишь байки.

А Василий действительно встретил особу. Хоть и не императора, но всё-таки верховного правителя. Зимой, когда красные, побросав всё и завалив пути на перегоне с Перми Первой на Пермь Вторую, спешно ушли к Вятке, Василия вызвали на станцию сверхурочно. Как человек прилежный, он не отказывался от переработок, хотя и эсеры в управлении железной дороги, и большевики в депо это запрещали. В конце концов, хоть муки пуд дадут — всё вперёд, так рассуждал машинист Василий. И тогда пошёл. Паровоз стоял под парами, заправленный, загруженный дровами аж в три вагона после тендера. Дальше шли пара вагонов с солдатами, четыре купейных первого класса, в хвосте пара третьего и платформа с пулемётами. Пути были оцеплены. Вася принял паровоз по правилам у сменщика, поздоровался с помощником, кочегаром, главным кондуктором. Чего, куда — не спрашивал, сказали «до Кунгура», значит, до Кунгура, там паровоз сменяют. Ну и вышел с паровоза покурить на перрон. А навстречу военный, и не один. Прогуливаются, стало быть, пока свисток не дали на отправление. Вася самокрутку бросил на всякий случай — и верно, военный к нему подошёл. При свете фонаря разглядел Василий погоны золотые, китель дорогой под шинелью английского сукна.

— Здорово, брат, — приветствовал его военный. — Ты, стало быть, меня повезёшь?

Вася кивнул.

— Доедем до Екатеринбурга к утру? — поинтересовался военный.

— Так я до Кунгура, ваше превосходительство, потом паровоз сменяют.

Военный приподнял бровь:

— А если не сменяют?

— Как так не сменяют? Не положено. Ну, ежели чего не так — заправимся да пойдём дальше, до Екатеринбурга топку можно не чистить. Лишь бы дрова были, — уверенно заключил Вася.

— Паровоз в Кунгуре готов, с углём, под парами, Александр Васильевич, — приложил руку к козырьку фуражки другой военный с золотыми погонами.

— Добро. На вот тебе за службу, — первый военный передал Васе серебряный рубль.

Василий рубль принял, ничего не ответил.

— Поблагодари господина Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака! — громко потребовал второй военный.

Василий пробормотал «спасибо», а адмирал Колчак махнул рукой и удалился.

До Кунгура Вася его быстро довёз, все дрова спалил на подъёмах. Вот такая история была. А рубль, хоть и серебряный, хоть и от верховного правителя, что? Тьфу. На дом не хватает.

Калитка скрипнула, во двор вошли двое. Один с винтовкой, перепоясанный ремнём, в фуражке с кокардой милиционера. В нём Василий узнал красного командира Аркадия. Второй человек, в простой рубашке, галифе и сапогах, молодой на лицо, был ему незнаком.

— Привет, братка, — широко улыбнулся Аркадий, раскрывая объятия. Василий ограничился рукопожатием.

— Ты чего это в форме милиции?

— Проще так. Никто не пристаёт, да и в любой дом можно зайти, откроют, — ответил Аркадий.

— Так вроде же красным был?

— Так ушли красные.

— Мы вернёмся, обязательно вернёмся, уже недолго осталось. Слышите, пушки бьют? — сквозь зубы процедил незнакомец. — Нам надо не дать колчаковской сволочи увезти ценности, товарищи. Они понадобятся нашей советской власти. Мы построим на них новое, светлое государство рабочих, тружеников. Я бы на вашем месте, товарищ, взорвал паровоз на перегоне!

И верно, колчаковцы давно вывозили имущество и тылы. Красные были совсем рядом. Вот и завтра Василию в рейс, тащить тяжёлый состав по Горнозаводской ветке в Сибирь.

— Не слушай его, — прошептал Аркадий, — не в себе маленько. Красных ждёт.

— А ты не ждёшь?

Аркадий отвёл Васю в сад за дом. Незнакомец остался у крыльца, подозрительно прищутив вслед глаза.

— Мне, братка, что красные, что белые — всё едино. У меня другие горизонты. Понимаешь? Мне за кого-то голову терять никакого резону нету.

— Так ты вроде, ну... начальником был у красных? — удивился Вася.

— Таких начальников пруд пруди. Подотрутся ими и в выгреб. Я сам себе начальник. У меня один начальник — деньга, один Бог — богатство. Золотишко, серебро, камушки. Вот истинная сила. Если деньги есть, то можно жить и при красных, и при белых, даже при серо-буро-малиновых. Главное — знать, как богатство получить. Ты знаешь?

Вася отрицательно помотал головой.

— Вот! А я знаю. Самое время сейчас, самое время. Я ж тогда от Сашки-то Лбова чего ушёл? Думаешь, чужой арест? Не-е... Я богатства хотел, богатых хотел ножиком шекотать и их золотишко забирать. А Сашка не хотел. Идеальный был. Просто так ему убивать нравилось, без смысла. Вот я и ушёл. Потом всё равно на каторгу загремел. А сейчас я учёный. В форме милицейской куда угодно можно зайти, я и ходил по домам. Нынче что? Паника нынче. Все толстопузы свои закрома пооткрывали, богатство своё достали, в чемоданы упаковали и валить собрались с белыми в Омск. А я всех и записал. Где, что и у кого. Пора нам, братка, стать богатыми.

— Ты чего задумал-то?! — испугался Василий.

— Завтра в рейс? — вопросом на вопрос ответил Аркадий.

Василий кивнул.

— С утра? С Перми Второй по Горнозаводской?

Василий кивнул опять. В горле у него пересохло. Появилось чувство нехорошего.

— Завтра на перегоне я в состав заскочу. Охраны не будет?

— Нет, только кондукторы, и те не везде. Неужто ты...

— Ты меня возьми, спрячь, в Екатеринбурге я уйду. Делов-то тебе всего ничего. А я тебе мзду дам. Не пожалеешь. Много дам, — пообещал Аркадий.

— Людей резать будешь? — жалобно спросил Вася.

— Люди ли они? Нет, не буду, ежели так отдадут. А может, и пушу кровь, мало ли её уже пролилось, от пары вёдер хуже не будет...

Хотел было Вася отказать, да испугался. Мужик лихой Аркадий, человеческой жизни не жалеет, а свидетеля оставлять разве будет? Не было выбора.

— Ладно. Я на перегоне скорость сброшу. Потом после Перми Первой тебя найду и спрячу. Залезешь на предпоследнюю площадку, там кондуктор не будет смотреть до Калино. А я приду, спрячу.

— Ну вот и ладно, братка. У тебя револьвер остался?

— Остался. Старый, патронов дали только шесть штук.

— Давай. Подельнику моему. Потом отдам.

— А его зачем берёшь? Он же большевик.

— Вдвоём сподручнее. А потом я его... — Аркадий провёл рукой по горлу.

У Василия захолонуло сердце, да некуда уж было деваться. Принёс револьвер и патроны, Аркадий передал его незнакомцу, лихо присвиистнул, и оба они ушли со двора, оставив Васю в тревоге и смятении.

Утром следующего дня, в холодной дымке рассвета, Василий вывел состав со станции по Горнозаводской ветке.

Новости были неважные. Начальник станции приказал гнать состав турным способом, посадив в товарный вагон за тендером вторую бригаду.

— До Омска пойдём, — сказал старый машинист Палыч, укладываясь спать на нары, застеленные соломой. — После Чусового сменю тебя. Чую, не вернёмся в Пермь. В Невьянске воинскую охрану подсадят. Эх, что за жизнь пошла, тяжёлая жизнь...

Не вернуться в Пермь Василий никак не мог: Галя, дом, родные. Уходить с белыми он не хотел. Но как вернуться? Что он мог сделать? Занятый размышлениями, он чуть не забыл притормозить на перегоне,

благо семафорщики сами стали притормаживать состав флажками, сигнали о задержке перевода стрелок. Василий прошёл Мотовилиху, свистнул помощнику, чтобы держал ход, и ушёл в хвост состава по крышам, сославшись на малую нужду.

На площадке предпоследнего вагона лежал Аркадий. Зипун его был в крови, рядом валялся холщовый мешок. Аркадий едва дышал.

— Ты что же? — спросил Василий, приподнимая его.

— Гнида большевистская, предал. Отказался тащить мешки к поезду. Закопаем, говорит, в подвале, наших дождёмся. Чуюл, видать. Пока я нож доставал, пальнул в меня. Я его прирезал, конечно, но один не мог мешки вытащить, прихватил вот один... — Аркадий говорил с трудом, едва дыша. В горле булькала кровь вперемешку со слюной. — Ты меня сховай, братка. Тут нам хватит. А потом я вернусь и остальное заберу. Я знаю, где лежит...

Это всё, что смог сказать Аркадий Василию. После слов этих он харкнул кровью, захрипел и отдал Богу душу. Василий проверил мешок — там гремело столовое серебро, золотые безделицы и пара икон в золотых окладах. Василий завязал мешок потуже, выглянул в глухой длинный поворот пути. Убедившись, что никто его не видит, скинул мёртвое тело на насыпь, перекрестился трижды, взял добро и спрыгнул с поезда. Теперь ему точно не надо уезжать из города, теперь на дом хватит. И Галя заждалась уже.

Адмирала Колчака расстреляли через полгода, труп Аркадия местные жители прикопали у Камы недалеко от Лёвшино, в 1965 году его неизвестную могилу поглотила река. А Василий построил на Висиме новый дом о пяти комнатах, были у него сыновья, внуки, правнуки и праправнуки, и жил он долго и, наверное, счастливо.

Елена ДОЛГОВА

ВЫХОД НАЙДЁТСЯ ВСЕГДА. Рассказ

Скала торчала над порослью молодых деревьев словно спина дремлющего дракона. Ромашов прищурился — на миг ему показалось, будто среди камней темнеет скорчившееся тело. У подножия, впрочем, ничего плохого не оказалось: старые шишки, притоптанная трава и остывшее костровище. Катя подошла и остановилась рядом, поправляя налобный фонарик. Её рыжие волосы выбились на висках из-под банданы, солнце июня уже позолотило щёки, сделало более заметными мелкие веснушки.

— Ты бы лучше осталась здесь, покараулила вещи, — сказал Ромашов, отвернувшись.

— Да кому они нужны... Я тебя одного внутрь не пущу. Ты, Пашка, сам дороги назад не найдёшь.

— Ревнуешь, что ли?

— Ага. К Хозяйке Кирьяновских пещер.

Ромашов пожал плечами, спорить с утра не хотелось. Он вытащил коммуникатор, в который заранее записал карту, подвигал пальцем, меняя масштаб. Хозяйка давно стала неактуальным мифом со страниц истрёпанных книг.

— Смотри, я буду отмечать здесь каждую развилку. Просто не отставай, и всё будет хорошо.

Катя не ответила. Её тонкие руки обняли шею Павла, но через секунду разжались.

Идея взять в помощники девушку с самого начала выглядела плохо, но ситуация не оставляла выбора — он не мог оставить её дома без крайнего риска.

Скала всё так же торчала в небе тёмно-серым горбом. Где-то под ней, в тёмной утробе земли, тянулись давным-давно заброшенные Кирьяновские каменоломни. Место было древнее, тёмное, легендарное, но при этом частично обжитое. Скелеты якобы умерших под землёй каторжных рабов, если и существовали, давно превратились в пыль. В новейшие времена верхние более-менее комфортные выработки облюбовали местные тусовки. Ребята эти появлялись там хоть не часто, но метко, оставляя после себя граффити и тот разнообразный хлам, который неизбежно порождает цивилизация. Нижняя часть пещер сообщалась с верхней лишь узким, затерянным в лабиринте лазом. Там, внизу, в мало посещаемой людьми тьме, могло находиться что угодно.

Елена Владимировна ДОЛГОВА родилась 24 апреля 1964 года в городе Соликамске Пермской области. Окончила электротехнический факультет Пермского политехнического института, после чего занималась исследованиями в области технической кибернетики и искусственного интеллекта; доктор наук. В настоящее время работает в ПНИПУ: профессор кафедры информационных технологий и автоматизированных систем. Член Союза писателей России (2005). Известная писательница-фантаст. В жанре фантастики впервые выступила в 2001 году. Автор более десятка книг, в основном вышедших в московских издательствах. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

Ромашов ощутил на спине холодок и отвёл взгляд от скалы. Спускаться на самое дно он, во всяком случае, не собирался. Его проблема не имела отношения ни к поиску новых ощущений, ни к бесшабашной жизни любителей-спелеологов. Ситуация оставалась мерзкой, но при этом вполне обыденной, и в основе лежал долг. Не тот в высоком смысле долг, с которым Ромашов никогда не сталкивался, а самый простой, сводившийся к сумме с пятью нулями.

«Если не расплачусь до вторника, они придут прямо домой. Уездут в лес, будут бить, трахнут при мне Екатерину. В полицию идти нельзя. Я не хочу в тюрьму. И умирать тоже не хочу».

Задание, которое покрывало его долг, сводилось к спуску в Кирьяновку и выносу из тайника некой «посылки от друзей», под оболочку которой Ромашов заглядывать не собирался. «И как же я дошёл до жизни такой?.. — подумал он тоскливо. — А впрочем, сам виноват. Расслабился, повёлся на дружбу с этим Купером, а слабым в нашем мире быть нельзя. Скоро всё изменится. Достану, отдам, возьму подругу, уеду на Дальний Восток, и хрен нас там найдёшь. Сотру аккаунты в соцсетях, обрублю все концы». Сказав это самому себе, Ромашов успокоился.

Вход в Кирьяновку выглядел дырой между валунами, которую пытались залить бетоном. Заглушку, впрочем, давно уже сломали.

— Ну что, пошли, Катька, — произнёс Ромашов вслух, включил фонарик на лбу и скользнул в прохладную темноту...

* * *

Мир вокруг переменялся. Сначала погас яркий солнечный свет, потом пришло осознание тишины. Шум ветра в кронах сосен, тонкий писк комаров — всё это исчезло, остался лишь лёгкий звук Катиного дыхания. Свет от налобного фонаря заметался по стенам. Воздух, против ожидания, оказался вовсе не спёртым, а чуть влажным, с пресным привкусом камня. Ромашов ткнул пальцем в подвешенный на шее коммуникатор, отмечая первую точку маршрута. Идти предстояло долго, оставалось набраться терпения.

...Они остановились на привал через час, ощущая крайнюю усталость. Узкие проходы сменялись относительно широкими пещерами, пару-тройку раз пришлось довольно долго ползти на животе. Пот заливал глаза, дыхание сделалось учащённым. Катя молчала и не жаловалась, но, безусловно, очень устала.

— Посидим тут у стены.

Ромашов прижался к холодному камню спиной и, экономя заряд, выключил фонарик. В наступившей тишине он, казалось, слышал чей-то шёпот. Неясный, одновременно пугающий и манящий, он произносил одно и то же неразборчивое слово. Гигантская толща камня, которая отделяла их от солнца, внезапно сделалась осязаемой. Ромашов остро ощутил тесное пространство, стены которого медленно сжимались в темноте, грозя стиснуть, раздавить, размазать нежное мясо людей, с сахарным хрустом сломать их кости...

Он едва подавил непрошеную панику и включил фонарик. Тьма ненадолго отступила. На большом валуне виднелось полустёртое граффити — стилизованный звериный силуэт с острыми ушами, нарисованный бурой, похожей на запёкшуюся кровь краской. Усталая Катя зашевелилась рядом.

— Здесь чем-то плохо пахнет, — пробормотала она.

«Груп торчка, может, заваялся», — подумал Ромашов, а вслух коротко бросил:

— Яма с фекалиями.

— Фу...

— Не «фу». Люди должны где-то оправляться, вот они и сделали яму, чтобы не пачкать под ноги.

— Значит, подолгу тут жили.

— Вроде бы, но теперь почти все ушли.

— Почему?

— Не знаю. Надоело, наверное, а может, местные выгнали.

Он замолчал. Обрывки неприятных историй сами собой всплывали в памяти, но заключённый в них страх упрямо не хотел складываться в слова.

«Вроде бы кто-то тут умер, но кто и когда? Или убили? Может, принесли в жертву?» Воображение тут же услужливо нарисовало картину: широкий, плоский камень, растянутое на нём обнажённое тело, запрокинутая голова, разинутый в беззвучном вопле муки рот. Ромашов тряхнул головой, отгоняя видение. «Это просто галлюцинация. Я мужик, я должен держать себя в руках».

Плечом Ромашов ощущал, как дрожит озябшая Катя.

— Вставай, пошли.

Он принял. Слабый противный запах не походил на трупный. «Надеюсь, не газ какой-нибудь».

Оба они, насколько можно, ускорили шаг, преодолевая незнакомую прежде скованность в суставах, огибая острые углы камня, боком пробираясь сквозь узкие места. Холод уже залез под куртки, от влаги подмокли ботинки.

— Кажется, пришли, это здесь, — с облегчением сказал Ромашов, делая последнюю отметку на карте.

Выработка была низкой, но широкой, потолок находился всего в метре от пола. Фонарь не осветил ничего конкретного, лишь бесформенное тёмное пятно у дальней стены.

— Ты точно не ошибся?

— Нет, это здесь. Давай подожди меня.

Ромашов опустился на четвереньки и пополз. Луч фонаря ушёл вниз, лишая его обзора. «Ну, так дело не пойдёт». Павел перевернулся на бок, надеясь хоть в таком положении рассмотреть пространство получше.

Камни были чистыми, без граффити, никаких следов чужого присутствия. Он пополз вперёд, потом ещё и ещё, стараясь дотянуться до тёмного пятна...

* * *

Ромашов пропустил мгновение, когда опора исчезла, и он рухнул рухнул вниз в облаке щебня. Очнулся, не понимая, сколько времени прошло, и под горестный крик Кати:

— Паша! Пашенька, не молчи!

— Да жив я, жив, — ответил Ромашов, попытался встать и ощутил боль в лодыжке.

Осколки его собственного, ударившегося о камень фонаря скрипнули под сапогом. «Надо включить запасной, — вяло подумал Ромашов,

но сумка и карманы оказались пусты. — А что с ногой? Перелома вроде нет, может, растяжение, а нам ещё до выхода плестись».

— Как ты там, наверху, «посылку» нашла?

— Нет.

— У меня фонарик разбился, не видно ни черта! — Он грязно выругался, не желая больше сдерживаться, и добавил: — Ладно, кидай верёвку. Вылезу, поищем, в каком месте свернули не туда.

Катино бледное лицо появилось вверху, в ореоле света. Ромашов осмотрелся. Камни вокруг торчали словно клыки, пятачок, на который он свалился, оказался единственным более-менее ровным пространством.

Вид Кирьяновки сильно переменялся: больше никаких следов копоти или краски, ни единого клочка мусора, никаких следов человека. То, что находилось по сторонам, более всего напоминало неправильной формы трёхмерный лабиринт, который тянулся, быть может, на пару десятков километров в любом из возможных направлений. Где-то капала вода. Озноб, казалось, усилился.

«Я на нижнем ярусе. Сюда почти никто не ходит». Мысль пришла и ушла, кольнув холодной иголкой тревоги. Ромашов ощупал лодыжку и почти обрадовался острой боли, которая отвлекала его от холода и страха.

— Катька, поторопись!

Луч фонаря исчез. Наверху замолчали.

«Бросила меня и сбежала, сука». Короткую обиду мгновенно сменила паника: нечто бесформенное из мрака двигалось слева и снизу, подползая, обволакивая, пережёвывая мягкими, мерзкими губами. Ромашов задохнулся и кое-как выдавил из себя вопль:

— Катька, шевелись!

Свет снова затеплился, и сверху свалилась верёвка. Бесформенная тварь попятилась во тьму.

— Ты трос хорошо закрепила? — спросил, отдышавшись, Ромашов.

— Да. Не придирайся.

— Тогда я лезу.

Он перевёл дыхание и вцепился в верёвку, кое-как встал на одной ноге и попробовал подтянуться на руках. Мокрое волокно скользило под перчаткой, перед глазами плавали радужные круги. Он попробовал снова. На этот раз оторвался от каменного пола и завис, качаясь, словно муха на липкой нити паука.

Катя наклонилась и вцепилась в его куртку, помогая. Ненадёжный камень крошился. Страх снова накатил мутной волной, и Ромашов из последних сил вцепился в Катину руку.

Потолок покачнулся, раздался визг девушки, градом посыпался щебень, и Павел рухнул вниз, придавленный живой и тёплой тяжестью.

— Катька! Дура! Ты как крепила?!

Он схватил упавшую на него сверху девушку за плечи, не видя её лица, ослеплённый яростью и лучом чудом уцелевшего налобного фонаря. Теперь уже бесполезная верёвка, словно холодная змея, оплела им ноги. Подруга молчала — то ли потеряла сознание, то ли пока не оправилась от удара. Ромашов с трудом подавил желание закатить ей пощёчину.

«Ну вот и всё, приехали», — подумал он в отчаянии, хотя то, бесформенное, из мрака, на этот раз не явилось — оно предпочитало питаться людским одиночеством. Ромашов осторожно уложил Катю на спину, а её голову — себе на колени. Девушка была тёплой, дышала, но никак не приходила в себя.

— Детка, очнись! Хватит меня пугать, не притворяйся, тебе не больно.

Он выждал какое-то время и попытался привести девушку в чувство — сначала ласково, потом грубо. Он снял с её головы фонарик и надел на себя. Безжизненное тело напоминало сломанную куклу, и сущность во тьме снова придвинулась, жадно чавкая губами. Свет фонаря еле-еле сдерживал её.

— Господи, что же делать-то... Как глупо вышло... Не подфартило...

Ромашов искал на шее Кати пульс и наткнулся на липкую струйку крови. Крови становилось всё больше, тело словно бы холодело, утрачивая тёплую мягкость и приобретая тяжёлую инертность трупя.

— Зачем ты так, не уходи, я ведь люблю тебя, я всё это сделал только ради тебя... — повторял он, сохраняя от прежней личности только способность лгать.

Он ещё смутно помнил последние месяцы жизни, ту череду вспышек решимости и компромиссов, которая привела его во власть Купера и в глубину Кирьяновских пещер.

Сердце Кати теперь стучало с перебойями. Пульс бился ниточкой, которая становилась всё тоньше. Кровь текла на руки Ромашова и на его одежду, но он так замёрз, что почти радовался этой толике тепла. Сознание помутилось. Сущность подползла вплотную.

С последним ударом сердца Кати она бросилась на Ромашова и схватила его чёрным ртом...

* * *

Он очнулся живой, одинокий, в холоде и в полной тьме. Где-то там, далеко, в невообразимой вышине за слоем песчаника, ещё оставались тепло и жизнь. Боли в лодыжке он больше не ощущал. Тело Кати, если даже находилось поблизости, отвердело, стало холодным и почти не отличалось от камней. Он искал на поясе фляжку, нашёл, открыл, прижал горлышко к губам, но последние капли влаги не утолили жажду.

— Врёшь, меня не сломать...

Он трясушимися руками нашупал коммуникатор, включил и жадно уставился на перечёркнутый свежей трещиной тусклый экран, пытаясь вспомнить спасительный номер, но сигнал всё равно не проходил сквозь камни.

«Ничего. Даже со дна можно подняться. Выход всегда есть».

Теперь Ромашов чётко видел этот выход на карте — близкий, помеченный жирным крестиком. Он пополз в ту сторону, ужом огибая камни и морщась от вновь вернувшейся боли. По мере движения мышцы согревались и боль становилась всё сильнее; одежда до самой кожи пропиталась влагой, но сухой рот горел, пришлось остановиться и слизать капли с мокрого валуна — они почему-то отдавали солёным. Ромашов решил, что, как только выберется наружу, придумает план расправы с Купером. Может, даже казнит врага в этой самой

пещере. Он попытался продумывать детали, но мысли ворочались как-то странно — непоследовательно и туго. Силуэт зверя с острыми ушами появился на фоне стены и обрёл плоть. Этот молчаливый спутник беззвучно шагал рядом — одновременное воплощение как преданности, так и угрозы.

— Ничего, Тузик, прорвёмся, — прошептал Ромашов, помогая себе руками.

Он сорвал ногти, протаскивая тело через узкий лаз, но теперь точно знал, что выход совсем рядом. Фонарик ещё теплился, но батарея коммуникатора села. Впрочем, Ромашов обрёл особую форму сознания и больше не нуждался ни в карте, ни в свете. Он смутно понимал, что ползёт всё глубже в смертельные лабиринты Кирьяновки, но вместе с тем не сомневался, что свобода близка. Пару раз ладони кололи не камни, а кости — возможно, они принадлежали рабам, а может, летучим мышам или крысам. Мягкое кожистое крыло коснулось ромашовских волос (шапку он давно потерял).

— Эй, есть здесь кто-нибудь?!

Издали и впрямь доносились голоса. Они говорили неразборчиво, словно на чужом языке. Разговор сопровождался миганием фонаря.

— Сюда, на помощь!

Люди приблизились, окружили Ромашова тесным кольцом, подняли на руки и понесли. Слезы радости затуманили зрение, обильно потекли по скулам.

— Спасибо вам, мужики...

Его ташили всё быстрее и всё более грубо, звуки становились громче, сливались в хоровое пение. Потом полыхнули факелы, стены раздвинулись. Люди, которые несли Ромашова, замедлили шаг и грубо бросили его на нечто твёрдое. Грубые верёвки впелись в запястья и лодыжки, растягивая тело на плоском камне. Чужие руки разорвали одежду.

— Нет, нет! Не надо! — кричал он, с опозданием понимая, насколько ошибся.

Жертвенный нож сверкнул так ярко, что напомнил навсегда потерянное солнце. Ещё через миг острое лезвие с хрустом вошло в живот...

* * *

«Есть вроде бы хочется, а может, жить...» — подумал Ромашов, очнувшись в большой луже пещерной воды. Похоже, вода прибывала, просачиваясь из водоносного слоя; но озноб прошёл, сделалось даже жарко, и Ромашов на ощупь расстегнул молнию, наполовину освобождаясь от комбинезона. Он был цел, враги померещились, зверь куда-то улизнул, но фонарик погас, и теперь первородная тьма смотрела человеку в лицо. Двигаться не хотелось, и он просто корчился, будто раздавленный червяк, имитируя движение и подчиняясь далёкому зову.

«Призываю тебя, иди».

— Точно, меня ведь ищут.

Это казалось невероятным, но Ромашов всё же пополз, уже без цели, без мысли и без особой надежды. Временами сознание меркло, временами возвращалось, и тогда накатывало лютное отчаяние.

В конце очередного узкого лаза забрезжил свет.

— Иди ко мне, Павел, — раздался голос Кати.

— Не пойду к тебе, я не хочу умирать... — попытался он про-
бормотать немеющими губами.

Женский голос, впрочем, принадлежал не Кате, просто у незна-
комки тоже оказались такие же рыжие волосы. Одетая в нарядный,
дорогой комбинезон, она протягивала Ромашову руку.

— Встать можешь?

— Да.

— Тогда пошли.

— Куда?

— Увидишь. Я тебя с самого утра искала.

С огромным трудом он всё же встал на цепенеющие ноги. Спо-
тыкаясь, двинулся вперёд. Через час они вдвоём выбрались наружу
через потайной лаз. Ромашов был счастлив. Алый закат окрасил небо
и верхушки сосен.

— У меня тут джип припаркован, садись, — предложила незна-
комка, и Павел рухнул на кожаное сиденье, ощущая, как от усталости
дрожат ноги.

Чуть позже девушка пригласила Ромашова погостить на даче, и он
не отказался. Дача оказалась миниатюрным трёхэтажным дворцом в
окружении идеального газона. Следующим утром Ромашов нежилась
в бассейне, ощущая на себе ласковые касания женских рук.

— Извини, я всё ещё не спросил, как тебя зовут, — сказал он.

— Имя не важно, главное, я Хозяйка Кирьяновских пещер, — со-
странным смешком ответила девушка.

— Я думал, хозяйка там — смерть.

— А с чего ты взял, что ошибался?

— Значит, так и есть.

— Молчи, не дёргайся. Тебе ведь хорошо, остальное не важно.

Ромашов запрокинул голову и уставился в голубое небо, сквозь
которое неумолимо проступали очертания чёрного пещерного по-
толка.

«Ну и ладно, мне и вправду очень хорошо», — решил он, опуская
веки и окунаясь с головой...

* * *

Ледяная вода из подземного источника всё прибывала, омывая
скорчившееся на полу пещеры неподвижное тело человека. Лицо
почернело, заледеневшие руки почти без ногтей вцепились в камень.
Полностью потеряв способность мыслить, он продолжал дышать,
пока вода не залила рот.

Алексей МАЛЫЦЕВ

ХОДИКИ. Стихи**У ВХОДА В ОТТЕПЕЛЬ**

Опять помешан
на весне я,
у входа в оттепель стою...
сверяя поминутно с нею
любовь внезапную
свою.

Как в юности
девятиклассник,
за одноклассницей
с тоской
слежу...

Будь проклят женский праздник —
не женский, кстати,
а мужской!
Его так ждёшь...

И эти миги
тебя нервируют слегка.
Дышать мешают,
как вериги,
хоть лёгкие,
как облака.

Вот приближаюсь к ней,
краснея
и под собой не чую ног.
Всё как в тумане,
как во сне я,
и только мысль шальная:
«Смог!
Сумел!

А там — как ляжет карта...»
Ах, как на сердце
горячо!

И первая декада марта
не отфлажкована ещё.

Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми — «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии Правительства Кировской области им. Н. Заболотского (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

ХОДИКИ

Мимо рекламы халвы, колбасы,
 словно какой-нибудь клад,
 бабка несёт в мастерскую часы,
 в трещинах весь циферблат.
 В полночь на Троицу встал механизм,
 что-то сломалось внутри...
 Бабка на том циферблате всю жизнь
 метила сроки и дни.

— Выкинь! — намедни ей внук приказал. —
 Ходики, ба, прошлый век!
 Бабка платком промокнула глаза
 и промолчала в ответ.
 Вспомнилось детство: отец на войне,
 в доме шаром покати...
 Словно икона на белой стене —
 ходики. Стрелки — в пути!

Мать разливала прозрачные ши,
 после работы устав.
 — Доченька, всё на базар уташи,
 ходики только оставь.
 Слышишь, как с нами они говорят,
 может быть, просят чего...
 Гирька тяжёлая, будто снаряд —
 тот, что отца твоего...

Всё утекло. Не во сне — наяву,
 в хлопотах и маете.
 Думает бабка: «Зачем я живу?
 Ходики, эвон, и те...
 Вдруг не возмутся чинить в мастерской?
 Снилось не зря вороньё!..»
 Ташит с трудом в суматохе людской
 прошлое бабка своё.

* * *

Ветер южный,
 ветер встречный
 вновь напомнил мне о вечном,
 указал на недочёты,
 образумил, наконец...

Ветер встречный,
 ветер южный
 так лицо мне «отутюжил»,
 все морщины так разгладил —
 что хоть завтра под венец!

В ЗАРОСЛЯХ РЯБИНЫ ЧЕРНОПЛОДНОЙ

Я в зарослях
 рябины черноплодной
 могу, друзья,
 писать о чём угодно —
 о близких людях,
 о далёких звёздах...
 Я детство вспоминаю
 в этих гроздьях!
 И хоть её я
 не прошу об этом —
 рябина помогает мне с сюжетом.
 Сюжеты получаются смешные...
 А заморозки
 как бы
 не страшны ей.
 Отведав
 ледяную терпкость
 ягод,
 я заряжаюсь
 вдохновеньем на год!

СНИМОК ФОРТУНЫ

Милану Кундере,
 автору романа
 «Невыносимая лёгкость бытия»

Лёгкость бытия невыносима...
 Впрочем,
     как и тяжесть бытия...
 Щёлк —
     и у фортуны новый снимок,
 и на нём —
     в который раз —
                                 не я!

Не сосед-пьянчуга,
     не начальник.
 Повезло счастливицу при всех
 эпизодом промелькнуть случайным,
 в кадре засветившись...
     Как на грех!

Мысли,
     словно ветки,
 индевеют.
 Жизнь ползёт к зиме —
 как ни крути...

Может, надо было чуть левее
или чуть размашистей пройти?

Сигануть наискосок по луже
иль, рискуя жизнью, по шоссе...
Чёрт возьми,
ведь я его не хуже!
Почему я должен быть как все?!

Почему опять всё
мимо, мимо?
И вернуться в прошлое нельзя...
Лёгкость бытия невыносима.
Впрочем,
как и тяжесть бытия.

Я СЛАБОСТИ ТВОИ БОГОТВОРЮ...

— Ну, что ты с ней
как с маленькой, ей-богу?
Расстанься,
сразу легче станет, друг!
Зачем ты выбрал эту недотрогу?
Нормальных, что ли,
не было вокруг?

Я слышу постоянно эти речи.
Друзья, коллеги —
все кому не лень —
с той самой нашей,
самой первой встречи
мне действуют на нервы
каждый день.

А я уверен — всё преодолею,
и слабости твои боготворю...
Я справлюсь,
я смогу,
я всё сумею!
«Капризничай!» — тебе я говорю.

Нина БОЙКО

АДОВЫ БУДНИ. Святочный рассказ

Измученный скукой сидел Сатана возле чана с гудроном, в котором варились многие тысячи лет преступники разных мастей, и равнодушно подсовывал в пламя очередное полено.

Всё надоело ему в проклятом аду: каменный свод с длинной трубой, вечный огонь под чаном, склады с дровами и бесконечные лабиринты. Множество раз он корил себя за несдержанность с Богом: сидел бы сейчас рядом с Ним, птичек бы слушал, вишенки ел. Зачем захотелось перечить Ему, мир Его портить? А всё от гордыни! Сиди вот теперь, слушай, как в чане вопят.

Отворилась массивная дверь преисподней, подручные заташили новенького.

«Только бы не графоман!» — передёрнуло Сатану. Варить их в гудроне нельзя, преступлений за ними не значится, и ходят они по аду, слагая стихи и прозу, и донимают его своими творениями.

Недавно вот сцепился с одним. Так уж просил послушать, что благосклонно махнул:

— Валяй.

Тот радостно начал:

*Ведь если вдруг где оторвётся
От общей массы сорванец,
И если болью отзовётся
Из тьмы безудержный гонец,
Его усмирят покаянье
Души моей на воздаянье.
На всякий гнев моё прощанье.
Добра и света завещанье.*

— Бессмыслица! — рявкнул ему Сатана.

Поэт не смутился:

— Я упираюсь в мелодию, а не в смысл.

— А грамоту знаешь, новатор?

— А не скажите! Про нелогичность, неправильность сколько Фету пришлось пострадать, и не только ему!

И теперь этот тип ходит по аду, ругаясь, что сильно обижен Нечистым.

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе Пермской области. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В словесном творчестве тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (номинация «Рассказ», 2005), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (номинация «Очерк», 2010), лауреат литературной премии им. А. Платонова (номинация «Рассказ», 2011). Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе.

— За что меня в рай не пустили? — скрёб по камням башмаками и упирался новоприбывший. — Я двадцать раз Петру объяснял, что об Иисусе писал как никто!

*На кресте продолжая полёт,
Снизойдёшь ли до крика?
Твой Небесный Отец не поймёт,
В чём же тут заковыка.*

И после таких гениальных стихов меня как собаку... Отстаньте! — стал он вырываться из лап подручных. — Разве сравнить меня с Тяпкиным? У него — ерунда о Христе:

*Чудны дела Твои, Господи!
Солнцем из облака Ты показался!
Белый, как в пудре, гляди.
В какой Ты воде искупался?*

— Шляется здесь этот Тяпкин, — Нечистый схватился за зубы. — Иди вон к костру, поленья кидай. Да чтобы горели не так, как на том фестивале.

— Какой фестиваль?

— Поэтический. Приехали вы, человек восемнадцать, все гениальные, и не сумели костёр развести, чай вскипятить. Ладно, кидай поленья, да шибко не слушай, как в чане преступники воют. И как не охрипнут, заразы?

С большой неохотой новенький поднял полено.

— Тысяча двести стихов у меня, — бормотал, — а он ко мне с хамством! Впрочем, что взять с Сатаны? Но Петру не прошу, хоть он и апостол!

Сатана, заплетаясь копытами, хмуро побрёл в восточную сторону, где он заметил какое-то сборище.

— Чем вы тут заняты? — грубо спросил.

— Литературный журнал издаём. Большое брожение идёт. Нелидов не врёт про корову, а Бакаев и Тяпкин врут! Их даже ад не исправил, врунов!

Сатана усмехнулся и сел на чурбак:

— Прочти-ка, Нелидов.

— Рассказ называется... — начал Нелидов. — Ладно, название — дело десятое. «Ну так и что? — кричала большая корова в шляпе. — Что же, что я люблю наряжаться? Я женщиной хочу быть, а не коровой!» — «Накладно ведь, — мыкнула рыжая Дунька. — Молоко вздорожает». — «А мне-то какая печаль?» — «Вот потаскуха ты, Изабелла!»...

— Занятно, — прервал Сатана, почесав ногу об ногу.

Решив, что ему по душе потаскухи, орава писателей загалдела:

— И мы так умеем, и мы не хуже!

Тяпкин кричал громче всех:

— Слушайте! Слушайте!

*Что ты лезешь, как осенью муха!
Неужель мужика невтерпёж?*

*Подожди у меня, потаскуха,
Я всажу под ребро тебе нож!*

Сатана обречённо вздохнул и подался к костру — проверить, что делает новенький. Тот успел утомиться, костёр прогорел, гудрон остывал, убийцы, грабители и государственные преступники отдыхали. Двое, усевшись на краю чана, курили.

— Эх ты, безрукий! — сказал Сатана и лично подкинул большое полено. — Дуй вон туда! — указал новичку на толпу, обсуждавшую новый журнал. И так оглушительно свистнул, что даже гудрон расплескался в костёр, отчего всё застлало коричневым дымом.

Никто не заметил, как в этом дыму сатанинские детки уже окружили писателей.

— Стройся в шеренгу! — визжали они. — Первый заход — вокруг Солнца, прожаритесь, вышибет дурь. Дальше — к Меркурию, чтоб закрепилось, что вышибло.

Под оглушительный вопль гениальных творцов детки погнали их по маршруту.

«Ну, молодцы! — похвалил Сатана. — Ни один даром хлеба не ест». Оп! — что-то вспомнил, и вмиг перед ним оказался Нелидов. — Хочу уяснить, с чего ты завёл про корову, ты же всю жизнь строчил для газеты брехню.

— А давайте на совесть, — расправил плечи Нелидов. — Побыли бы вы в моей шкуре! Того не пиши, это нельзя...

— В таксисты бы шёл.

— Их без меня больше, чем надо.

— Ну удавился бы.

— Видишь, как вы завернули! Впрочем, что взять с Сатаны?

И получил копытом в поддых.

...Глаза он открыл на операционном столе. «Ожил! Восемь минут клинической смерти!» — услышал.

Через четверо суток Нелидов уже диктовал в газету статью, как попал после смерти прямо на небо и так ему понравилось там среди пальм и магнолий, что не хотел возвращаться назад. У Сатаны от такого бесстыдства дыбилась шерсть на загривке: «Ну, попади ты ко мне ещё раз!»

Николай ГЛУМОВ

В ОКРЕСТНОСТИ РОДНОГО КРАЯ. Стихи

* * *

Всю ночь сидел задумчив Фет
И гладил бороду ладонью,
Он был в нарядный фрак одет,
Как призрак мне не посторонний.

Он постоянно вопрошал
Меня про новые предметы.
Вниманья я не обращал,
Он странно хмурился при этом.

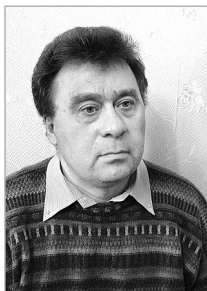
Да что мне Афанасий Фет,
Помешик, скупердяй, зараза!
Да он был вычурный поэт —
Как дома из Китая ваза.

Сейчас пройдёт ночная жуть.
Она томит перед рассветом.
Как дальше жить? Да как-нибудь!
Переживу всех рядом с Фетом...

СТРАХ И ТРЕПЕТ

Выходишь на прогулку.
Три четверти второго.
Бредёшь по переулку.
И вдруг встречаешь Слово.

Всего одно лишь Слово
И этот скучный город —
И понимаешь снова,
Что ты уже не молод.

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми Пермской области. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Лауреат премии им. А. Решетова (2015), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016). Живёт в городе Перми.

И понимаешь снова,
Привычно стиснув зубы,
Подвластный силе Слова,
Что жизнь пошла на убыль.

(Как будто бы скрижали
Из Ветхого из цикла,
Из иудейской дали
Перед тобой возникли.)

Всего лишь скучный город,
Всего одно лишь Слово,
А в сердце — страх, и холод,
И трепет нездоровый.

* * *

Чуть ночь — предстают мне в печальном во сне
Обломки державы на страшном на дне:
Тень Сталина, бюст мавзолея —
Гляжу на них, сердцем робея.

Очнуться от снов мне уже не дано.
Глаза закрываю и камнем на дно
Несусь, чтоб узреть пред собою,
Что стало с великой страной.

За каждый хватаюсь советский предмет,
Но нет мне спасенья и роздыха нет!
Всплываю — и тянет обратно
Безжалостно и многократно...

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПЕВЕЦ

Восстанья нет, ведь нет поэта,
Который бы сумел воспеть
Знамена пламенного цвета,
Литавр блистающую медь.

Вдруг из аллеи, где темнеют
Сплетенья буржуазных пар,
Бомж, что на солнце срам свой греет,
Взрывает «Разиным» бульвар.

Так, не дождавшись дирижёра,
Скрипач, вдруг ставший сам собой,
Не побоявшийся позора,
Сражает зал своей игрой.

И пусть фальшивит пролетарий,
И пусть привстал настороже,
Но слушают, умолкнув, твари
Певца в печальном неглиже.

Ведь нет поэта — и орёт он
Буржуям правду за него,
Бесправием своим измотан
И беспощаден оттого.

* * *

Никола. Царица. Княжны.
Ипатьевский дом среди города.
Мы каяться вечно должны.
Носить допетровские бороды.

А я говорю: «Всё не так!»
А я говорю: «На-ка, выкуси!»
Нет, русский мужик не дурак,
Что поросль дворянскую выкосил.

Иосиф. ГУЛАГ. Красный стяг.
Летит паровоз сквозь пожарища.
Нет, русский мужик не дурак,
Что взял комиссаров в товарищи.

Русь-тройка летит сквозь века!
В сторонку, Европа и Азия!
И радостны песнь ямщика
И мат его до безобразия.

* * *

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
Брёл по сталинской мёртвой стране.
Брёл и брёл. И поэтов латы
Донкихотски блистали на мне.

Ночь тиха. Месяц реял зловеший.
Брёл Россией. «Двенадцать» читал.
Путь мой, тот, что был Блоком завешан,
Петроградской брусчаткой блистал.

И крутились, как мельницы, зданья.
И прохожие — как упыри.
И шептало печально сознание
Про печальные годы мои.

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
Брёл сквозь строй вражьих мельниц чужих.
И поэтов битые латы
Не скрывали ранений моих.

* * *

Обречённый прозреть и сказать,
Я сказал лишь про зло мировое.
Обречённый навек замолчать,
Я навеки лишился покоя.

И с тех пор, как Ильюша, сижу
На печи посредине России.
На Россию безмолвно гляжу
И на скорби её мировые.

* * *

Бредёт старик на рыбный рынок.
Георгий Иванов

СССР мне уже не вернуть.
Жизнь прошла, как в советском романсе.
Но я принял сто граммов на грудь
И иду, как в советском Провансе.

Выхожу в буржуазный свой город,
Покидаю советский свой дом.
Да, ребята, я очень не молод,
Но ведь раньше я молод был в нём!

И как будто в советском году
(Как я счастлив был! Как я был молод!)
В магазин за добавкой иду,
А буржуи покинули город.

* * *

В сорок был в символистов влюблённым
И писал, как не пишет никто.
В пятьдесят — старомодным и томным
И носил дорогое пальто.

В шестьдесят вспомнил вновь о стишатах,
Вновь пытался свой дар воскрешать,
Бодрым старцем, презревшим утраты,
Вдоль Парнаса картинно шагать...

Впрочем, было в одном из творений
Две иль три (может, более) строк.
Он и сам их читать без волнения
В одиночестве гордом не мог.

Он и впрямь их читал. Поражался.
Что-то страшное в них находил.
До беспамяतства вновь напивался,
Вспомнив трепет божественных крыл.

Утром тяга к вину проходила.
Та же жизнь. Та же грусть. И кровать.
Но по-прежнему что-то томило...
Но ведь к этому не привыкать.

* * *

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Александр Блок

Улица. Город. Рассвет.
Зрелище, полное скуки.
Пиво в бутылке. Пакет.
Существования муки.

Нету вокруг никого,
Кто бы почувствовал остро
Созданный для одного
Существования остров.

Скорбно плетёшься сквозь свой
Свыше ниспосланный город,
Всей отвергая душой
Существования холод.

* * *

Сквозь мрак,
Сквозь снег,
Сквозь свет,
Сквозь гром
Окрестностью родного края
Шагает русский, как закон,
И ничего не понимая.
Как беспощаден русский путь!
Как кремний под ногой блистает!
Побудешь русским хоть чуть-чуть,
Что ничего не понимает?!

Я б тему развивать не стал,
В ней ничего не понимая.
Шагает с русским либерал
Окрестностью родного края.

* * *

За Лениным вслед повторяю —
Слагаю для Родины дом.
Кто будет в нём счастлив — не знаю,
Но дело поэта в другом:

Чтоб пряничный домик средь чаши
По-прежнему русских манил,
Чтоб самый голодный, пропащий,
Как пряник, в нём смерть находил.

* * *

Звезда сияет. Шепчет муза.
Жизнь продолжается опять.
И на развалинах Союза
Поэт не может не писать.

Он сочиняет о равнинах,
Снежком присыпанных слегка,
Мечтательный, как Буратино,
И нет ведь спроса с дурака.

* * *

Проспект блестит на шее града
Простонародной красотой.
Уже и улица не рада,
Какой он русский и большой.

И под трамваев перестуки,
И под немолчный гул колёс
Её девические муки
Нам ветер утренний принёс.

И настезь распахнув окошко,
И формулируя ответ,
Мы обнажали понемножку
Её доступный силуэт.

* * *

Большие звёзды небосклона
Господни ангелы зажгли.
России белые знамёна
Пройдут, как красные прошли.

И будет осень. Будет слякоть.
И всё пройдёт, и Русь пройдёт.
И станут патриоты плакать
Под небосводом несвобод.

* * *

Скорбь скамеек. Безмолвие парка.
Стайка школьников. Звезда. Небосвод.
Скверной водки десятая чарка
Либерала домой поведёт.

Он напился опять до упаду,
Проклиная Советский Союз,
И упал за стальную ограду,
Весь в объятья отеческих муз.

* * *

Старый набитый дурак,
Что же ты сделал с собою!
Русь твоя выглядит так –
Страшно бывает порою.

Встав под звездой, сочиняй
Строчку от вздоха до вздоха.
Может, тебя невзначай
И расстреляет эпоха.

* * *

Не хочу ни пить, ни плакать.
Не хочу ни пить, ни спать.
Только русской жизни мякоть
На зубах перетирать.

Пусть и камни, и орехи
Попадают порой —
Это грустные огрехи
Нашей жизни непростой.

* * *

Идей марксистских мишура
Сгорела в мировом пожаре.
Россия та ж, что до Петра:
Купцы, холопы и бояре.

Нас никому не изменить.
Всё это вбили в нас навечно.
Мы будем пьянствовать и ныть,
Что наша Русь бесчеловечна.

* * *

Сиянье солнечного света.
Сакральный парк родной земли.
Два русских пьяненьких поэта
К России-матушке пришли.

И миновавши карусели,
И миновавши ряд ларьков,
Скамейку выбрали и сели
У ряда чахленьких кустов.

Гремели песенки простые.
Прохладный в спины дул борей.
Прохладно матушка Россия
Своих встречала сыновей.

Им стало ясно: их не ждали.
Они поднялись и пошли.
Практически их обсмеяли
Со всех концов родной земли.

* * *

Жил попугайчик в дому у меня —
Умер от старости третьего дня.

Скоро придётся и мне помирать —
Оком тарашить, соплю вытирать.

Было грядущее мне невдомёк,
Но попугай преподал мне урок.

И перед тем, как ложиться в кровать,
Оком тарашить, соплю вытирать,

Вижу я меркнувший птичий глазок,
Лапки поджатые, пёрышек клок.

* * *

Скорбная сказка лесов,
Грустная повесть небес
Словно явились из снов,
Чтобы воскреснуть окрест.

Сколько до них ни бреди,
Ты всё равно не дойдёшь.
Эта печаль — впереди,
Так же как зимняя дрожь.

Меркнет родимый мой край,
Строго его не суди.
Только родных ожидай.
Только родимую жди.

* * *

Не словом гения с бумаги,
Не бомбой, рухнувшей с орбит,
Россия спит сейчас в овраге.
Цветами белыми глядит.

И нет в цветах большого толка,
Хоть разрыдайся, хоть убей.
Шныряют зайчики да волки,
Растут крапива и репей.

Играя, прячутся в овраге,
Бандеровские плохиши.
Их расстреляли на бумаге,
А надо хлопать от души!

Илья ДОМНИН

ТОНКОСТИ ОХОТЫ НА ТОЛСТОГО ВАЛЬДШНЕПА. Рассказ

В чреве русской печи трескнуло, и по заслонке ударил уголёк. Парадокс топки печи в том, что в процессе в избе становится зябко: устье трубы вместе с дымом из горнила печи захватывает тепло из избы и выносит его наружу. Тепло придёт, когда я загребу в горниле угольки и закрою печь. Теперь дня два-три в избе будет тепло.

Я осторожно снимаю перо с вальдшнепов, добытых вчера и сегодня. Их кожа белая от подкожного жира, накопленного птицей к перелёту на зиму. Сегодня я запеку вальдшнепов с картошечкой в русской печи. Чугунок вмешает аккуратно трёх птиц с овощами. почищен лучок, морковь порезана. Наготове гвоздика, лавр и чёрный перец. Не забуду поместить в чугунок ломтики сала и полстакана красного вина.

Вкус мяска дичи зависит от того, чем птица питается: утка, например, травой, и вкус мяса её оттеняет травка-тина; рябчик — ягодками и почками, оттого мясо его сухое (диетическое) и очень вкусное; косачик клюёт зерно на полях — полноценно куриный вкус. Вальдшнеп же кушает червей, жучков и прочих козявок: животный белок! Оттого мясо его красное и восхитительно ароматное. Однако, слотни слюну, его ещё добыть надо.

Вальдшнеп, лесной кулик — «красная дичь», желанная добыча для охотника. Однако не так-то просто его добыть. Сидит вальдшнеп весьма плотно: мимо в шаге пройдёшь, а он не взлетит. Здесь существенную помощь окажет собачка.

Сведущие охотники таки знают, что взлетает с земли вальдшнеп очень близко. Попал — котлету сотворил, а не попал... собачка долго смеяться будет. Отпустить птицу метров на двадцать-тридцать в условиях даже редколесья далеко не всегда удаётся.

Спасёт ситуацию патрон короткого боя (по-басурмански — дисперсант).

Я их делаю сам.

1. Ежели патрон закручен «звёздочкой» (беру без контейнера), втыкаю медицинскую иглу, слегка разделав закрутку по центру, сквозь слой дрови, до пластикового пыжа. При выстреле пластмассовая головка иглы тормозится идущим сзади пыжом и рассекает заряд.

Илья Алексеевич ДОМНИН родился 6 июля 1959 года в городе Перми. Окончил физический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького (1981). Свой трудовой путь начал на пермском заводе «Телта». Увлекается охотой, рыбалкой. Творческой деятельностью занимается с 2011 года. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», в газетах «Пермский писатель», «Российская охотничья газета». Живёт в городе Перми.

2. Ежели патрон закручен «в край» с дробовым пыжом, удаляю последний (благо идут они сейчас пластиковые), вставляю в заряд клювом вниз «астру» — сложенный четверо конус пластмассы от пивной бутылки — ПЭТ, и помешаю пыж обратно. На выходе из дульного среза «астра» расправляется как парус и сечёт дробовой заряд.

Оба способа испытаны неоднократно, осыпь дробы весьма равномерная и убойная. Однако не факт, что патрон разместится в автомате. Я же уважаю два ствола: в одном патрон короткого боя, в другом — обычный патрон с дробью покрупнее.

Я иду по зарастающему полю за околицей деревни. Моя неугодная помощница Берта, ирландский сеттер, стремительно прочёсывает редколесье слева и затем ныряет в невысокие ёлочки справа. В ёлушках, где мы собрали рыжики, собаки не видно. Я навесил на её ошейник бубенчик. Бренчит — собака в поиске. Вдруг бубенчик затих — стоит собака.

— Дай!

Теперь вероятность, что птица вылетит на меня, пятьдесят процентов.

Слышно, как с кряхтеньем и матерщиной вальдшнеп поднимается на крыло. Он вылетел на дорогу в пяти метрах от меня. Я отпустил его до ближайшей берёзы и нажал гашетку правого ствола. Вальдшнеп скрестил лапки на груди и упал в траву. Хорошечно!

...Я загрёб к стенкам угли в печи и задвинул чугунок. У меня есть полчаса, чтоб достать из погреба огурчики, замешать чесночную заправку и пригласить соседа с шахматами на вечернюю трапезу.

Часть 3

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

НА ПЕРЕДОВОЙ БОРЬБЫ ЗА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ. Статья

Не каждому человеку дано прожить интересную, насыщенную событиями и свершениями жизнь. Видеть революции и войны, города и страны, быть знакомым с лучшими художниками и поэтами своей эпохи, оставить тома собственных сочинений и память по себе как по страстному, равнодушному борцу с несправедливостью.

Поэт Борис Слуцкий называл Илью Эренбурга «почти счастливым человеком». «Он жил, как хотел (почти), — писал Слуцкий. — Делал, что хотел (почти). Писал, что хотел (почти). Говорил — это уже без "почти", — что хотел. Сделал и написал очень много. КПД его, по нынешним литературным временам, очень велик». Но думается, что и счастливым Эренбург был тоже без «почти». Потому что, по его собственному признанию, «человеку, если он не находится в состоянии богатого и всесильного борова, свойственно связывать личное счастье со счастьем соседей, всего народа, с человечеством. Это не риторика, а естественное чувство человека, не заплывшего жиром и не ослеплённого манией своего величия...» Имея в виду, что Эренбург постоянно находился на передовой борьбы за чьё-нибудь счастье, можно не сомневаться, что и сам он был человеком счастливым. Кроме того, он был, вероятно, необыкновенно удачливым человеком. Он мог себе позволить жить подолгу в Париже, когда даже выехать из СССР было не так уж просто. Его обошли стороной репрессии, и, будучи космополитом в самом нейтральном смысле этого слова, он несколько раз удостоивался Сталинской премии.

Как писатель Эренбург пережил несколько взлётов. Впервые он стал известен как поэт. Было это ещё в дореволюционной России, и первые же книги его стихов получили самые доброжелательные отзывы от «столпов» русской поэзии. Его заметил и выделил среди молодых поэтов сам Брюсов. А Гумилёв о втором сборнике стихов написал, что «главное уже сделано: он знает, что такое стихи». Но это внимание мастеров, пожалуй, трудно назвать настоящим взлётом. Скорее можно говорить, что подающий надежды молодой поэт очень быстро вырос и стал одним из самых читаемых писателей своего времени. Настоящий взлёт пришёлся на 1920-е годы,

Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате Казахской ССР (ныне город Алматы Республики Казахстан). Детство прошло на берегу Карского моря, в посёлке Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон». Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), защитила диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота». Кавалер ордена Достоевского I степени. Отмечена благодарностью Министерства культуры РФ.

когда появился первый роман Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». Предисловие к книге написал Н. И. Бухарин, отметивший, что «автор — не коммунист, он не очень быстро верит в грядущий порядок вещей и не особенно страстно его желает. <...> Но всё же книга от этого не перестаёт быть увлекательнейшей сатирой. Своеобразный нигилизм, точка зрения "великой провокации" позволяет автору показать ряд смешных и отвратительных сторон жизни при всех режимах». Кстати, это именно Бухарин перед очередной поездкой Эренбурга во Францию посоветовал написать о Европе книгу позже. Роман был написан в кратчайшие сроки. Однако далеко не все критики были согласны с Бухариным в оценке этого произведения. Роман ругали и за подражательность, и за фельетонность. Но по прошествии времени вдруг обнаружилось, что в романе автор проявил редкую прозорливость и, по сути, предсказал ряд событий и фактов середины XX века. Так или иначе, но в романе угадываются и фашизм, и атомная бомба, сброшенная американцами на Японию, и даже массовое истребление евреев. В одиннадцатой главе, названной «Пророчество Учителя о судьбах еврейского племени», Учитель сообщает ученикам: «В недалёком будущем состоятся торжественные сеансы уничтожения иудейского племени в Будапеште, Киеве, Яффе, Алжире и во многих иных местах. В программу войдут, кроме излюбленных уважаемой публикой традиционных погромов, также реставрирование в духе эпохи: сожжение иудеев, закапывание их живьём в землю, опрыскивание полей иудейской кровью и новые приёмы, как то: "эвакуация", "очистка от подозрительных элементов" и пр., и пр. О месте и времени будет объявлено особо. Вход бесплатный». Этой прозорливости до сих пор поражаются читатели Эренбурга, каждый раз по-разному объясняя совпадения и природу проницательности писателя. Стоит отметить, что подобные случаи не так уж редки: в произведениях литературы можно встретить пророчества и предсказания будущего. Впрочем, дело тут, конечно, не в даре ясновидения, а скорее в способности видеть и анализировать. Сложно не согласиться в этом смысле с писателем и драматургом Л. А. Жуховицким, определившим прозорливость Эренбурга как мощный ум и быструю реакцию, «позволявшие улавливать основные черты целых народов и предвидеть их развитие в будущем. В былые века за подобный дар сжигали на костре или объявляли сумасшедшим, как Чаадаева».

Но Эренбургу и тут повезло: его не сожгли и даже не объявили сумасшедшим. Несмотря на недовольство части критиков, роман был необыкновенно популярен: его читали и обсуждали, о нём спорили и говорили как на кухнях коммуналок, так и в высоких кабинетах.

Следующий взлёт популярности Ильи Эренбурга пришёлся на военные годы, когда он был корреспондентом «Красной Звезды», когда статьи его выходили и в «Правде», и в «Известиях». Публицистика Эренбурга, неистовая и бескомпромиссная, нашла самый широкий отклик. По свидетельству других военных корреспондентов, таких как Константин Симонов или Василий Гроссман, Эренбурга читали даже те, кто не читал ничего другого. Симонов вспоминал, что в одном партизанском отряде газеты после прочтения обычно использовались на раскурку. Кроме статей Ильи Григорьевича. Виктор Некрасов,

воевавший в Сталинграде, писал, что статьи Эренбурга зачитывались буквально до дыр. Читали вслух, и бойцы слушали, не перебивая и, что самое главное, не засыпая. Дж. Б. Пристли называл Эренбурга лучшим из известных русских военных публицистов, характеризуя его стиль как «неистовое стаккато рубленых фраз, острый ум и презрение».

Можно было бы подумать, что военная публицистика устарела, став не более чем документом, свидетелем эпохи. Но, как и всякий талантливый писатель, ставший классиком, Эренбург остаётся современным. Даже в военной публицистике. Более того, статьи Эренбурга читать сегодня не просто интересно, а кое-кому и необходимо.

В обязательном порядке с публицистикой Эренбурга должен ознакомиться Николай Десятниченко, более известный в народе как Коля с Уренгоя. А равно и его подружки Ирина Кокорина и Валерия Агеева, и прочие уренгойские печальники, оплакивающие невинно убиенных или дурно накормленных немецких солдат, которых нелёгкая занесла аж под самый Сталинград. Наверное, с удивлением узнают Коля с Ирой, как без всякого приказа не желавшие воевать немецкие солдатики грабили, убивали, жгли. Как одна крестьянка рассказывала корреспонденту Илье Эренбургу: «Хвастали, что у них страна богатая. Нашёл у моей сестры катушку ниток, а у меня кусок мыла. Мыло не душистое, простое. Всё равно обрадовался, посылку сделал — домой подарок мыло да нитки». Так вот, оказывается, зачем они приходили, голубчики! Не убивать — нет! Нитки с мылом тырить.

Но всё это цветочки по сравнению с письмами, найденными у тех самых «невинно убиенных». Эренбург в «Красной Звезде» № 172 от 24 июля 1942 года приводит несколько цитат: «Некто Отто Эссман пишет лейтенанту Гельмуту Вейганду: "У нас здесь есть пленные русские. Эти типы пожирают дождевых червей на площадке аэродрома, они кидаются на помойное ведро. Я видел, как они ели сорную траву. И подумать, что это — люди...". Можно ли после этого упрекать Эренбурга в жестокости или кровожадности за его знаменитый призыв «Убей!»?... После разговоров с крестьянами, после чтения писем «бедных» немецких солдат, совсем не хотевших воевать, такой страстный и нетерпимый к несправедливости человек, как Илья Эренбург, не мог прийти к другому выводу, кроме как: «Отныне слово "немец" разряжает ружьё». Наверняка испугались бы Коля с Ирой, узнав от Эренбурга, что «немцы не люди. <...> Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал».

А ещё полезно почитать Эренбурга разным любителям «цивилизованной» и «культурной» Европы. То-то они возмутятся «клеветой» писателя на культурную нацию! Ведь как записал Илья Григорьевич со слов другой крестьянки, немцы окурки в избе сразу в печку бросали: «Показывает мне, что окурки в печку кидает, и задаётся: "Культур. Культур". А он, простите, при мне, при женщине, в избе оправлялся. Холодно, вот и не выходит». Или другие примеры: «Грязные они. Ноги вымыл, утёрся, а потом морду — тем же полотенцем»; «Один ест, а другой сидит за столом и вшей бьёт. Глядеть противно».

На удивление злободневными кажутся рассуждения Ильи Григорьевича о техническом прогрессе. Двигатель внутреннего сгорания, автомобиль и самолёт — всё это чудесные изобретения человеческого

гения. Но только в том случае, если служат они мирным целям. Если же инженерная мысль работает на поработителей и убийц, техника становится кошмаром.

Каждый раз, когда технический прогресс подходит к критической точке, человечество настораживается, пытаясь понять, кому и чему он будет служить. Вспоминается в этой связи рассказ М. М. Зошенко «Агитатор». Не шибко грамотному сторожу авиационной школы, отправившемуся в деревню в отпуск, поручили сагитировать мужичков скинуться на аэроплан. Но мужички не понимают, зачем нужны эти машины. И тогда агитатор в силу своего разумения объясняет, как лихо пропеллер может разрубить случайно попавшую в него лошадь. Отчего у слушателей складывается впечатление, будто аэропланы нужны, чтобы «лошадей крошить».

Современный человек не меньше, чем зошенковские мужички авиацией, напуган цифровизацией, потому что, с одной стороны, не понимает, что его ждёт, а с другой — очень хорошо знает: тем, кто отвечает за прогресс в XXI веке, доверять нельзя. Власть всё подчиняет своему обогащению. Значит, и цифровизация, скорее всего, принесёт простым людям больше вреда, чем пользы. И как созвучны этому горькому предположению слова Ильи Эренбурга: «Машина может быть добром и злом. <...> В руках бездушных и слепых себялюбцев машины стали орудием угнетения, и в середине прошлого столетия простодушные ткачи воевали против машин. Это было заблуждением. Машину не стоит наказывать: машина делает то, что ей приказывает человек».

Эренбург писал о подчинении машины гитлеровцам, обратившим её в оружие уничтожения. Сегодня официально в мире нет фашистских режимов. Более того, идеология частенько попросту запрещена. Но точно так же, как и в середине XX века, жадность магнатов и палка фельдфебелей «сошлись на одном: человек не должен думать, человек должен работать и повиноваться». С тою лишь поправкой, что в XXI веке человеку, возможно, не придётся даже и работать. Останется только повиноваться.

Но страшно даже не это. Эренбург отмечал, что война, помимо горя и разрушений, это серьёзное испытание для каждого человека, дающее людям мудрость. Так, Вторая мировая война преподнесла человечеству жестокий, но великий урок. Этот урок Эренбург определил как «реванш человека». Сердце не заменишь мотором (гаджетом), а выдержку — бронёй (цифрой). И война доказала торжество человеческого духа.

Современный мир всё ближе подходит к повсеместной замене человека технологиями, вытеснению из многих сфер жизни человеческого общения и участия. И неужели нужна ещё одна сокрушительная война, чтобы сегодняшние «хозяева машин» наконец-то поняли, что без человека мир не будет существовать? Поняли и оставили бы всех в покое.

В переключке Эренбурга с XXI веком находятся и вовсе неожиданные темы. Почему, задаётся он вопросом, покоровивший Европу Гитлер выдохся в России? Почему остановил агрессора именно русский солдат? Нет односложного ответа на этот вопрос. Сошлись вместе и русское мужество, и выносливость бойцов, и богатства страны, и её климат, её просторы. Но «в эпоху моторов одно пространство

не может спасти народ». Дело, помимо всего прочего, в особенностях советского патриотизма, в «кровной заинтересованности каждого гражданина в судьбе государства».

Говоря современным языком, советский солдат обладал национальной идентичностью, тем особенным чувством, при утрате которого гражданами государство переживает кризис и может прекратить своё существование. Общее прошлое, общие ценности, общая ответственность за будущее — таковы черты национальной идентичности, необходимой для сохранения любого государства. Эта система поддерживает целостность общества, позволяет государству развиваться, делает понятной необходимость защищать страну от внешних врагов, как это было в 1941 году. В современной России можно видеть все признаки утраты национальной идентичности, следствием чего становятся и возмутительная коррупция, и сепаратистские фантазии, и стремление рядовых граждан покинуть свою страну, и раздробленность общества на группы, объединённые пёстрыми, подчас враждебными друг другу идеями.

Запретив де-юре идеологию, власть де-факто запретила национальную идентичность, или необходимое условие для существования государства. Судя по многим признакам, современная Россия не смогла бы противостоять такому врагу, как гитлеровская Германия.

Эренбург, описывая советских людей военных лет, описывает не что иное, как национальную идентичность, обращая внимание своих читателей на общее, что объединяет Архангельск и Ереван, Украину и Сибирь, русских и узбеков. И, читая эти строки, осознаёшь, что в прошлом остался не просто Советский Союз, в прошлом осталась колоссальная работа, проводившаяся ради укрепления государства, ради эффективного функционирования всех его институтов.

Современные утверждения о шельмовании советской историографией дореволюционной России — это лукавство. Никакой период истории не отрицался. Напротив, история Государства Российского описывалась как единый и непрерывный процесс, развивающийся и меняющийся. Революция воспринималась как явление закономерное, обусловленное народными чаяниями. То есть история страны в сознании граждан не дробилась на правильную и неправильную, на преступную и праведную. Никто не заикливался на числе невинно убиенных раскольников, на жертвах Петровских реформ, на пострадавших от крепостного права и пр. Цареубийц не называли сатанистами и не навязывали массовое чувство стыда за своих предков. «Не отказываясь от идеалов будущего, — писал Эренбург, — мы научились черпать силы в прошлом. Мы осознали всё значение наследства, оставленного нам предками. Мы не хотим ни отрицать огульно прошлое, ни принимать его как нечто непогрешимое». А потому прошлое у народа оставалось общим, общими были ценности в настоящем и общими казались пожелания о будущем. И несмотря ни на что, это было здоровое, жизнеспособное общество, готовое и к сопротивлению, и к развитию. Что и доказано делами и свершениями. В отличие, увы, от России сегодняшней.

Словно отвечая российским чиновникам,веряющим, что России нужны не творцы, а потребители, — всем этим графам и фурсенкам, — Эренбург подчёркивает, что войну выиграла именно творцы и «творческий дух помог им в страшные месяцы».

А как современно звучат обличения Эренбургом «двойных стандартов» Запада! Как будто речь идёт о сегодняшнем дне, когда уличные беспорядки в Киеве называются «революцией гидности», а бандиты, жгущие людей и открыто «зигующие» на улицах столицы, — мирными протестующими и борцами за свободу. Но сто́ит политическому спектаклю переместиться на улицы Вашингтона, как революция и борьба за свободу оказываются мятежом, а сами борцы — террористами. Даже русофобия в 40-е годы XX века ничем не отличалась от нынешней. «Всё в русских возмущает этих господ», — подметил Эренбург. И дело не в коммунизме, как мы давно уже поняли. «Когда Красная Армия отступала, они кричали: "Нечего помогать обречённым!" Теперь, когда Красная Армия наступает, они кричат: "Это угроза Европе!" Когда московские куранты исполняли "Интернационал", эти газеты протестовали: "Опасные интернационалисты!" Ознакомившись с новым гимном нашего государства, те же газеты завопили: "Опасные националисты!" В декабре они возмущались "русским централизмом"; в январе они ополчились на "советскую децентрализацию". Но разве так уж отличается виденное Эренбургом от того, что видим сегодня мы? Так что и кое-кому на Смоленской площади чтение его публицистики не повредило бы.

И наконец, третий всплеск популярности Ильи Григорьевича Эренбурга пришёлся на период «оттепели». Собственно, и само это слово вошло в обиход после появления одноимённой его повести. В этот период он написал, возможно, главную свою книгу — цикл воспоминаний «Люди, годы, жизнь». Книга эта стала творческим итогом. Автор не просто рассказывал о пережитых событиях и встреченных людях. Это был подробный рассказ о непрерывном жизненном поиске и находках, о заблуждениях и прозрениях. Это была история личной философии писателя и человека Ильи Эренбурга. И несмотря на сложную судьбу книги, популярность её, особенно в интеллигентской среде, была просто исключительной.

В российской культуре XX века Илья Эренбург — одна из самых интересных и сложных фигур. Человек настолько разносторонний, что нельзя сказать о нём только "писатель". Это он в 1930-е вступился за художественные промыслы. Это он в годы борьбы с влиянием Запада писал о Пикассо, Фолкнере и Хемингуэе. Это он, в конце концов, был страстным борцом с фашизмом и любыми человеконенавистническими идеями. Отстаивая культуру, вступаясь за человека, он проявлял удивительные проникательность и прозорливость, но, несмотря на страшные предвидения, вера его в силу добра и в торжество человеческого духа оставалась незыблемой. К наследию Эренбурга, да и к самому писателю, можно относиться по-разному. Упрёков в его адрес уже высказано довольно. Но актуальность творчества Эренбурга в наши дни даёт все основания думать, что в скором времени его ждёт новый всплеск популярности. Насколько это, конечно, возможно в современной России.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА (об авторе см. с. 14)

«ДА БУДЕТ СВЕТЛОЙ НАША ПАМЯТЬ...» Очерк

Он был очень скуп на рассказы о войне и вообще о себе лично, причём в редких этих воспоминаниях чуть не главным действующим лицом был не кто иной, как свято любимый им Александр Сергеевич.

Юноша-лейтенант Овидий Любовиков знал наизусть не только многие стихи Пушкина, но и целые поэмы. И воевал на Псковщине, и хорошо помнил наказ замполита: убережь заповедные места, которые знали гения русской поэзии. Потому и девчонки-зенитчицы приветствовали его, красивого и романтического, как большого командира: «Взвод! Смир-р-рно! Равнение нале-е-во!» В пушкинских местах воевать не пришлось, но вместо сказок на ночь юным зенитчицам безусый командир читал русского гения — стихи «про любовь» и поэму «Цыгане». А как же иначе, коли отец его, несмотря на свою сугубо партийную деятельность, назвал сына ни много ни мало в честь древнеримского поэта Публия Овидия Назона! Так что приходилось соответствовать. Но судьба и впрямь направила юношу по той самой дороге — поэтической.

И вот уже в шестнадцать лет, а именно в сорок первом, под его пером рождаются стихи, что находят отклик во многих и многих, в том числе у самого известного в стране диктора — Юрия Левитана:

*Меня не сломит ни стужа,
Ни бешеный шквал огня.
Родина! Дай мне оружие,
В строй призови меня!
Клянусь комсомольской кровью —
Не дрогнет моя рука.
Если придётся — закрою
Телом путь для врага.*

И пришлось. Сначала — вятский лыжный батальон под Москвой, большие потери в первых же боях. Но судьба будто берегла будущего поэта. Он был отправлен на учёбу в артиллерийское училище и вскоре уже снова участвовал в боях — и в районе озера Ильмень, и под Старой Руссой...

День Победы Овидий Любовиков встретил в Прибалтике, там же и служил до 1947 года, вернувшись домой в звании старшего лейтенанта. О том, как воевал будущий поэт, говорят его награды, среди которых ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией 1941–1945 гг.». А позднее, уже за иные, мирные заслуги, стал кавалером ордена Дружбы народов.

Зная Овидия Михайловича лично немало лет, я уверена: сам он вряд ли сделал хотя бы шаг к этим достойным отличиям.

И вот, наконец, Овидий стал активно оправдывать своё имя: сначала много работал как журналист, затем «приземлился» основательно на вятской земле, где и появился на свет, а в 1966 году стал

руководителем Кировской областной писательской организации и на культурном этом фронте нёс вахту более двух десятилетий. Естественно, рос и сам как поэт, и в новых книгах его то и дело вспыхивали зарницы военных лет:

*...Ещё силён и злобен враг,
Ещё пожарища не гаснут,
Идём вперёд,
        в огонь атак —
За нашу жизнь, за наше счастье!
Гудит усталая земля,
Клубится дым, тяжёл и едок,
Но нам видна заря победы
На башне древнего Кремля!*

Овидий Любовиков как поэт не хватал звёзд с неба, он и тут, как сапёр, действовал предельно серьёзно и наверняка. Он знал цену слову, и не только в литературе. Но тема войны была для него поистине святой, о чём красноречиво говорят его стихи.

*Под калибры, прицельно бьющие,
Встали маменькины сынки.
Некурящие и непьющие,
Не любившие по-мужски.
Против ярого,
        против наглого
Распрямились — и так пошли.
Вся стратегия — два параграфа:
«Шире шаг!» и «Длинным коли!».
Дело правое,
        а поэтому...
Но рубила война сплеча
Не по писанному и петому,
Не по сказанному в речах.
<...>
И траншеями, и дорогами
Перемальвала полки.
Удивительно, но не дрогнули
В битве маменькины сынки!
        («В семнадцать лет»)*

«Мне было двадцать, — рассказывал Овидий Михайлович, — когда закончилась война. И хотя шестимесячное, но училище за плечами... И начался суровый нажим, чтобы учиться мне в артиллерийской академии. Я отбивался, как мог. Потому что по характеру — совершенно не военный человек. Когда война — другое дело. А тут — особая натура должна быть. Хорошо, сохранились добрые отношения с командиром части полковником Аникеенко. Он любил в шахматы играть, но вскоре понял, что мне не соперник. (Замечу, что Овидий Михайлович в своё время в Ленинграде свёл вничью партию с самим Михаилом Ботвинником. — В. К.) "Выход есть только один, — сказал он. — Напишем плохую характеристику".

Я готов был сам её сочинить, но полковник заверил, что в этом деле он без меня справится».

Спустя годы Овидий Михайлович прочитал тот самый документ. Не поднялась рука у командира на плохие слова, вместо этого он объяснил, что лейтенант Любовиков очень любит поэзию и мечтает поступить в Литературный институт имени Горького.

И Овидий Михайлович оправдал надежды командира, на всю жизнь остался верен своему настоящему призванию.

*Знак дорожный
Под огнём и ветром
Устремлён
на запад
остриём:
«До Берлина 200 километров».
И приписка: «Ни хрена, дойдём!»*

*Ускоряя ход,
От поворота
Катят пушки,
Танки рвутся в бой.
Веселее топает пехота
И раскачивает шар земной.*

*За плечами — русские просёлки,
Боль и стон израненной земли.
Шли к Берлину от Невы и Волги.
Мир свидетель: ни хрена, дошли!
(«Дорожный знак»)*

Длительная работа в партийной газете и ответственность за любой материал, а после за каждого (в том числе молодого) писателя, попавшего под его строгое и в то же время заботливое крыло, не давали возможности развернуться в творчестве во всю широту его русской души, как могло бы случиться в другое время, менее регламентированное вдоль и поперёк. Но вышедшие пять книг уже после его ухода, в том числе «Избранное», раскрывают широкий горизонт его творческих возможностей, знакомят читателя со стихами, до поры до времени остававшимися в «запасе». В том числе и с последними — о лихих для ветеранов годах конца прошлого века.

*Будем падать и подниматься,
До последнего постоим.
<...>
Нам бы нынче не потеряться,
Дорогой ты мой побратим.
Время целится, по квадрату
Бьёт по нашему,
Боль в груди.
На себя принимаю команду,
Выдыхаю: сомкнуть ряды!*

Кстати, Николай Старшинов, хорошо знавший цену стихам о войне, не раз отмечал в этом плане Овидия Любовикова, который и свою жизнь, и жизнь тех, кто рядом, выстраивал (по крайней мере, помогал это делать) по самой высокой человеческой мерке. Потому и не просто было с ним, особенно людям творческим, особенно послевоенного «разлива». И от ошибок он не был застрахован, как всякий нормальный человек. Но вот прошли годы, и, действительно, «большое видится на расстоянии». Понимаешь, как не хватает сегодня рядом таких, как он! Когда почти всё продаётся и почти всё покупается. Уйдя на войну добровольцем, подростком шестнадцати лет, сполна вкусивший её лиха, он имел право на свой собственный суд происходящего. Думаю, в болезни его неизлечимой виноваты именно далеко не лучшие перемены в стране. В эти годы стали уходить один за другим друзья-поэты: Михаил Дудин, Юлия Друнина, Сергей Орлов, Леонид Хаустов, Владимир Жуков... «Дайте чуточку отогреться возле дружбы военных лет...» — писал Любиков.

*Не только колеи веление,
Влечёт распахнутая даль
И в затаённое волнение,
И в потаённую печаль.*

*Когда над городской окраиной
Ударит ливень грозовой,
Россия смотрит неприкаянно
И умывается слезой.*

Эти люди умели дружить по-настоящему, дорожили друг другом, свято берегли память о войне и с солдатской прямоотой восставали против наглого и безмозглого охаивания истинных ценностей, в том числе и самого подвига великого народа. Вот некоторые строки из поздней журналистики Овидия Михайловича:

«И если сегодня у нас хватает мужества говорить о том, что общество разведает социальная пассивность, то не надо напрягать зрение, чтобы разглядеть совсем рядом и поодаль сланные высоты. Лёд отчуждения ввелся в наш дом, и ржавчина равнодушия поразила наши души... Так станет ли у нас ума и мужества этот лёд сколоть, излечиться от недугов застарелых и недавно приобретённых?..»

«С тревогой думаю о тех, кто в своей жизни пройдёт мимо Пушкина, Толстого, Маяковского, Твардовского. Очень может быть, что скоротает он свои дни благополучно и даже пристойно. Но сам себя непоправимо обокрадёт. На обочине его дорожки останутся великие духовные ценности, живительные источники нравственной красоты».

«Истина древняя, как мир, — не место красит человека — своего значения не утратила, но как часто и поныне иные полагают, что повышение по должности автоматически поднимает их авторитет, добавляет прав учить всех и вся».

Ни одно слово из этих записей, как мы видим, не устарело. Он и сегодня на переднем крае — поэт, фронтовик, человек чести — Овидий Михайлович Любиков. Вот почему, помимо поэтического

наследия, он так дорог нам сегодня, так необходима память о нём для ума и сердца.

Как поэт в последние годы он стал свободнее, ярче, смелее. Всё больше лирики стало выходить из-под его пера, в том числе посвящённой любви.

*И зависть чёрную не копит,
И не спешит в поводыри,
И свой не перевозносит опыт,
И свет и боль таит внутри.*

*Но если тяжкий камень кинут —
Так полыхнёт огонь любви,
Что стихотворцы рты разинут
И захлебнутся соловьи.*

Надо сказать, что это не только поэтические строки. За ними — действительно редкая на сегодня история любви, «виновницей» которой оказалась учительница, ставшая на сорок с лишним лет женой поэта, Агнесса Михайловна.

О ней, к слову сказать, до сих пор с нежностью вспоминают бывшие ученики. И пусть стихов, посвящённых ей, не так густо в книге (в те годы бывшему фронтовику не пристало рассказывать о своих чувствах), но и в тех немногих — столько искренности, правды сердца, тревоги за главное в своей жизни, что остаётся только поклониться этим людям, сумевшим в противоречивые времена сберечь это земное богатство — любовь. И действительное участие Агнессы Михайловны в сохранении памяти о муже — ещё одно подтверждение незыблемости этого чувства.

*Долго шёл я к тебе.
Без дорог
Пробивался в грозу и темень,
И уже на ступеньках не мог
Я растрачивать
наше
время.*

*И сейчас не могу,
не хочу.
За пролётом пролёт
в два касанья —
Я на третий этаж лечу,
Как на первое
в жизни
свиданье!*

О творческом диапазоне говорит и цикл иронических стихов, которые, вероятно, чаще «прописывались» в блокноте, что под рукой, чем в публикациях.

Как говорится, положение обязывало: имидж человека очень серьёзного, правильного, положительно партийного. Но вот

в «Избранном» (2005), уже в конце сборника, в цикле «Картинки с натуры», можно прочитать и такое:

* * *

*Он — о тяготах и далее.
Но не верю в эту речь,
Если щёки шире талии,
А сиденье — шире плеч.*

* * *

*Опять лауреатов списки,
Я в их число не угадал,
А тему я, как Жаботинский —
Трещало пузо, — поднимал.*

* * *

*И газетной строкой, и лирой,
Обряжая в чугун и гранит,
Столько мы сотворили кумиров,
Что в глазах, как в похмелье, рябит.*

Ну разве это не про сегодня? Разве это не обращённые к нам строки поэта-фронтовика?

И вполне закономерно, что в Кирове учреждена ежегодная премия имени О. М. Любовикова, которая присуждается талантливым писателям, журналистам, работникам искусств.

На доме, где жил поэт и откуда в урочный час своим неторопливым шагом, обдумывая на ходу стихи или очередной публицистический материал, он направлялся на такую непростую работу, в Союз писателей, установлена мемориальная доска.

А на памятнике у Вечного огня на набережной Грина в Кирове навечно высечены стихи поэта:

*Да будет светлой наша память,
Как материнская слеза!
Забывчивым напомни, камень,
О том, что забывать нельзя.*

Я уже говорила, какую роль Овидий Михайлович сыграл в становлении нас, будущих писателей. О чём, может быть, чаще вспоминается уже через годы. И выражается своими строками:

* * *

О. М. Любовикову

*Он за мною всюду ходит,
Не сомкнёт усталых век,
Он до слёз меня доводит,
Этот строгий человек.*

*Он в судьбу мою вращает,
Лёгкой жизни не суля...*

*И уж если он устанет,
Покачнётся и земля.*

Они не думали ни о наградах, ни тем паче о памятниках себе в том или ином виде. Они жили и погибали за единую и великую Родину, в том числе в мирное время, и только верность этой высокой любви может оправдать нашу жизнь и те потери, что вынесли они на своих, зачастую мальчишеских, плечах. И дай Бог всем нам никогда не забывать об этом.

Владимир КРУПИН

«В ЧИСТОМ ПОЛЕ РОДНОЕ СЕЛО...» Очерк

Оказывается, написать о человеке, которого знал сорок пять лет, гораздо труднее, чем о незнакомом. Тем более о таком, который остался единственным из тех, с кем я был дружен. Я говорю об Анатолии Гребневе. За годы дружбы я не раз писал о нём, но кажется мне, что мало и плохо. Не вытягивал я до уровня моего давнишнего друга.

Боже мой! Сорок пять лет дружбы! И ни разу никакой недомолвки не было меж нами, ни разу никакой недоговорённости. Всегда мы находили поддержку друг у друга, делились душевными силами. Всегда меня спасало понимание, что есть на белом свете настоящий друг. Да, есть тайна в любви меж мужчиной и женщиной, но есть тайна и в мужской дружбе. В чём она? Не знаю. Может быть, в поселившейся в душе и сердце мысли о том, что с таким другом-единоверцем ты никогда не будешь одинок.

Написать о поэте Гребневе надо. Мы, повинувшись судьбе, рано или поздно уйдём, но хочу, чтобы идущие вослед узнали и поняли, какого большого таланта, какой огромной души человек был с нами долгое время. Воспел и возвеличил за это время свою родину, укрепляя читателей в осознании единственности и неповторимости России. И особенно Вятки — лучшей её части. В чём мы с Толей глубоко и навсегда уверены.

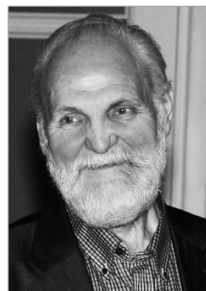
Очень его высоко ценили и Виктор Астафьев, и Валентин Распутин. А Василий Белов даже стихотворение, ему посвящённое, написал. Вот начало:

*От Степанова до Крылатского
То с любовью, то с тихой болью
Соловел я от слова вятского,
Послухмянного Анатолю.*

Гребнев — удивительный поэт! Ученик и блестящий выпускник школы русской поэзии, которую закончили Лермонтов и Кольцов, Есенин и Блок, Суриков и Никитин, Фет и Рубцов...

Преподавали в этой школе Державин и Пушкин. Гребнев старался сесть за последнюю парту, с неё легче было убежать с уроков: на рыбалку — ловить рыбу для семьи, на сенокос — помогать маме, на прохождение одноклассницы до соседней деревни. Но всегда возвращался в школу поэзии, сам не замечая, как поле, река, луга, роши,

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал в школе. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в Москве в 1974 году — «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер ордена Дружбы народов, ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.

встречи с людьми превращаются в строки стихотворений. Потом, во взрослые годы, оглядываясь на прожитое, он скажет: «Всё бывшее на слово нанижется».

Да, у друга моего ничего не пропало. Память, подаренная ему Богом вместе с талантом, удивительна. Много раз я бывал и жила в его родовом гнезде, в селе Чистополье, ходил с ним по берегам красавицы Пижмы, по заросшим травой улицам умирающих деревень; слушал его незабываемые рассказы, в которых радость и горечь, печаль и веселье, грусть и удач были именно тем многоцветьем русской жизни, которую он — её певец — щедро дарил мне. Особенно когда мы поднимались на колокольню разрушенной церкви.

*А церковь и у нас в селе сломали.
Но колокольня старая стоит.
И снова в детство дальнее поманит,
И радостью забытой осенит.*

Толя, обводя рукою распахнутое вширь и вдаль пространство родины, читал:

*С неё мы даль оглядывали жадно.
И, не держась за узенький карниз,
Как ангелы, легко и безоглядно,
За горизонт неведомый рвались.*

*И снова где-то ангелы запели,
На верхотуру звонкую маня.
Замшелые и шаткие ступени
Ещё и нынче выдержат меня.*

Они и нас выдерживали, эти ступени. А сейчас в Чистополье радениями жителей, районных властей, сотрудников Герценки, самого Анатолия возникла часовня, в которой бывают службы.

Сам раб Божий Анатолий принял крещение летом 1980 года. Известно, что креститься надо в новом. Не успели купить. Жена моя Надя ночью сшила одеяние для таинства Крещения. Крестины были в Волоколамске у знакомого моего протоиерея Николая. В церкви мы были втроём. После крещения батюшка пригласил нас к столу. Он уже знал фамилию раба Божия Анатолия. За столом спросил:

— Вы, конечно, специально ждали, чтобы именно сегодня креститься?

— Почему?

— Как почему? Сегодня же день Гребневской иконы! — Открыл церковный календарь: — Смотрите.

Да, именно так: поэт Гребнев крестился в день Гребневской иконы Божией Матери. Ничего случайного не бывает!

И ещё тогда за столом он прочёл только что сочинённое:

*Да, станут ангелы коситься,
Когда я встану на весы:
Из маркизета или из ситца
Его крестильные трусы?*

Насмешил батюшку.

А назавтра Надя повезла меня и счастливого Толю на машине к храму иконы Гребневской Божией Матери. По Щёлковскому шоссе, через Медвежье озёра по дороге на Фрязино. Не удержусь, чтоб вновь не восхититься способностью Толи говорить экспромтами. «Вот, Толя, — по дороге поддел я его, — у Нади новая машина. Хонда. Все предыдущие ты зарифмовал, а как справишься с хондой?»

Поразительно, но Толя в одно касание произнёс:

*«Куда идёшь? В Иерихон?» — «Да!» —
«Зачем пешком? Вель есть же хонда!»*

И ещё — уж одно к одному — экспромт на моё пятидесятипятилетие, который вспоминается каждый год уже четверть века:

*Мой друг, напрасны отговорки,
Не врут листки календаря:
Ты заработал две пятёрки
Уже в начале сентября.*

*Мы испытали всё на свете,
Нам на судьбу нельзя пенять.
Но как бы нам пятёрки эти
На пару троек обменять!*

Блестяще! Как это было давно, и как это было недавно...

Да, кажется, только что. Только что он жил у меня на даче в Перedelкине, рядом с дачей поэта Евтушенко. Утром иду его проводить.

*Думал: заснуть бы хорошенько,
Усталость превозмочь —
Собака Евтушенко
Лаяла всю ночь.*

В другой раз мы оказались в моём никольском домике, в который уползаю зализывать раны и который очень любит Толя.

*Привет, мой друг! Тоской влеком,
Я за тобой след в след ступаю.
В твоём Никольском-Трубешком
Я как убитый засыпаю.*

Многое хотелось бы поведать граду и миру о моём друге. Например, о его смелости, о его никем не превышенных знаниях русской и мировой поэзии, о его бескорыстии. О его неподражаемом юморе и способности к искромётным экспромтам.

А его смелость? Живём семьями в Доме творчества в Пицунде, каждое утро до завтрака обязательно заплываем. А тут сильный шторм, волны накатывают далеко на берег. Но мы же вятские! А вятское упрямство хрестоматийно. Идём. Жёнам обещаем, что всего лишь умоемся, постоим в целебных морских брызгах на берегу.

Коридорная Лейла, абхазка, видя, что мы с пляжными полотенцами, в ужасе кричит:

— Купаться — нет! У вас ума есть?

Толя отвечает ей в тон моментально:

— Пятьдесят лет дошёл — назад ума пошёл!

На выходе из корпуса дежурный вскакивает, изумлённо восклицает:

— Вах! Слушай! Зачем, куда? Вах-вах!

— Кацо, да, наше дело швах, поскольку мы идём без свах, — на ходу шутит Толя.

Приходим к берегу. Ветрище, волны — жуть! Молча раздеваемся. Толя, конечно, первый. При волнах трудно войти в море, но всё-таки возможно; труднее выйти. Вначале надо с разбегу нырнуть в основание летящей на берег волны, оказаться среди огромных водяных гор, которые вздымают тебя и сразу бросают вниз. Восторг! Но как выйти? Вот это сложно. Толя идёт первым. С первого раза у него не получается: он выброшен волной на берег, на гальку, но не успел и на ноги встать, как уходящая волна увлекла его обратно, протаскивая по камешкам. А шторм ревёт! Со второго раза у Толи получилось. Весь исцарапанный, кричит:

— Старайся скорее от волны убежать!

Я всё это вижу с высоты волн, которые меня возносят и тут же низвергают. Так и кажется — захлестнут! Ну вот, и мне пора. Мне легче: я научен опытом друга. Несёт меня на сушу мощь волны. Изо всей силы работаю руками-ногами, чтобы подальше от моря отгрести. Получилось! Хотя и сшибло волной в конце, поставило на колени перед стихией. Тоже перецарапало.

— Я за тебя испугался! — перекрикивает Толя шум прибоя. — Как увидел, на какой ты высоте и с какой скоростью несёт!..

— Но меня же несло на волне! На волне твоего имени — на г р е б н е!

Идём в корпус. Толя смеётся:

Кричал мне вслед с опаской горел:

— Нет, нам с тобой не по пути!

Не лезь себе на гóре в море,

С волною, слушай, не шути!

Предстаём пред женами во всей красе.

— Ужас! Что это с вами?!

— Спорили, — объясняет Толя.

— Из-за чего?

— Чья жена лучше.

— И чья же?

— Ничья.

— Как?

— Ничья. Один-один. Но поцарапались.

А в другой раз, уже на вечернем купании, мы далеко заплыли. Разговоры разговоривали, лёжа на спине. Поплыли обратно на береговые огни. Но штука в том, что в море на рейде стояли грузовые и пассажирские суда и мы приняли их огни за береговые. Спыхватились, когда разглядели мачты. Да-а. Досталось нам это возвращение.

Выгребли полуживые. Но вот помню, что был совершенно спокоен — со мною Толя. А он вправду прекрасный пловец.

А его мудрость? Поссорились два поэта. Сора переросла во вражду. Толя устроил так, чтобы они враз оказались в Союзе писателей. Там при всех спросил каждого:

— Ты, мы знаем, прекрасный поэт, заработал бессмертие. Но скажи: ты лучше или хуже Пушкина пишешь?

Оба, конечно, сказали, что хуже.

— Ну вот, оба хуже. Тогда чего вам делить?

А наши паломничества на Великорезцкий крестный ход? Многие годы и годы. Нашу бригаду, душой которой был, конечно, брат во Христе Анатолий, высылали заранее в бывшее село Горохово (там у нас и царь Горох был), чтобы мы готовили встречу крестного хода. Восстанавливали купели, варили в огромных котлах гречневую кашу на многие тысячи крестоходцев. Там, у источника, сделали мы с Толей в 1994 году крест, который жив донныне.

Друг мой вообще во всём меня превосходит. Лучше знает жизнь; многое, больше меня, умеет. Владеет и топором, и рубанком, и косой, и граблями, превосходный печник. А знание народного языка у него феноменальное. Организовал областной конкурс на знание и сочинение частушек. По его итогам выпустил книгу, ставшую тут же редкостью.

А ещё же и то надо сказать, что он пятьдесят пять лет работает врачом-психиатром. Его знание пограничных состояний человека, его сострадание к душевнобольным помогают его проникновению в самую суть человеческой природы.

Начитанность его меня всегда восхищала. Вроде и я не последний в этом мире читатель, но соревноваться с ним бесполезно. И доселе, когда мы постоянно с ним созваниваемся, он всегда ошарашивает неожиданностью очередного чтения.

А его самого, русского поэта Анатолия Гребнева, очень бы надо читать в каждой школе. Чтение его стихов даёт живительное ощущение чистоты русского языка, настраивает душу на принятие прекрасных образов нашей Родины, показывает, какой должна быть настоящая любовь — к Богу, к родным и близким, к ушедшим и живущим.

Стоим на верхней площадке колокольни. Хорошо видно кладбище, где много Толиной родни, где упокоилась его мама, Анна Антоновна. Рядышком с нею, в вятской земле, он завешал и себя похоронить. Он, конечно, лёг бы и рядом с отцом, но отец далеко, в могиле подо Ржевом. В могиле этой более десяти тысяч солдат. И таких могил там сотни. Это самый кровопролитный фронт Великой Отечественной. Именно на Северо-Западный, в «главный огонь», пошли вятские призывники. Мы были с Толей на этой могиле.

Осенью 1941-го полгодика было ему, когда отец уходил из Чистополя и нёс его на руках до машины, увозившей призванных на войну. Рядышком бились их сердца, солдатское и поэтическое.

Солдат защитил, спас поэта. Поэт воспел и его подвиг, и Россию. Без слёз невозможно читать его стихотворение «На берегу пустом». И плачем вместе с автором. Он, выросший без отца, всю жизнь живёт рядом с ним, с его образом. Видит воочию отца, вернувшегося в Чистополье:

*Он был убит под Ржевом.
И на шинели след
от пули разрывной.
Он с дедом говорит —
Дед озабочен севом.
И вот сейчас отец
обнимется со мной!*

*И вся деревня здесь.
И вся родня — живая!
И вот уже поёт
И плачет отчий дом.
На берегу пустом,
лица не открывая,
Сажу и плачу я
На берегу пустом...*

Один за другим открывались перед поэтом жизненные горизонты и опять отодвигались, и он шел открывать новые. Но всегда ему светило Чистополье, «в чистом поле родное село».

Без поэзии Анатолия Гребнева невозможно представить русскую поэзию.

Виталий БОГОМОЛОВ

СТИХОТВОРНАЯ МОЗАИКА... гребневских дней рождения, в том числе юбилейных, шуточных и серьёзных

* * *

Анатолию Гребневу
в день 61-летия

Ах, папа Толя, ты Поэт,
Каких в России очень мало,
Кто появляется на свет
В руках с пером и... со стаканом.

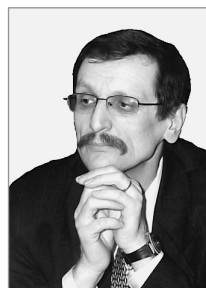
Тебе Господь послал талант,
Чтоб ты дивил не только Вятку:
К лицу тебе и пермский грант*,
Ты бьёшь без промаха в десятку.

Родная, щедрая душа,
Живи, твори и радуй женщин**!
Да чтоб уверенно дышал
Хотя б до сотни лет, не меньше!

Твой непослушный сын
Виталий Анатольевич

21 марта 2002 г.

Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области. Служил в армии. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького (1978). Трудился в колхозе, позднее работал на заводах Перми, в книжном издательстве, в ВОХРе, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве — «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей СССР/России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

* В феврале А. Г. Гребневу был присуждён грант за общественно значимый проект в сфере культуры и искусства.

** Зная целомудренный образ жизни юбиляра, я говорю об этом только ради рифмы, подразумевая главным образом то, что женщинам особенно нравятся его стихи.

* * *

Анатолию Гребневу
в день 62-летия

Надпись на книжку
«Ларец мудрых мыслей»

В знак покоренья дивных высей
Прими ларец ты мудрых мыслей!
Хотя к лицу тебе, отец,
Приличней лавровый венец!
Но средств скопить на лавр не смог.

Твой расточительный сынок
Виталий Анатольевич

21 марта 2003 г.

* * *

Анатолию Гребневу

Ты — певец
уходящей России,
Со славянской
былинной судьбой!
Ни в гульбе, ни в таланте, ни в силе
Не тягаться мне, Гребнев, с тобой.

Ты — певец
с богатырским размахом,
Коим Русь
пробивала века...
Ты — Поэт,
и, признаюсь, рубаха
Мне с плеча твоего велика!

10 февраля 2004 г.

* * *

Анатолию Гребневу

Очередную ты весну
Встречаешь в творческом расцвете!
Живи подольше, друг, на свете!
За это можно и плеснуть.

Был Передреев, был Рубцов,
А у тебя своя страница,
В ней Русь ушедшая хранится,
Где в поле бегал ты мальцом...

Укладом праведно-простым
В твоих стихах жива эпоха.
И как бы ни жилось нам плохо —
Не будет берег* твой пустым!

Твори прекрасные мгновенья,
А вот стило — для вдохновенья!

25 марта 2005 г.

* * *

Анатолию Гребневу к 65-летию

В ряду поэтов самых древних
Авторитетом был Гомер.
Ну а для нас сегодня — Гребнев
Явил в Поэзии пример.
Тут рот разинешь.

Струится равнодушно Лета,
В забвенье унося века,
Но власть её — не для Поэта,
Ведь Лета Гребневу мелка.
Пониже пуга.

Сочтём ли в ней хлебнувших сраму?
Живым никто не выплывал...
А Гребнев даже нашу Каму
Без передышки покрывал.
Туда-обратно.

Вязь поэтического слова —
Непринуждённа и легка!
Таланта твоего основа —
Прочна, серьёзна, глубока.
Ты просто классик!

Пусть юбилей пришёлся Толи
На дни Великого поста,
Но не простит Господь нас, что ли,
За тост: «Чтоб Гребнев жил до ста!»?
Но можно дольше!

* «На берегу пустом, / лица не открывая, / Сижу и плачу я / На берегу пустом...»
(из стихотворения А. Гребнева «На берегу пустом...»).

**СОЛНЦЕ НАД ЭКВАТОРОМ
(Юбилейное)**

21 марта, в день весеннего равноденствия,
солнце стоит над экватором.

Очень даже простые действия
Я сегодня, друзья, предприму:
В день весеннего равноденствия
Гост за Гребнева подниму!

Чтоб жилось тебе беспечально
Под твоею парнасской звездой,
И с Галиной чтоб ваши чаянья
Окупились желанным гнездом*!

Разорвав тесноту бесприютную,
Обретут ваши души покой.
Пусть не давит быт поминутно,
Чтоб творилось свободно, легко!

У твоей шестьдесят пятой пристани
(В безыскусных своих строках)
Я хочу пожелать, друг мой, искренне:
Чтоб стихи твои жили в веках!

Очень даже простые действия
Я сейчас, друзья, предприму:
В день весеннего равноденствия
Гост за Гребнева подниму!

**Анатолию ГРЕБНЕВУ
на получение премии Ал. Решетова
(Шуточное)**

Ну как не будешь огорошен,
Когда ты видишь пьедестал
И вдруг на нём — твой друг хороший,
Который памятником стал!

Анатолий Гребнев

Ты пишешь, тем ты огорошен,
Что друг твой памятником стал.
Но и тебе ведь, наш хороший,
Пора готовить пьедестал.

Но не чугунный, закопчённый
Ты будешь город украшать,
А потому, определённо,
Пора бутылки собирать.

* В эти дни решался трудный квартирный вопрос.

Чтоб стал тот памятник не мрачным,
А дивным светом осиян,
Чтоб, как твоя душа, прозрачным
Был каждому из россиян.

Конечно, брат, мы здесь не вечны,
Настанет срок — все будем «там»...
Но мы споём: «Ещё не вечер!»
Живи, живи на радость нам!

* * *

А. Гребневу
в день рождения

По стаканчику через край,
Совершая простые действия,
Друг мой, каждому наливай
В день весеннего равноденствия.

Сам при этом до дна не пей,
Чтоб твоя не скудела природа.
Свой талант береги и жалеи.
Ты у нас — достоянье народа!

21 марта 2008 г.

* * *

69-летнему Гребневу А.

Шестёрка да девятка —
У них двойная хватка!
И как ты эти цифры ни крути,
Они как Пермь да Вятка,
Шестёрка да девятка —
И лишь с нулём семёрка впереди.

21 марта 2010 г.

* * *

Анатолию Гребневу
на день рождения

С времён, признаться, самых древних
Текут слова, слова, слова...
Пока в поэзии есть Гребнев —
Дотоле Родина жива!

И в День поэзии всемирный
Недаром Бог его послал
На этот свет, чтоб пел он миру,
Гармошку превращая в Лиру,
И всё писал,
        писал,
        писал!
Друзья, за этот образец
Пора и выпить наконец!

21 марта 2014 г.

* * *

А ведь Всемирный день поэзии
В честь Гребнева был утверждён.
Ко гребневскому дню рождения
Он неспроста приноровлён.

Пусть наподобие шампанского
Сегодня пенятся слова
И славой мужества гражданского
Живёт о Гребневе молва!

21 марта 2015 г.

* * *

Анатолию Гребневу

Семьдесят пять —
        бриллиантовый возраст!
Но, Толя, в детство пока не впадай,
А сохраняй свою зрелую бодрость —
Стопарик с краями налей и поддай!

Как же в такой юбилей
        да без тоста?!
Силы в достатке, талант не иссяк.
Если сказать чтоб без фальши и просто:
Ведёшь за собой стихотворцев косяк.

Для нас ты, братуха, подобен Атланту
Поэзии русской!
        Поддерживай свод.
Сие твоему здесь под силу таланту,
А мы вокруг тебя уж собьём «хоровод».

Дано искромётным сиять тебе словом.
Божественный дар!

Никому не отнять!
Как хорошо, что собрал ты нас снова!
На грудь — за тебя —
разреши нам принять!

21 марта 2016 г.

ГРЕБНЕВУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Тебе, как лучшему поэту,
Дарю я, Толя, книжку эту!
И пусть напомним надпись эта,
Что ты родился в День Поэта!

21 марта 2017 г.

* * *

Анатолию Гребневу — 77

В народе эту дату называют
«два топора»,
И люди в день магический бывают
хмельны с утра!

Традицией такую, отрок вятский,
негоже пренебречь.
И мой совет тебе сегодня братский —
плеснуть сиречь.

С благими пожеланиями, стоя —
всё законно! —
Мы чокнемся с тобой, дружище Толя,
стозвонно!

Рождённый в День поэзии всемирный,
наш соловей!
В стихах ты взял высокий взлёт надмирный,
дитя полей!

21 марта 2018 г.

* * *

А. Гребневу на 79-летие

Да минет тебя лихолетье
И вируса* мерзкий каток!
Восьмого десятилетия
Вершинный открыл ты годок!
Мы дружно наполним бокалы,
Взметнём высоко в твою честь —
Коль званья достиг аксакала.
И слава тебе, что ты есть!

Да будет благоуханна
Поэзии жгучей строка...
Уж муза твоя три стакана
(Хоть пост) замахнула слегка!

Незримо, но очень неплохо
Достойный пример подала.
Ну что ж, до последнего вздоха
Чтоб рядом с тобою была!

21 марта 2020 г.

---

* 2020-й — год коронавируса.

Виталий БОГОМОЛОВ (об авторе см. с. 91)

НА БЕРЕГУ ПУСТОМ. Эссе

Анатолию Гребневу, большому поэту, дорогому для меня человеку, другу, — 80 лет. В книжке о нём «Вон парнишка бежит босиком», изданной в 2011 году, я писал, что он — последний поэт деревни. В том смысле, что с такой всеохватной глубиной и силой, с такой болью о деревенском мире, крестьянской цивилизации, которые и явили этого поэта, сегодня уже никто не пишет и мир этот, погибший, повторяю, уже не в состоянии дать нового подобного певца. Причём гибель, распад крестьянского космоса не просто зафиксированы, запечатлены в поэзии Гребнева, но оплодотворены личной темой, личным участием и отношением масштабного таланта поэта. В его, считаю, главном стихотворении «На берегу пустом» сказано:

*Глаза свои смежу
И в отблесках зари
Увижу, как идут,
Идут косою цепью,
По грудь в траве
Идут враскачку косари.*

В контексте стиха это потрясающая воображение поэтическая картина, равная большому батальному полотну. Ведь идёт, шла, запечатлена на этом полотне битва за жизнь, которая крестьянским миром, увы, проиграна по причине подлого предательства...

Проиграна в силу того, что государство после катастрофы 1917 года оказалось для крестьянства страшнее татаро-монгольского ига для Руси и всех войн, вместе взятых за последние лет, может быть, пятьсот. Этого злого и невиданно преступного отношения родного государства к себе народ не вынес: подорван оказался потенциал — и Берег опустел. Опустел закономерно. Рассыпался крестьянский мир, как рассыпается с годами крестьянская изба, хозяйство, брошенное сыном, промотавшим огромное наследство, добытое тяжким, долгим и упорным трудом родителя.

Памятью души — вот чем написано это стихотворение. Памятью самой верной, безошибочной.

* * *

В книгах Гребнева мы найдём немало образцов подлинно высокой гражданской поэзии, гордости за свою историю, за достойных сынов и дочерей Отечества: Пушкина, Есенина, Ахматову, Заболоцкого, Рубцова, Свиридова, Заволокина, Распутина, Крупина и других.

Его поэзия — это богатый и широкий диапазон душевных проявлений человека в разных состояниях и возрастах, его отклик на жизнь: и ребёнка, и подростка, и студента; и мальчика и зрелого мужа; и жителя деревни и ушедшего из неё человека, влившегося в прослойку городской интеллигенции.

О стихотворении «Метельный вальс», написанном Гребневым в 1990 году, Алексей Решетов, мастер преимущественно короткого стиха, сказал: «Надо же, такое длинное стихотворение — и ни одного

лишнего слова! — И пошутил: — Если б я полетел в космос, взял бы это стихотворение». Действительно, это потрясающее стихотворение, пронзительной силы и глубины, такой выплеск души, что читаешь — и мороз по коже.

*И мы покаянно итожим
Всё то, что ушло навсегда.
Мы даже заплакать не можем,
Как в юные наши года.*

А в середине девяностых, в 1994 или 1995 году, Решетов, поздравляя Анатолия с Новым годом, написал в открытке такие слова: «Толя, спасибо тебе, что ты и в жизни и в стихах любишь людей!»

Любишь людей! Хорошо-то как!

Василий Белов в 1992 году по дороге из Москвы в Вологду читал подаренную ему Гребневым книгу стихов «Храм» и после прислал автору такую «рецензию» на неё:

*От Степанова до Крылатского
То с любовью, то с тихой болью
Соловел я от слова вятского,
Послухмянного Анатолю.*

*Прочитал наизусть, что было,
Жаль, до Вологды не хватило.*

«Послухмянного» — какое удивительное слово употребил Василий Иванович. То есть послушного, доступного Анатолию, подвластного ему, уловленного им.

А с какой силой выразил поэт Гребнев детскую чистоту и невинность, тоску по их безвозвратной утрате. В стихах разных творческих периодов Анатолия мы встретим образ мальчика, бегущего полем.

*Вон парнишка бежит босиком
Дальним полем, тропой луговойю.
Он с былинкою каждой знаком,
Золотой весь от солнца и воли.*

Или:

*Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу,
Как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.
Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по жёлтому полю,
Которому тысячи лет.*

По сути-то, этот пронзительный образ мальчика «пробегает» через всё творчество поэта, через всё историческое поле России со

времён Святослава, через Бородинское поле; образ мальчика, теряющего отца в цепи бесконечных и жестоких войн. В стихотворении «На берегу пустом» глазами этого мальчика, тоже пребывающего в тот миг на поле — на пашне, воспринимается следующая картинка:

*А ближе подойди —
 расслышал бы сейчас я,
 О чём на пашне дел
 беседуют с отцом.*

*Он только что с войны.
 Он был убит под Ржевом.*

Конечно, тут можно вспомнить строчку «Я убит подо Ржевом...» Твардовского. Но вспоминается она в добром контексте преемственности, потому что у Анатолия Гребнева эта тема решена по-своему, с неожиданным и свежим поворотом, и свидетельствует эта строка только лишь о талантливом присоединении поэта к традиции великой русской литературы.

Образом этого мальчика светлого, выбежавшего из страшного сорок первого военного года, прямо или косвенно (ассоциативно) освещается каждое стихотворение Гребнева. Мальчонка несёт отблеск жизни каждого человека, у которого самое светлое и чистое осталось в безвозвратном детстве. Это болевая точка утрат и потерь.

Мальчик, бегущий полем, историческим полем России, — это невероятно удачный образ. Я считаю, это поэтическое открытие Анатолия Гребнева. Поэт восходит до библейского понимания детства во всей жизни человека.

Ещё раз прочувствуем смысл и глубину этих строк:

*Это я на заре бытия —
 Мне понятны и глуби, и выси,
 Птичий щебет и пенье ручья,
 Трав и листьев зелёные мысли.*

*За опасным и зрелым трудом
 И за поиском призрачных истин
 Мне всю жизнь будут сниться потом
 Этот луг,
 Это солнце
 И листья...*

Между двумя строфами умещается целый мир, легко угадываемый.

Как сильно в этом стихотворении выражены образ невинности и чистоты, тоска по их безвозвратной утрате! Иисус Христос говорил о детях, что их есть Царствие Небесное, подчёркивая этим величие детской невинности и чистоты.

Это же можно сказать о стихотворении «Помню, в детстве упал я в траву...».

И ещё один очень значимый образ создал Анатолий Гребнев в своих стихах — образ поля. Этот образ тоже проходит через всё

творчество поэта. Поле как основа жизни, как кормилец, как открытая арена бытия, на которой разыгрываются и исторические — России, народа, и личные — лирического героя, и бытовые, и трудовые, и любовные драмы, и радость, праздник. Это поле брани за независимость, за выживание и сохранение народа («На поле Куликовом»). Или в поэме «Бессмертник»:

*Поле русское, кровное полюшко,
Ты Белой и Победой взшло.*

Поле и как место философского созерцания мира. Поле — это место, где зарождалась, где формировалась жизнь; оно кормит, оно радует, оно огорчает; оно приносит праздник коллективного труда, счастье знакомств, познание сущностного. Поле в поэзии Анатолия Гребнева — это философский образ, порождённый высоким крестьянским происхождением поэта. С этим образом прочно связано мировоззрение той части народа, которую величают крестьянством и которая всегда была главной опорой христианства на Руси, опорой державы. И значит, неспроста мальчик-то бежит по полю, которому тысячи лет...

Такое масштабное и ёмкое полотно достойно-созвучно былинной кисти великого художника Виктора Михайловича Васнецова. Они родом, стоит заметить, оба вятские. Земляки.

Валерий ФОКИН

«О ПРЕЖНЕЙ ЗОЛОТОЙ ЖИЗНИ...» Эссе

Из письма Владимира Крупина:

«Дорогой Валера! Завтра для Толи солнце взойдёт с запада. Как же здорово ты написал о нём! Да, воистину, "родная земля нас связала, словно братьев Христовых с тобой".

Валерий, здравствуйте, это уже пишу я, Надежда Леонидовна. Я Володе читала вслух Ваш замечательный рассказ о Толе, читала, потому что у него температура 39. И что с ним, не знаю. Валера дорогой! Это действительно написано так хорошо, сердечно, на таком подъёме, как сейчас никто не пишет. Так любить, так дружить, так дорожить прожитым, так рассказывать о друге — без зависти, а с радостью за него, вспоминать такие дорогие подробности, в которых высвечивается человек, может только очень хороший человек и такой же талантливый, как его старший товарищ. Спасибо вам огромное. Толя заслужил такие слова и такого гимна. Многие, любящие его, хотели бы так сказать, но не всем дан такой живой и светлый дар. Эти люди, Толины читатели и почитатели, будут Вам благодарны за то, что Вы сказали о нём так высоко и вдохновенно.

Храни Вас Господь. Простите меня. А Володя напишет Вам, как только станет ему лучше.

С уважением Н. Л.»

Это было давно, когда первые свои книжки начинал я читать на бабушкиной печке при свете керосиновой лампы. А через дорогу от бабкиной избы стояла колхозная конюшня. Главная, самая большая, была в селе. Но и эта, деревенская, казалась нам, местной и приезжей малышне, огромной. Нас в неё взрослые не пускали — мало ли что, отвечай после. Да и нам самим страшновато было видеть, как выводимые из неё лошади взбрыкивали и норовили вырваться или куснуть коневода. А рядом — избушка куда меньше, размерами с деревенские бани, стоящие по обе стороны в соседних огородах. Конюховка. Вот в ней было совсем не страшно, но тоже интересно. Из бревенчатых стен торчали длинные деревянные штыри, на которых висели дуги, хомуты и сбруя. Причём развешанные не абы как, а подобранные и подогнанные для конкретных лошадок. Потому и таинственные слова на прибитых над ними фанерных табличках разгадывались почти сразу после первой недолгой заминки даже нами, малышами,

Валерий Геннадьевич ФОКИН родился 1 января 1949 года в селе Пишалье Кировской области. Окончил Кировский педагогический институт (исторический факультет) и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (поэтический семинар Ю. П. Кузнецова). Срочную армейскую службу проходил командиром отделения радиационно-химической разведки в Рaketных войсках стратегического назначения на границе Оренбуржья и Казахстана. После демобилизации — старший лейтенант, старший инструктор политчасти отдела исправительно-трудовых учреждений Кировского УВД. Работал преподавателем, инженером, журналистом, руководителем Кировского отделения Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Заболоцкого, межобластной литературной премии им. В. Шукшина. Член Союза писателей России (1988). Живёт в городе Кирове.

едва выучившимися ещё до школы читать по складам. «Со-ло-вуш-ка», «Ро-маш-ка», «Зорь-ка»...

Или это я уже на стих сбился?.. Ну какой такой стих, если всё это про меня?!

*И был я, радуясь находке,
Счастливым самым из людей,
В пропахшей сбруей конюховке
Читая клички лошадей.*

*Сияли в сумраке прогорклом
Слова, как детские года:
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёза, Иволга, Звезда.*

Нет, всё-таки это стихотворение! Про меня, да не моё. Анатолия Гребнева. А кто ж это? Может, он из тех старших ребят, которые нас в конюховку с собой брали — на ночной караул? Прокру, правда, немного было от такого, как я, караульщика. Ибо к полночи сладко засыпал на широкой лавке под хомутами, завёрнутый в старый ямщицкий тулуп, висевший за дверью. Шепча что-то в полусне, как детскую считалку.

Сколько мы их назубок с измалетства знали! И «Аты-баты! Шли солдаты, / Аты-баты! На базар. / Аты-баты! Что купили? / Аты-баты! Самовар!..» И «На золотом крыльце сидели: / Царь, царевич, король, королевич, / Сапожник, портной... / Кто ты такой?»

Но это была не считалка, не дразнилка, это были даже уже и не клички лошадей, а русские слова, вроде давно знакомые, но именно здесь, в этой конюховке, обретшие в моей детской душе свой глубинный смысл.

*Смысл этих слов первоначальный
Вдруг оживёт во мне — и вот,
Вот где-то иволга печально,
Почти что плача, запоёт.*

*И целый мир, роняя слёзы,
Поймёт ту песню, и тогда
Над соловьиною берёзой,
Дрожа, проклонется звезда.*

Потому при первом прочтении этих строк невольно пронзило меня ощущение: автор давно знаком мне, это один из тех старших деревенских ребят, с которыми мы вместе и конюшню ночью от воров и пожара караулили, и в покос сено свежескошенное волокушами на лошадках возили, а в ночном и самих коней в Вятке купали. И я, уже отнюдь не наивный и простодушный малыш, а человек, тёртый и битый жизнью, понимал, почему сказанное незнакомым мне поэтом Анатолием Гребневым стало мне таким родным и близким. Сейчас уже не вспомню точно, где я впервые прочёл или услышал это стихотворение, датируемое автором 1978 годом, но кажется (а с годами всё сильнее и неоспоримее), что оно было со мной всегда.

И где я,
Что я,
Что за сила
Меня взяла и вознесла
И душу вечную России
В слезах почувствовать дала.

Россия!
Радостно и горько
Мне этим чувством жить всегда.
Соловушка. Ромашка. Зорька.
Берёза. Иволга. Звезда.

Стихотворение словно продолжилось в моей жизни.

В первый же день знакомства с его автором всё то, что всколыхнуло оно во мне, я пересказал Анатолию Григорьевичу. И мы сразу начали вспоминать своё родное, далёкое, деревенское, повторяя наперебой: «А у нас тогда вот так было...» И так же разом вдруг почувствовали себя давно знакомыми и близкими, сразу естественно, безо всякой неловкости перейдя на «ты».

Стихотворение «Берёза. Иволга. Звезда» познакомило меня сначала заочно с поэтом Анатолием Гребневым, а затем оно же помогло уже нам обоим понять нечто общее и родственное друг в друге и стать друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Я не раз признавался Толе, что в трудные моменты, в тоске или в больнице, нередко твержу эти его строки вместе с молитвой, как наговор на исцеление телесное и душевное: «Соловушка, Ромашка, Зорька, Берёза, Иволга, Звезда...» Тогда Анатолий подарил мне свою всего лишь вторую книжку «Родословная», написав на ней: «Дорогому Валерию Фокину — поэту и земляку на дружбу. Счастья и удачи! Сердечно — Анатолий Гребнев». Но вместе со словами благодарности высказал я ему напрямую, как между нами уже повелось, и своё сожаление: «Толя, дорогой, тут же нет моего любимого...» — «Жди!» — сурово, но многообещающе ответил даритель.

И я дождался. В 1985 году в Перми вышла в свет уже шестая книга поэта. Но какая! Она и называлась так — по любимому мной его стихотворению «Берёза. Иволга. Звезда». И поскольку за эти годы предсказанной Анатолием нашей дружбы мы уже испытали её на прочность разными обстоятельствами, то и автограф не только свидетельствовал об этом, но и закреплял наш братский союз: «Дай Бог нам ещё пожить, любя Вятку, поэзию и женщин!» Главное, что нас накрепко объединило, было кратко, обобщённо сформулировано.

Конечно же, став друзьями, мы в то же время как были, так и остались разными. Толя, выросший в многодетной крестьянской семье, испытал полной мерой на собственной шкуре все радости, трудности и беды этой послевоенной сельской жизни. Да и годы нашего рождения — сороковые — были хотя и недалеко, но принципиально разными: 1941-й и 1949-й. Всего восемь лет между нами, а это целая эпоха! Толя — дитя войны и сирота войны; я — родился в послевоенное время, когда раны войны ещё болели, но уже не так кровоточили. Его отец и мой дядя, старший брат отца, павшие в 1942 году, лежали в разных, но в братских могилах. Мы говорили

и об этом — о том, как восстанавливали хоть какие-то подробности гибели родных. Дети фронтовиков — звание обязывало. Толины пронзительные строки, написанные там, на месте последнего боя его отца подо Ржевом, когда сын искал родную фамилию в многотысячных сельсоветовских списках захороненных в братской могиле, входили острой болью и в моё сердце:

*Наклоняюсь я низко.
Шелестят, шелестят
Поимённые списки,
Молчаливые списки
Здесь погибших солдат.*

*Как кутёнок я тычусь,
Пред глазами темно.
«Сколько их?» —
«Десять тысяч
Здесь всего учтено».*

*Строчки прыгают, пляшут.
Чем-то горло свело.
И найти-то мне страшно,
Не найти — тяжело.*

В канун юбилея Великой Победы вспомнил я эти строки, когда искал свою родную фамилию Фокин, листая уже совсем другие — компьютерные — списки захороненных в братских могилах, когда уточнял сведения о гибели в партизанском бою дяди Павла. Трагедия военного сиротского детства не ожесточила, не озлобила мальчишечье сердце Толи Гребнева, а будто шире распахнула его навстречу добрым людям. Хотя само время не было к нему добрым.

В отличие от меня, в деревенском детстве у бабушки познававшего крестьянский быт скорее с интересом и радостью, Анатолию приходилось подростком трудиться всерьёз, чтобы помочь семье прокормиться. Иная была мера ответственности и мера спроса. Самое простое и прямое сравнение (как говорится, почувствуйте разницу): мы тоже таскали с колхозного поля горох, чаще из озорства, а не от голода; взрослые гоняли нас, но совсем не так, как описал Анатолий в страшном своём стихотворении «Горох»:

*И теперь уж не до сказок.
Я от ужаса реву.
Вот с коня объездчик слазит...
Всё из сумок — на траву!*

*Так и вышло. Без гороха
Мы в слезах домой бредём.
Не во дни царя Гороха,
А в году сорок сельмом.*

*...Вдруг опять во сне затопит
Детским ужасом меня.*

Убегаю.
Сзади — топот,
Топот страшного коня!

Вот такого «детского ужаса» я уже, конечно, не испытал. Хотя и время моего детства сладким не было. Рыба, с самых ранних лет выловленная мной в реке Вятке и заливных озёрах (мы оба оказались прирождёнными рыбаками), шла на питание и была отнюдь не лишней. Как и мука, отоваренная бабушкой на первые мои трудодни, заработанные на сенокосе. Схожего в нашем детстве было на первый взгляд не так уж и мало. Но если приглядеться пристальней, становилось порой даже стыдно сравнивать. Рассказывал я Анатолию о том, что «вырос на руках детдомовцев» в селе Пишалье, где моего отца — молодого фронтовика назначили директором детдома. Толя покивал: «Да, у нас детдомовцы тоже были». А когда я много позже прочёл его стихотворение «Друзьям-детдомовцам», с каким-то чувством, близким к неловкости, уже всей глубиной сердца ощутил, насколько разными были наше детство, наши судьбы. Деревенский мальчонка в лаптях с завистью смотрел на казённую обувь сверстника-детдомовца, на его суконную курточку:

Тогда казалось мне спроста,
Что разница неуволима:
Друг Юрка — круглый сирота,
Я — сирота наполовину.

А мой отец, дважды раненный, да вернулся. И значит, я уже в этом был несравнимо более счастливым. Но всё же было и общее счастье — вятская родина, дарившая нам радость и надежду, помогавшая каждому по-своему, без осознания которой мы не смогли бы писать стихи.

Может, потому мы и сошлись так быстро, поняли друг друга и по стихам, и по жизни. Анатолий дал мне рекомендацию в Союз писателей СССР, беспокоился, спрашивал в письмах: «Что у тебя с Союзом? Когда секретариат по приёму?» Эпоха мобильной связи ещё не пришла, потому перечитываю сейчас Толины письма. Не все в конвертах. Порой оставлял он свои послания мне в редакции «молодёжки», а позже, в издательстве, передавал записки через общих знакомых. Но вот эти два письма разных лет почти все об одном. Приведу лишь часть первого:

«Дорогой Валера!

Высылаю тебе рукопись хорошего парня. Сам он очень и скромный, и самолюбив — одновременно. Стихи есть просто отличные. Это Сафронов Леонид Александрович. Сейчас он рабочий геолого-разведки в посёлке Рудничном. Там и родился в 1956 году, и вырос, а после 10-го класса мотался по северу Сибири, жил в Норильске, ходил в экспедиции с геологами. Печатался в Норильске, в Красноярске — в газетах, коллективных сборниках. Жил он и в Перми, ходил здесь в литкружок. Сейчас вернулся к матери...»

Дальше — почтовый адрес Сафронова и просьба ко мне: «Посмотри и дай его подборку в "Комсомольском племени" с врезкой. Сам увидишь, парень со способностями, ещё молод. Вы его там не

забывайте: выгашите на семинар — и поругайте, и похвалите за дело. Я позвоню на днях».

Так и случилось — и напечатали, и на семинар пригласили. Сейчас уж не вспомню про «Племя», но, перейдя в Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, я в полном объёме выполнил просьбу друга. В коллективный сборник «Встречи» 1988 года поставил подборку Леонида с врезкой — напутственным словом самого Анатолия под точным заголовком «За душою — родина...».

Не всё у нас сбывалось, как планировалось в его письмах, да и в те молодые, дерзкие годы неожиданного, стихийно-спонтанного, импровизационного было куда больше, чем расписанного заранее. Ведь мы с радостью находили любую возможность повидаться не только для дружеского общения, но и для того, чтобы совместно поучаствовать во всевозможных творческих событиях, а уж тем более в презентациях наших, включая, конечно же, и Владимира Крупина, книг в любимой Герценке. Что уж говорить про юбилейные творческие вечера! Цитата из Толиного шуточного послания на моё пятидесятилетие ушла в народ:

*Пресс-секретарь Валерий Фокин
Всю прессу Вятки взял под пресс.*

И уж совсем не шуточной поддержкой после тяжёлой речной аварии, сделавшей меня инвалидом, стали ободряющие и буквально поднимающие на ноги стихи Анатолия Гребнева к моему уже более серьёзному юбилею:

*Не так уж много — семь десятков!
Ещё силён строки напор,
Ещё бурлит на стрежне Вятка,
Ещё шумит Разбойный Бор.*

*Ты Вятку укрощал не слабо,
О красоте её трубя, —
Она ж, как взбалмошная баба,
Чуть не угробила тебя.*

*Но вятским ты рождён не даром —
И руку дай тебе пожать! —
Судьбы внезапные удары
Сумел ты, как никто, держать.*

*Не каждый сможет, жизнью битый,
Сбежать, на слово опершись,
Из окостылившего быта
В не опостылевшую жизнь.*

Хотя, как ни бодрись, как ни молодись, всему своё время. Острое и грустное осознание этого пришло к Анатолию, всё ж таки полагаю, чересчур рано. Может, потому так казалось, что сам я ещё не нагулялся. Однако старший мой друг писал мне в 1987-м: «В Вятке не знаю, когда сейчас и появлюсь. Стареем мы с Крупи-

ным, это особенно стало видно в последнюю поездку. Прошло (или почти прошло) наше молодечество. Да и, откровенно, надоело уже. Лучше принять 5 капель лечебных + 5 капель служебных в мужской компании и со вздохом вспоминать молодость». А затем словно окончательно закрепил ранее высказанное в письме автографом на своей книге «Родины свет», вышедшей в почти символическом 2001 году: «Дорогому Валерию Фокину — дружески на память о прежней золотой жизни».

Жизнь воистину и без злата — золотая! Много в ней было всего совместного — братского. Озорного, но всё же не хулиганского. Чаше весёлого. Увы, порой и печального. Как на Русском народном соборе 5 декабря 2008 года в храме Христа Спасителя в Москве, куда съехались писатели со всей России и снова встретились мы втроём: Крупин, Гребнев и я. Ждали торжественного открытия, но возникла какая-то заминка, перешедшая в долгую, томительную паузу. Анатолий увёл меня в безлюдное место, открыл свой «докторский портфель» и выташил... бутылку тёмного стекла, явно не из магазина. «Крупину с юга привезли в подарок чачу, а он сейчас не пьющий — Рождественский пост, вот мне и передал. С близкими надо делиться!» И, хлебнув из походного стаканчика, налил мне. «Господи, прости нас, грешных!» — успел молвить я, прежде чем огненная влага опалила всего изнутри. Вскоре всех нас вновь собрали в зале и сообщили скорбную весть о кончине Епископа Русской православной церкви, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. А по местной радиосвязи объявили, что в буфете собора разрешено временно продавать коньяк для поминовения новопредавшегося. Тут до меня и дошло: выходит, мы с Толей первыми помянули патриарха.

Был на этом Соборе и мой товарищ по поэтическому семинару Юрия Кузнецова на ВЛК пермяк Игорь Тюленев. Мы с ним несколько раз встречались на общероссийских писательских мероприятиях, и всегда звучал мой вопрос: «Ну как там у вас наш Гребнев?» На что Игорь полушуточно отвечивал: «Да какой ваш — он давно наш, пермский!» Спор этот разрешил сам Анатолий Григорьевич: «У нас от Бога Родина одна». Но для меня нет сомнений: он — вятский! Не зря же пермяки то ли с удивлением, то ли с долей зависти констатировали: «А. Гребнев получает широкое признание и авторитет на родине в Кировской области, где издаётся чаше, чем в Перми». Широкая известность одного из лучших лирических поэтов современной России вроде как бы и отменяет давнюю присказку «Где родился, там и пригодился». Но не отменяет пожизненной благодарности самого поэта Анатолия Гребнева родной земле:

*Для счастья самого простого —
Со мной, во мне, передо мной —
Державный,
Вечный гул простора,
Глубинный свет
Земли родной.*

На этой земле он впервые встретился со стихами Сергея Есенина, определившими главное в его будущей поэзии — её лиричность

и народность. Здесь рос он в вольной стихии разговорного русского языка. Эта стихия народной речи для Анатолия то же, что природные стихии: ветер, дождь, снег. В каждой есть своя прелесть, а какой-нибудь неожиданный всполох грозы с раскатами грома способен даже вызвать буйный восторг. Потому так естественно в поэтическом голосе Гребнева звучат самые разнообразные простонародные слова и словечки, впитанные им с молоком матери. И это не демонстрация глубины своих лингвистических познаний, как часто случается у литераторов, пишущих «под народ», а образ мышления и общения как в быту, так и в творчестве.

Даже в самом любимом моём стихотворении Анатолия там, где большинство сказали бы «за нашу встречу», он пишет «за наше сретенье». Некоторым читателям из нынешней молодёжи в словари придётся лезть: уходит слово из нашей повседневной жизни, сохраняя разве что в православии, как в самой надёжной сокровищнице церковнославянского и старорусского языка. Да в поэзии таких «штучных» для современной литературы поэтов, как Анатолий Гребнев. Совершенно несущественная, как может показаться, связка слов «Фёдор свет Иваныч» всё в том же стихотворении придаёт ему отсвет (тавтология моя тут вполне уместна) некой былинности, сказочности, при котором «и поплывут, сменив места» клички лошадей, и оживёт «смысл этих слов первоначальный». Подобный «первоначальный», но вечный смысл уже не просто слов, а стоящего за ними крестьянского мирознания придаёт былинную мощь простенькой вроде бы житейской картинке:

*Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу,
Как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.
Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по жёлтому полю,
Которому тысячи лет.*

Неслучайно Владимир Крупин включил эти строки в свою пьесу, как и строфу из моих «Песен восемнадцатого года», написанных к так и не поставленному фильму по его «Ямщицкой повести». И этим слово символически свёл нас на премьере спектакля на сцене Кировского областного драматического театра в неделю «Земляки», великолепно задуманную и осуществлённую художественным руководителем театра, нашим общим незабвенным другом Евгением Степанцевым. А я «свёл» Гребнева с Крупиным в своей книге «Истобенский плёс» посвящёнными тому и другому стихотворениями. Расскажу об истории появления стиха-посвящения Анатолию. Но прежде лирическое отступление.

Гребнев и гармонь не просто с одной буквы, они неразрывно связаны между собой. Да и сам он без ложной скромности признавался:

*Гармонь моя в кругу
Звончей других была!*

С этим безоговорочно соглашались те, кто слушал гребневскую игру на гармонии в моменты его вдохновенного куража. Что было с блестящим подтверждено на моём 50-летию в любимой нашей Герценке. А в бане посёлка Нижнеивкино на моих глазах мужики бросали мыло и мочалки и выскакивали в предбанник, когда Анатолий Григорьевич начинал свои гипнотически пленительные гармонные «Страдания». А под ядрёные частушки недомытые, но сражённые его талантом ценители уже и рыбку вяленую с пивком подтаскивали да и кое-что покрепче из своих заначек доставали для угощения мастера. И подпевали, и заказывали исполнение своих любимых песен и мелодий, и подначивали: а вот так можешь? Толя мог и так, и сяк, и наперекосьяк! И не единожды такое повторялось. Целый неофициальный фольклорный праздник получался. Иногда и с последующими шутивными разборками.

Да что там баня! В апреле 1987 года в Останкино записывалась легендарная передача «Играй, гармонь!» с участием Владимира Крупина и большой вятской делегации (я попал туда как соавтор документального издания «Вятская гармоника»). Узнав о моей дружбе с Гребневым, сам Геннадий Заволокин безоговорочно заявил: «Анатолий и поэт, и гармонист отменный». А прочитав в подаренной мной книге «Истобенский плёс» посвящённое Анатолию Гребневу стихотворение «Гармонь напрокат», отдалился своей — «Частушки родины Шукшина» с растрогавшим меня автографом: «Валерий! Спасибо за "Истобенский плёс". Это — настоящее! Мы — души родственные. Всегда рад встрече. Г. Заволокин». Особо выделенное гармонистом всей Руси Толино посвящение было зарифмованным происшествием с говорящим названием. В те давние времена начала 1980-х в пункте проката на Октябрьском проспекте выдавали и гармони. Гребнев, видать, заметил это и, чтоб свою не везти и здесь ни у кого не кланчить, заранее по телефону попросил меня... Впрочем, об этом и стих. Сначала вступление:

*Меня просил поэт известный,
без званий, правда, и наград:
«Тебе дадут, ведь ты же местный —
возьми гармошку напрокат».
Но молодая завпрокатом
смотрела странно на меня,
как будто я ругался матом
и на прокат просил коня.
Но всё ж, смутясь не без причины,
я нёс гармошку на ремне.
И все — и люди, и машины —
дорогу уступали мне...*

А затем реальная история о том, как после встреч с читателями и друзьями, находившись по «главным адресам», вернулись мы вечером в заранее снятый (проблема тогда с этим была, порой все связи напрягать приходилось) гостиничный номер:

*Затем в гостинице «Центральной»
гармошка плакала всерьёз,*

*с какой-то тихой болью тайной
под шум за окнами берёз.*

То, что волновало и тревожило нас, звучало тогда и в голосе прокатной гармонии:

*Я видел лес, реку и поле —
дождём к земле прибило рожь...
Зачем ты травишь душу, Толя,
зачем ты, Толя, сердце рвёшь!*

<...>

*Как в печке рвут пошире вьюжку,
когда в глазах начнёт темнеть,
рвани-ка вятскую частушку,
чтоб от тоски не угореть.*

<...>

*Давай окно открою, что ли,
чтоб разогнать табачный чад.
Играй же, Толя, пой же, Толя,
покуда в стенку не стучат...*

Но в стенку уже стучали. Вернее. стучали в дверь. И не с руганью — мол, отдыхать мешаєте, а с просьбой: можно нам послушать. Вскоре в комнате стало тесно, народ уже стоял у настежь распахнутой двери номера. А когда подскочил какой-то гастролирующий музыкант то ли с баяном, то ли с аккордеоном, тут уж и филармония позавидовала бы.

А какие песни импровизированным хором пели! На замечание дежурной по этажу, что уже поздно и надо расходиться, все наперебой стали убеждать её дать ещё полчаса. И так раза три. Расстались мы с виновником гостиничного переполоха за полночь. Со светлой грустью и одновременно с каким-то шальным восторгом от произошедшего.

*И, оставляя без ответа,
мы враз подумали о том,
не сколько было перепето,
а сколько мы ещё споём.*

*Ведь остывала на окошке,
уже не плача, не маня,
твоя прокатная гармошка,
записанная на меня.*

*И вспоминалось об одном,
хоть было в жизни всякое:
«А по деревне мы идём,
стукаем да брякаем...»*

После записи телепередачи «Играй, гармонь!» в 1987 году эта история повторилась уже в останкинской гостинице в коллективном исполнении почти настоящего концерта командированными в столицу вятскими гармонистами и Галиной Савиной с её душевными

песнями. Без Толи, но с прочитанным мной вслух в виде пролога этим посвящённым ему стихотворением.

А все вместе (Крупин, Гребнев и я) встретились с Заволокиным уже в июне 1999-го, когда его телебригада приехала к нам для подготовки большой, отдельной, уже удлинившей на слово своё название программы «Играй, гармонь любимая!». Но тогда Геннадий Дмитриевич был весь в гуще народа, в съёмках, в поездках по области. Поговорили как-то наспех, скомканно, с надеждой на следующую, уже не такую сумбурную, встречу. Знать бы наперёд! Вместо новой встречи, новых песен «заволокинцев» на стихи Анатолия Гребнева Толины прощальные строки:

*Под метель и под звоны капели,
Когда воздух, как спирт, голубой,
Сколько песен с тобой мы не спели,
Сколько мы не успели с тобой!*

*И беда нам бывала не горе,
Когда слушали мы, не дыша:
На лихие твои переборы
Отзывалась России душа!*

*Ликовала весёлая сила!
Ты гармошкой весёлою той
Разбудил, всколыхнув всю Россию,
И оставил её сиротой.*

Но кроме заволокинского наследия, остались в моей душе и строки гребневского стихотворения «Гармонь», тоже, кстати, любимого и нередко цитировавшегося Геннадием Дмитриевичем. Да и как же не произнести то, что само на язык просится!

*Я ремень на ней поправлю
И не выроню из рук.
«Всё пропью,
        гармонь оставлю!» —
Запевай, мой старый друг.*

*Мы грустить с тобой не станем.
Раскатись, как раньше гром:
«Мы свою гармонь растянем,
А чужую разорвём!»*

Я же частенько в минуты тоскливого одиночества, которое накатывало порой, повторял другие строки этого стихотворения:

*«Не с кем стало и подраться», —
Друг мне в шутку говорит.*

Помогало — встряхивало. А уж как встряхивали и заводили частушки, которых Гребнев знал неимоверное количество! Мало того что в жизни наслушался, так ещё и начитался, когда в областной

пермской газете вёл популярнейший «Конкурс частушек». Каковы были некоторые из них, понятно и по году проведения конкурса — тяжёлому и переломному 1991-му. Когда Анатолий вспоминал под гармошку наиболее забористые частушки, иные избыточно интеллигентные слушатели краснели.

Мой первый наставник на пути в большую литературу Николай Старшинов тоже был большой любитель ядрёных частушек. Когда к нам в Вятку приезжал, старался новые и неизвестные ему вызнать. Несколько раз я ему что-то подсказывал и однажды услышал в ответ: «Да это гребневские!» Николай Константинович то ли в шутку, то ли всерьёз говорил про Анатолия и частушки: «Он и сам их на ходу сочиняет, потому его и перепеть невозможно».

Частушка, как своеобразный песенный анекдот, в суровые подцензурные годы стала народным ответом на все псевдолозунги той поры — от хрущёвского «Наша цель — коммунизм!» до брежневского «Народ и партия едины!», на ложь и лицемерие официальной пропаганды. А вот в Гребневе чего-чего, а ханжества и лицемерия не бывало никогда. Хотя довелось мне видеть его и перед лицом тогдашних партийных идеологических начальников. Слово таким «идейным» чинушам он и скажет в стихе с неприкрытым сарказмом, как припечатает:

*Ничего нет на свете милее
Безыдейного шелеста ржи!*

Сочный народный юмор спасал его — многоопытного врача-психиатра, столько лет пытающегося предотвратить полный распад человеческой личности у своих пациентов, — от очерствления и ожесточения собственного душевного строя. Я в очередной раз убедился в этом после рассказов, устных и письменных, Владимира Крупина, который для проникновения в мир персонажей своего будущего произведения решил «закосить под дурачка» — выдать себя за пациента. И лёг в психиатрическую больницу в Байболовке, «под крышу» врача-психиатра А. Г. Гребнева. «Алики» Владимира Николаевича разоблачили, что, впрочем, не помешало ему воплотить в художественную прозу задуманное. А у меня осталось его письмо оттуда, с постскриптумом: «Голя чистит лук и плачет от счастья, что письмо идёт от нас на родину».

Приведу сначала повествовательную часть:

«Живём здесь трезво, но, увы, непродуктивно творчески. М. б. литература решила жить без нас? Петали в Чайковский и Воткинск, сейчас сидим за 70 км от Перми, топим печь. Ходили даже в кино в деревенский клуб, нравы в котором близки к итальянским.

Заехать в Вятку м.б. получится, но пока не загадываем. Прямо какое-то проклятие, что работа не идёт! Вдобавок я влез в психиатрию, в спец. литературу, и, кажется, скоро рехнусь...»

А начиналось письмо почти с официального поручения мне: «Валера! Мы тут совершенно случайно, каждый день топя баню, обнаружили на её чердаке произведение. Нам показалось, что "Комсомольское племя" в твоём лице и Союз журналистов в лице Голубева и Злыгостева заинтересуются им и решат вопрос о его публикации, чтобы не лишить народ радости приобщения к борьбе с пороками. Т. к. автор неиз-

вестен, то гонорар можете смело пропить... Произведение созвучно нашему настроению и вашему, думаем, тоже». Я, приняв прочитанное всерьёз, с любопытством развернул отдельно вложенный листок с отпечатанным на машинке текстом. Начал читать и... Самое подходящее выражение для моего состояния в стилистике того времени — «как с дуба рухнул». (Тут вырублено по приказу Н. И., и мной заменена поэма на стих.) Финал поэмы, да и её содержание в прозе, что нормативной, что ненормативной, кратко пересказать сложно. Зачем тогда заостряю внимание именно на этом? Да хотя бы для того, чтоб наглядно показать: врач-психиатр лучше многих знает, как расслабиться и сбросить накопившуюся в опасных пределах нервную усталость.

А слово лечит! Даже синяки и шишки, не говоря уже о простых бытовых царапинах, сходят и зарастают быстрее. Пример вполне конкретный. И о нём вспомнил я, когда уже в январе этого года прочёл на сайте «День Литературы» (denliteraturi.ru) очерк Владимира Крупина о поэте и друге Анатолии Гребневе «В чистом поле родное село...». В нём Владимир Николаевич рассказал и о происшествии во время их совместного с семьями отдыха в Пицунде. Привёл и Толины остроумные экспромты по поводу реакции окружающих на их борьбу с морской стихией.

Я сразу откликнулся электронным письмом автору:

«Володя, на одном дыхании прочёл твоё слово об Анатолии. Это просто стихи, ода — образец того, как друг говорит о друге, словно на шумном пиру поднимая за него заздравную чашу. И притом всё — правда! Восторженно, но искренне романтизированная — потому что и сам герой пробуждает в душе такие же восторженные, романтические чувства.

Кстати, у меня есть твоё письмо и стихотворение про то, как вы волны побеждали. Ты тогда хотел, чтоб я в областной молодёжке его напечатал как шуточное. Тогда не получилось. Но ведь и впрямь: "рукописи не горят"!»

Владимир тут же откликнулся:

«Спасибо за добрые слова. Да, Валерочка, есть что вспомнить! Ведь не только заздравные гуляли по кругу, но было же прекрасное, именно творческое, общение.

А стих-е "как мы волны побеждали" не помню начисто».

Получается, что у меня в личном архиве раритет! Не просто отпечатанный на машинке стих Анатолия Гребнева с правкой, внесённой рукой Владимира Крупина, но и... с его иллюстрацией.

Прозаик — художник слова. Потому рисунок пером дался ему как раз... с помощью слова. Над прямой линией — крупная волнистая. И обозначения нарисованного: «берег», «волна», «ещё одна волна». А между условным берегом и такими же условными волнами тоже очень условные человечки в перевёрнутом виде. И подпись «мы».

И две сопроводилки, обращённые ко мне: «Добрый день, Валера! Может быть, есть возможность напечатать под рубрикой "шуточное" это нешуточное великорусское произведение? Оно создавалось при мне в один присест после того, как нас чуть не захлопнуло большой волной. Меня побило о камешки. Вроде выздоровел...»

А на обороте ещё постскриптум: «Валера, как раз звонил Толя и (см. зелёное) продиктовал изменения. Очень бы напечатать!»

Как же можно упустить в моих заметках впервые не в отрывках и устных пересказах, а целиком опубликовать этот отредактированный, как я полагаю, плод совместного творческого — отдохновенного, но вдохновенного — труда двух корифеев поэзии и прозы!

Событие в Пицунде

*Кричал мне вслед с опаской горел:
— Нет, нам с тобой не по пути!
Не лезь себе на горе в море,
С волною, слушай, не шути.
Но я махнул ему с улыбкой,
И долго-долго допьяна
Меня зыбучая, как зыбка,
Качала-нянчила волна.
И хоть я был в себе уверен,
Накрыл меня девятый вал.
Как после схватки с диким зверем,
В травматологию попал.
Там отлежал своё, не плача,
И вновь с трудом пришёл на брег,
Откуда долго передачи
Носил мне южный человек.
Он на меня глядит со вздохом:
— Вах, дорогой мой, в шторм такой,
Ты понял, с морем шутки плохи,
Бояться надо, дорогой!..
Но страхом я не опозорю
Своей отеческой земли.
И снова я ныряю в море —
В прибой бросая костыли!*

Сказано ведь мудрыми, «в каждой шутке лишь доля шутки». И вовсе не шутка, а доказанная научная истина, что смех целебен. Особенно когда вы смеётесь вместе с умным человеком.

А если к тому же он ещё блестящий поэт и знаток народного русского языка!..

Впрочем, сам поэт-психиатр Гребнев, не подверженный гордыни, а уж тем более умеющий профессионально профилировать манию величия, сводил свою поэтическую популярность к доброй шутке:

*Слывя в Байболовке поэтом,
Я шлю друзьям большой привет.
И акцентирую при этом,
Что все в Байболовке с приветом,
А всех приветней — сам поэт.
В полупридушошной деревне,
Где уйма ходит дураков,
Душа болит до одуренья:
А может, ты и сам таков?
Ведь не дурак сюда не едет,
Судьбу-злодейку не кляня,*

*И крыша едет, едет, едет
У разнесчастливого меня.*

Жития писать не умею. А вспомнить мог бы ещё многое. Но то, что знаю только я, не стоит всё тащить сейчас, в канун славного юбилея нашего героя, на свет божий, а то, что знают многие, кто-то из них и вспомнит. И про «целомудренное звучание», и про крестный ход, и про Чистополье, что, безусловно, нужно и важно (и даже нужнее и важнее) для полного и всестороннего портрета большого русского поэта Анатолия Гребнева. Я же буду помнить его тем Толей, с которым мне было легко и радостно в любых компаниях, в которых он никогда не терялся, а становился своим, в которых серьёзные женщины млели, как школьницы, не только от слов, но и от тембра его голоса, завораживающего обнажённой искренностью поэтической картины любовной драмы:

*Глаза твои запоминаю,
Твой аромат и голос твой.
До забытья целую,
Знаю,
Что мы расстанемся с тобой.*

*О, как меня ты обнимаешь,
Ласкаешь в краткий час ночной!
И, всё забыв на свете,
Знаешь,
Что ты расстанешься со мной.*

*Подбросим в печку дров беремья,
И — никому нас не разнять.
Люби! Люби!
Ещё не время
Нам друг о друге вспоминать.*

А мне время завершить свои воспоминания о «прежней золотой жизни» словами Анатолия из надписи на ещё одной подаренной мне им книге «Берег Родины»: «Дорогой Валера! Спасибо за то, что ты есть, спасибо за стихи — храни тебя Господь! Обнимаю сердечно...»

Заменяю обращение на «Дорогой юбиляр!» и переадресую их, точнее, бережно передаю, как наполненную до краёв стопку в нашем дружеском праздничном застолье, своему старшему брату по жизни и поэзии, по нашей не иссякаемой с годами общей любви к родной Вятке Анатолию Григорьевичу Гребневу.

*Словно землю — свет луны,
Вновь меня переполняет
Чувство отчей стороны.
Как весенняя трава,
Корневым чутьём жива, —
Снова я, воспрянув, слышу
Родниковые слова!*

Александр БАЛТИН

ГАРМОНИЯ АНАТОЛИЯ ГРЕБНЕВА. Отклик

Гармошка развернётся: повеет уходящим — когда не ушедшим — деревенским укладом, своеобразием тех песен и веселья, какие всё больше подёргиваются пеленой современности:

*Застольная гармошка
Разбудит вдовьи сны:
«По муромской дорожке
Стояли три сосны...»*

*Душе тоски-печали
Не надо занимать.
И, головой качая,
Поёт,
как плачет,
мать.*

Анатолий Гребнев как будто оживляет — былое, не подлежащее забвению; то, что связано с корнями, каким сложно возразить, ибо всякое сегодня растёт из вчера.

Красота совмещается с трагедией — и есть неизбывная трагедия красоты:

*В забытых зарослях рябины,
В горькопопынном серебре,*

Александр БАЛТИН родился в городе Москве в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007-м в журнале Florida (США), как литературный критик — в 2016 году в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях разных стран: России, Беларуси, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Чехии, Германии, Израиля, Ирана, Канады, США и др. (в т. ч. в журналах «Юность», «Москва», «Дети Ра», в антологии «И мы сохраним тебя, русская речь...»). Дважды лауреат Международного поэтического конкурса «Пушкинская Лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба EvilArt. Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Отмечен благодарностью альманаха «Истоки». Лауреат портала «Клубочек» в номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Позтоград» в номинациях «Поэзия» (2016) и «Критика» (2017). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, 2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (Болгария, 2019). Лауреат газеты «День Литературы» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии им. В. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020). Лауреат журнала «Эколог и Я» (Беларусь, 2020). Неоднократно выступал с чтением стихов на радио «Центр», в программе «Логос». На радио «Говорит Москва» стихи А. Балтина читал народный артист СССР Е. Весник. О произведениях А. Балтина писали «Литературная газета», «Юность», «Истоки», «Литературные вести», «Новый мир», «Знамя», «День и ночь», «Дети Ра», «Казахстанская правда», «Завтра» и др. Сказка «Страна гномов» вышла отдельным изданием в Канаде. Его стихи переведены на итальянский и польский языки, эссе — на болгарский и фарси. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвящённая творчеству писателя.

*Древни брошенной руины
Я обнаружил на бугре.*

Первые две пышно расцветенные строки вспыхивают роскошными огнями — чтобы чётче прозвучали следующие, тяжёлые, как удар.

А свет, возникающий непременно, будет рябиновым, густым, по ощущениям — связанным с матерью:

*Красной рябиновой веткой
Свет в материнском окне.
Спросит с участием соседка,
Вижу ли маму во сне.*

Родные — даже родовые: идущие от земли и хлеба — ощущения переполняют стихи Гребнева, и, истолкованные по-своему: своеобразием дара — превращаются они в музыку, соприродную вечности.

...Вольный ветер шумит, овеявая шемящие пейзажи, образы древни возникают точно подёрнутые дымкой, и свод стихов Анатолия Гребнева кольшется бесконечной смысловой плазмой и живёт, живёт, возникший на родных основах, которые нельзя уничтожить.

Анатолий ГРЕБНЕВ (об авторе см. с. 5)

ДУША НЕ ВЕДАЕТ ОСТУДЫ. Стихи

* * *

Душа не ведает остуды
К тому, чем издавна жива:
Из-под сознания, из-под спуда
Всплывают матери слова.

Слетают с детского крылечка —
И снова, будто наяву,
Я слышу бабушки наречье,
Её былинную молву.

Века седые с тихим гулом —
Бессонной памяти приют —
До Святогора и Микулы
Так осязаемо встают!

Былую боль приносит Слово,
Как по натянутой струне.
И снова жизнь живая, снова
Вся до озноба внятна мне!

* * *

Ты ликуешь, удивляешься —
Излечили от тоски
Изумрудные появыши,
Первой зелени ростки!

И над всей землёй весеннею
Он плывёт со всех сторон,
Звон Христова Воскресения,
Колокольный перезвон.

И в бессмертие поверится!
Вся земля и впрямь жива,
Аж на кладбище шевелится
Надмогильная трава...

Я бродил сегодня лесом,
Там звенел зелёный вал.
В лад со мной «Христос воскрес!»
Хор пернатый распевал.

Николай БАШМАКОВ

ВОЛШЕБСТВО РАССВЕТА**Воспоминания о малой родине**

Любовь к рыбалке у человека появляется с детства. Мне искренне жаль людей, детство которых прошло вдали от реки. Моё детство связано с посёлком, имеющим красивое название — Рассвет. Река детства — Ница. От Рассвета километрах в пятнадцати вниз — устье, где Ница впадает в более быструю и своенравную Туру. Сливаясь с Турой, она пополняет воды Тобола, потом Иртыша и, влившись в Обь, устремляется в Северный Ледовитый океан.

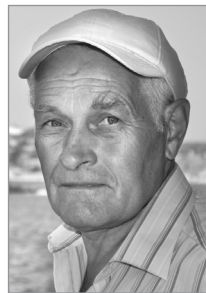
Ох, нелегко подниматься на зорьке на седьмом десятке лет. Неотдохнувший организм сопротивляется нарушению режима. Пока идёшь к водоёму, чувствуешь себя разбитым. Энергия наполняет тело медленно и неохотно. Но лишь вдохнёшь запах родной реки — и происходит чудо. Организм дедушки вспоминает то, что испытал когда-то мальчишкой. Запах — лучшая память. Он способен пробудить такие ассоциации, которые не может вызвать фотография или знакомый с детства пейзаж.

Тогда, по молодости лет, я не знал, что у рассвета особый запах. Понял это с годами. Запах лучше всякой картинки возвращает в прошлое. Предутренний туман, редкие всплески рыб — и нет уже навалившихся на плечи лет, и ты радуешься встрече с рекой. А воспоминания в это время заполняют все твои мысли...

В Рассвете я пошёл в начальную школу, где учился до четвёртого класса. С пятого по восьмой мы уже обучались в Краснослободской восьмилетней (тогда) школе. Учителей рассветовской начальной школы всегда вспоминаю с особой благодарностью. Анна Александровна Локшина и Александра Васильевна Чупина научили нас не только читать и писать, но многим премудростям жизни. Они были нашими учителями и воспитателями в самом полном смысле этих слов. Сумели привить чувство любви к Родине, к своему родному краю. Экскурсии и походы на природу были естественно вплетены в наше обучение, поэтому мы не боялись леса и большой реки, как некоторые современные тинейджеры. Река в нашей жизни занимала особое место.

До самого устья Ницы нами, пацанами, всё было исхожено и изучено. Вот луг, который река заливает по весне. Он тянется на два километра до бывшей деревни Репино, располагавшейся на более

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972) и Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер, полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор пяти книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

высоком берегу. Ница не могла затопить эту деревню даже в самый серьёзный паводок. Здесь в Ницу впадает речушка, которая летом почти полностью пересыхает и превращается в ручеёк. Она вытекает из болотистой местности вдоль другой стороны посёлка. Мы называли её Малая речка. Наш огород упирался в эту речку в районе небольшого пруда. В пруду плавали домашние утки, из него брали воду на полив. У устья этой речки, возле Репино, и заканчивался заливной луг на нашей стороне. На лугу пасли рассветовское стадо коров. Сказать честно, не любил я это занятие. Целый день привязан к стаду, и оттого день казался скучным и очень длинным. Но деваться было некуда. Пасли за себя, когда подходила очередь, или за старичков-пенсионеров, которые сами пасти не могли.

На противоположной стороне Ницы, напротив Репино, заканчивается озеро Чёрное, и заливной луг тянется дальше, в сторону исчезнувшей деревни Нехорошкова. За ней — Тимофеева.

В устье Малой речки, в Репино, зимой катались на лыжах. Постоянные участники этих походов — мои одноклассники Володя Колмаков, Витя Смирнов, Валера Решетников и ребята на год младше: Ваня Голяков, Валера Попов, Саша Фролов. В Репино крутые склоны, и прокатиться можно было так, что дух захватывало. Любили мы эти горки. Строили самодельные трамплины. Иногда сманивали с собой и рассветовских девчонок. Наши одноклассницы: Света Голякова, Галя Кривоногова, Люда Локшина, Шура Дуганова, Галя Сидорова, Люся Мальцева, Валя Муравьёва — старались не уступать мальчишкам ни в чём, только прыгать с трамплинов на том лыжном инвентаре, который у нас тогда имелся, не осмеливались.

Далее, за устьем Малой речки — крутой берег вплоть до устья следующей речушки Межницы. За ней — небольшая деревня Ерзовка, а там рукой подать до Усть-Ницы. Межница летом не пересыхает. По ней когда-то проходила граница между Уралом и Сибирью. Точнее, между Пермской губернией и Тобольской. Теперь на переезде через речку установлен памятный плакат с исторической справкой. В устье Межницы по весне мы на велосипедах ездили на рыбалку. Перед нерестом рыба идёт на тёплую воду, и клёв здесь всегда был отменным. Клевали окунь, плотва, подлещик, густера и даже карась.

Случай, произошедший во время одной из таких рыбалок, напомнил мне друг детства Николай Шаганов на встрече в День посёлка в 2017 году. Мы рыбачили на Межнице поплавочными удочками. Ница в том году сильно разлилась и соединилась с озёрами. Разлилась метров до пятидесяти и Межница, и только в самом устье между двух крутых склонов её ширина была около двадцати метров. Здесь, на противоположном берегу, устроились пацаны из Ерзовки. Они не ловили рыбу. Просто сидели, завидовали и делали мелкие пакости. Сегодня, когда встречаешь интернет-троллей, которые, укрывшись за крутым псевдонимом, чувствуют себя в полной безопасности и поливают авторов грязью и оскорблениями, понимаешь: племя таких людей неистребимо. Они миг превращаются в жалких и слабых людишек, лишь только понимают, что их безопасность оказалась мнимой.

Так тогда и получилось. Уверенные, что двадцать метров холодной весенней воды — гарантия их безопасности, ерзовские пацаны от словесных издёвок перешли к действиям и начали пакостить

в открытую. Чтобы испортить нам рыбалку, принялись кидать в воду, поближе к поплавкам, комья земли. Я предупредил, что, если не перестанут, переплыву и разобью главному зачинщику нос. Смелые ребята пообещали, что, если переплыву, они сами надерут мне уши. Я принялся снимать одежду, надеялся этим припугнуть хулиганов. Безрезультатно. Они сидели на бугорке, ехидно улыбались, бросали комья и палки и отпускали злобные шуточки. Не верили, что противник способен нырнуть в ледяную воду.

Противник нырнул. Пронырнул эти двадцать метров под водой и вынырнул на их берегу. Ребят с бугорка как ветром сдуло. Они напугались ещё до драки. Быстро выскочил из воды и погнался за удиравшими смельчаками. Без сапог и одежды легко догнал их. Один, самый слабый, упал на землю и начал кричать, что он больше не будет. Другой оказался пареньком более смелым: встал в стойку и начал махать руками. Я сбил его подножкой и кинулся догонять главного зачинщика, который был самым рослым и удирал так, что заяц мог позавидовать. Преследовал долго, но догнал и его. Свалил на землю и хотел, как обещал, разбить нос, но главный забияка закатил такую истерику, что у меня опустились руки. Он не просто заплакал, а завыл. Растирал грязными руками слёзы и сопли и жалобно просил не бить. Из хулигана и хама он в одно мгновение превратился в жалкое, трусливое существо. Мне стало неловко и противно. Сделал ему какое-то назидательное предупреждение и вернулся к друзьям. Клёв через некоторое время возобновился, и дальше рыбачили без помех. После этого случая приезжали на Межницу неоднократно, но пацанов этих больше не встречали.

И всё же плохое из детства вспоминается гораздо реже. Что бы там ни говорили заболевшие техническим прогрессом люди, оторвать человека от природы нельзя, потому как он сам часть её. В нашем детстве мы были на природе постоянно. Не только играли и развлекались, но и работали.

Вспоминается рабочая практика в старших классах. Не убирали мусор — это удел нынешних школьников, — а работали в поле и на сенокосе. Заливные луга за рекой, между руслом Ницы и озёрами Монашенским, Зырянским и Чёрным зарастали сочной травой. Нам доверяли грести высушенное сено вдоль кустов и на полянах, там, где не мог пройти трактор с сеногрёбкой. Девчонки и ребята работали совместно, весело и с огоньком. Работа «на миру» и дурманящий запах высушенных трав будоражили душу. Каждый старался быть поближе к той, которая нравилась. Работая руками, успевали шутить, смеяться, петь. Отчётливо представляю, как любимец Краснослободской школы Николай Чигирчаков во весь голос распевает русский вариант популярной тогда песни «Маленькая девочка», впервые исполненной белградцем Джордже Марьяновичем:

*Твердила мама, мне твердила мама:
«Про самолёты навсегда забудь!»*

Самый рослый из нас, будущий мастер спорта, энтузиаст и добряк, никогда не обижавший младших, будет физруком в родной школе. Благодаря ему Краснослободская восьмилетняя школа на долгие годы станет одной из ведущих в районе по спорту. Николай рано

ушёл из жизни. Подвело сердце. Как истинный энтузиаст, которые, собственно, и двигают прогресс в России, слишком близко к сердцу принимал он все успехи и жизненные неудачи...

А в то время мы были молоды, здоровы, полны надежд и планов на будущее. Мы, как могли, подпевали Николаю. Невозможно удержаться в этом возрасте, чтобы не дать выхода энергии, чтобы не покрасоваться перед девчонками.

Вспоминая детство, откровенно жалею нынешних ребяташек. Искренне не понимаю детей, в выходные и в каникулы валяющихся до одиннадцати часов на диване. При таком распорядке они никогда не узнают, что такое рассвет на природе. Особенно жаль детей городских. Тех, кто добровольно загнал себя гаджетам в рабство. Тыкая пальцем в кнопки и пялясь в экран, они и не заметят, как пролетит самая замечательная пора в их жизни.

Возле посёлка Рассвет Ница течёт спокойно и плавно, без завихрений. Здесь глубоко, нет отмелей. Спокойное течение позволяет воде хорошо прогреваться. Река накопила в этом месте много ила. В нём неисчислимое количество мотыля, а мотыль, как известно, лучший корм для рыбы. Особенно славилось это место королевским ершом. Много раз позднее я наблюдал, как пренебрежительно, с долей какого-то презрения выбрасывают рыбаки на других реках, в частности на Каме, ершей. Как не выбросишь? Мелкие, худые и вместе с тем колючие рыбки ни на что не годятся. Разве что на корм воронам, которые без боязни расхаживают между рассевшимися на льду или на берегу рыбаками с целью чем-нибудь поживиться.

Нашего королевского ерша выбросить рука не поднимется. Размер — от десяти до восемнадцати сантиметров — и хорошая упитанность делают его рыбой номер один для уха. Холодильников в то время не было. Мясо летом ели преимущественно солёное. Но и его на всё лето не хватало. Выручала река. Ловля рыбы была не просто развлечением, но и необходимостью. Сети имелись почти в каждой семье, а рыба от ловли сетями не переводилась. Вода «без химии», корма в воде много, много и рыбы. Но попадалась в сеть на самолов она не всегда, только по погоде.

Бывало, отец проверит единственную в нашей семье поставленную на самолов сеть, принесёт пару плотвиц да какого-нибудь подлещика. Таким уловом семью из пяти человек не накормишь. Даже если сварить уху, она будет пустой. Вот тут он подключает к делу меня. Сержант-фронтвик, всю войну воевавший на передовой, по-военному чётко и конкретно ставит задачу: «Колька, утром встань пораньше и к восьми часам налови матери ершей. Не меньше сотни!..» Всё. Приказ получен, думай, будущий солдат, как его выполнять.

Любая рыбалка требует тщательной подготовки с вечера. Утром этим заниматься некогда, утром надо ловить. На ерша не надо готовить поплавочные удочки, хватит и донок. Подготовлено пять простейших снастей. Толстая леска, длиной десять-двадцать метров, смотанная на деревянную дощечку с вырезами. На конце — средней величины крючок, сантиметров на двадцать выше — обыкновенная гайка, заменяющая грузило. Мелкий крючок, «сглотыш», привязывать нельзя — замучаешься из ерша вытаскивать.

В огороде, под огуречной навозной грядой, накопаны черви. Предупреждена мама, заведён будильник, чтобы встать до восхода солнца. Можно ложиться спать.

Будильник трезвонит, как всегда, внезапно. В детстве нет такого понятия, как бессонница, и часто спишь совсем без сновидений. Вроде бы только лёг — и уже надо вставать. Разлёживаться я не любил. Вскакиваю, одеваюсь, хватаю горбушку хлеба и качу на велосипеде по улице, потом по протянувшейся по луговине полевой дороге. От активной работы педалями предупреденный озноб быстро проходит. Вот и река. Вода укрыта тёплым туманом, в нос ударяет своеобразный запах осоки, смешанный с запахом прибрежной растительности и особым запахом воды. Каждая река имеет свой запах, Ница не исключение.

Спускаюсь на плот и трогаю рукой воду — тёплая. Быстро привязываю по периметру плота донки и одну за другой забрасываю. И почти сразу вытаскиваю первую рыбку. Удивительно, но это не ёрш, а окунь. К запаху реки добавляется запах рыбы.

Вот и восход. Лёгкий туман над рекой рассеивается. В кустах ивняка зашевелились и затренькали птахи. Палитра освещения непрерывно меняется. Высоко в небе розовеют облака, потом верхушки деревьев, и наконец солнечный свет достигает воды.

Но долго любоваться красотой рассвета и восхода некогда, начинается самая активная пора. Ёрш клюёт непрерывно. Это даже не рыбалка, а производственный процесс. Подходишь к очередной снасти, вытягиваешь донку за леску, которую не сматываешь, а просто укладываешь на плот. Снимаешь трепещущую рыбку с крючка, насаживаешь её на кулан, поправляешь червя или цепляешь нового и забрасываешь донку в воду. После этогоходишь к следующей, и всё повторяется. Медлить нельзя, иначе ёрш так заглотит крючок, что будешь вытаскивать его несколько минут. Это повлечёт цепную реакцию, и с каждой последующей рыбкой придётся возиться. Когда такое случается, выводил из рыбалки одну снасть и ловил на оставшиеся четыре. Если клёв снижается, снова забрасываешь все пять. Снимать ерша с крючка нужно умеючи. Во время всей операции надо крепко держать рыбку в ладони, иначе она расправит колючки и уколёт, а ершиные уколы болезненны.

Но вот взошедшее солнце поднимается над горизонтом, и это сигнал — пора домой. Ладонь невыносимо чешется. Как ни берёгся, а несколько уколов получил. Однако задание отца выполнено: за утро поймал более сотни рыбок. Кручу педалями изо всех сил — надо успеть, пока мама не ушла на работу.

Мама варит двойную уху. Сначала отваривает моих ершей, потом в этом бульоне варит пойманную отцом белую рыбу. Такая уха к утру застывает в холодец. Если достоин до утра... У нас такое случалось редко. У мамы важнейший принцип: уха только тогда хороша, когда в ней много рыбы. Двойная уха шла на ура и съедалась за один присест. Отваренных ершей, несмотря на их костлявость, тоже подчищали с большим аппетитом.

Но это были не очень сытные послевоенные годы. А как сейчас? Недавно позвонил из Тюмени друг и однокашник по училищу и академии Олег Левицкий. В феврале, который по части клёва рыбы считается глухим сезоном, наловил в реке Тавде крупных ершей.

Жена Валентина сварила уху. И человек, привыкший к муксуну и севрюге, избалованный кетой и сёмгой, восхищался ухой из ершей и назвал её «неповторимой и бесподобной». В экологическом отношении Тавде повезло больше, чем Нице, и королевский ёрш, который любит химически чистую воду, в ней до сей поры водится. А вот в Нице на любимых моих рыболовных местах ерша почти не осталось. И повинен в этом человек.

Много трескотни сегодня по поводу подъёма сельского хозяйства. Поверю только тогда, когда увижу, как оживают уральские деревни. И в Пермском крае, и на моей малой родине в Слободо-Туринском районе Свердловской области.

Русская деревня вернулась в прошлое. Но не к той патриархальной деревне, что веками кормила Русь. Даже с разрушенной Гражданской войной деревней двадцатых годов её сравнить нельзя. Русская деревня из хорошо механизированной производственной единицы, работавшей на страну, превратилась в аморфное «поселение» безработных, где люди живут не родами, как в старину, а каждый сам за себя, как на зоне. Где главным средством к существованию стало батрачество и народный промысел в виде заготовки грибов, ягод или веников для городских жителей. Где стало невыгодно заниматься сельхозпроизводством. Отсюда следом за «оптимизированными» школами, фельдшерско-акушерскими пунктами, клубами и библиотеками уходит образование, здравоохранение и культура. Отсюда едва окрылившаяся молодёжь разлетается кто куда.

Здесь правят послушный и безынициативный чиновник, занимающий место главы поселения, и несколько новых «кулаков-мироедов», на которых оставшиеся в деревне люди за гроши работают. Кулаки-лесовики обзавелись пилорамами. Наиболее доступное для них общенародное богатство — лес. Вырубают они его самым хищным способом. Один мой городской приятель, побывавший на месте современной вырубке леса (в Пермском крае), где остались кучи мусора, сучков и веток, обрезки брёвен, высоченные пни, глубокие, непроходимые колеи-рвы от техники вперемешку с ямами от выкопанных ёлочек (словно воронки от авиабомб), ограничился очень кратким комментарием: «Хочется взять в руки автомат и расстрелять ваших лесовиков без всякого суда и следствия!»

Появились повсеместно руководители, которые готовы оштрафовать простого человека за срубленную на черенок для лопаты берёзку, но в упор не видят безобразия, творимые в лесу «предпринимателями», а по сути — злобными губителями экологии. Руководители, не способные принимать серьёзные решения, но с жестокостью инквизиторов гнобящие простого человека.

Включишь телевизор, там твердят: меняется всё к лучшему. Хочется верить, а глаза видят другое. Может, где-то и меняется, но не в родных для меня краях. Медленно, но уверенно русская деревня деградирует. Нет в ней уже механизаторов, способных полностью перебрать и отремонтировать трактор. Нет опытных фельдшеров, знавших своё дело, своих пациентов и помогавших людям быстрее и лучше, чем труднодоступные узкоспециализированные городские врачи. Уходят опытные учителя, которые не просто учили детей, но и воспитывали их и были совестью любой деревни.

Телевидение и пропаганда непрерывно создают картину российского благополучия. В столицах — да, а на периферии? Год от года становится всё больше брошенных старых домов, всё меньше в русских деревнях населения. А ведь русские деревни — те самые малые корешки, питающие огромное древо России. Засохнут эти корешки — и неизбежно погибнет само дерево. Все эти набиуллинские проекты о переселении населения России в тридцать городов-миллионников — самые настоящие изыски дьявола. Оторвавшаяся от природы особь уже не может быть в полной мере человеком разумным.

Когда какой-нибудь смирившийся с участью раба сельский обыватель утверждает, что он тоже народ и «думает своей головой» (особенно во время выборов), у тех, кто сегодня у власти, это вызывает усмешку. Они не дураки и знают: НАРОД составляют люди, которые берегут и охраняют свой РОД, делают всё, чтобы он не исчез с лица земли. А тех, которые смирились с участью рабочей скотинки, с долей батраков, работающих за похлёбку, к народу можно отнести лишь условно. Почему это происходит? Рабское послушание воспитывалось в нашем человеке огнём и мечом несколько столетий. Оно закрепилось на генетическом уровне, и ликвидировать его за несколько десятилетий советской власти удалось в очень малой степени. Потому власть на местах, как на зоне, любыми способами ограничивает и изолирует людей, освободившихся от рабских привычек, людей сильных, самостоятельных, способных думать своей головой.

Изменилась к худшему и экология. Экология показывает, насколько здорова среда обитания человека разумного. Чаще всего в экологических нарушениях виноваты равнодушные к родной природе люди, волей судьбы пришедшие во власть. А в последнее время нарошли, как поганые грибы, предприниматели-отморозки, ради прибыли готовые умертвить мать родную. Люди, которых не волновала экология своей родины, были во все времена. Правда, итоги их деятельности были менее пагубными, чем в век технического прогресса.

Сегодня каждый любит свой край по-своему. Кто-то искренне. А кто-то готов пожертвовать родной природой ради достижения своих целей (те же лесовики). То, что понимали предки, перестали понимать некоторые начальники. Предки старались не трогать лесной пояс вдоль рек и озёр, потому что там, поближе к воде, кипела жизнь. Благодаря этому и сами водоёмы не пересыхали.

Вот ведь не наделены в полном объёме разумом птицы, а как привязаны к родному месту. Мне было лет семь, когда мой дед Илья Исаевич показал на своём покосе, что находился рядом с Зырянским озером, под кривой берёзой пустое утиное гнездо. Утка уже высидела утят, и они плавали в озере среди камышей. Дед разъяснил, что уточка с селезнем прилетают из заморских краёв каждой весной и уже несколько лет высидывают утят под этой берёзой, а осенью с выводком улетают зимовать на юг. Этот берег озера, покрытый лесом, не заливала вода при разливе реки, и птица из года в год здесь гнездилась. Утки в то время на озёрах было много. Сейчас здесь больше охотников, чем птицы. Птица, выросшая рядом с человеком, привыкшая к нему, становится лёгкой добычей (об этом мой рассказ «Расстрелянное счастье»).

Любовь к родному краю определяется не временем, в котором человек живёт, а его внутренними качествами. Время либо освобож-

дает порочные страсти человека, как это происходит сейчас, либо глушит их, как это было в советские годы. Справедливости ради нужно сказать, что руководители, не видевшие вреда от нарушения экологии, были и тогда.

Судаков Дмитрий Иванович — один из крепких председателей колхоза «Урал». Неплохой мужик, с народом умел ладить. Во всяком случае, у меня о нём только хорошие воспоминания. Но именно он распашал леса вдоль Монашенского и Зырянского озёр во имя, как ему казалось, благих и великих целей. Ради того, чтобы «повысить среднюю урожайность» зерновых, выкорчевал ту самую согру, которая в половодье не заливалась водой и в которой та самая уточка выводила утят. Неучтённые поля давали дополнительную урожайность, а значит, выводили колхоз на первые позиции.

Природа залечила эту экологическую рану. Теперь поля снова зарастают лесом. Плохо только, что та живность, которая когда-то здесь обитала, в количественном отношении уже никогда не восстановится. Пострадало и качество. Изменение экологии привело к вымиранию определённых видов. Если зверь (козлы, косули, кабаны, лоси) восстановился, то водоплавающей птицы в том количестве, в котором она была во времена моего детства, уже нет. Так надо ли уподобляться охотнику, который полностью истребил живущих рядом со своей деревней зайцев, а потом жалуется: «Перевелись зайцы, а ведь какая раньше охота была...»?

Не надо! Дикая природа не может с такой же скоростью воспроизводить ресурсы, с какой человек способен их уничтожать. Большая беда всей страны в том, что, суммируясь, такие микроэкологические катастрофы шаг за шагом изменяют среду обитания человека. Изменяют к худшему.

Но подобные действия председателя колхоза — мизер по сравнению с тем, что творят хозяева производственной сферы. Настоящие бедствия вызывают отравления рек и озёр промышленными стоками. То, что случилось с Ницей и происходит сегодня на Каме.

Первая экологическая катастрофа на Нице произошла зимой, когда я учился в десятом классе. Это не был какой-то природный замор. Замора в реке с таким течением в принципе быть не должно. Тогда говорили, что какую-то гадость в реку спустил фармацевтический завод в Ирбите. Картина, которую я наблюдал, засела в голове на всю жизнь. Рыба двинулась к чистой воде, к истокам, ключам, прорубям. Народ, несмотря на запрет, кинулся делать проруби. Рыба собиралась к этим прорубям, и её вычерпывали сачками. Горы рыбы высотой более метра возле каждой лунки говорили о масштабах отравления... Большая часть рыбы погибла. Весной от реки шёл невыносимый смрад...

В таком объёме, как до этого бедствия, рыба в Нице не восстановилась по нынешнюю пору. Практически исчезли налим, нельма, язь. Не стало рака. Не восстановился и королевский ёрш, о котором говорил выше.

В настоящее время этот процесс вообще остался без должного контроля. Современные производства регулярно добавляют в Ницу отходы. Год назад нашёл в интернете ролик, который выложили неравнодушные люди. Они поставили в реке около Ирбита сеть.

Выташили без единой рыбки. Одна слизь, похожая на ту, что показывают в голливудских ужастиках. Вот что ждёт наши водоёмы, если править бал будут люди, которые на мир смотрят через доллар. Не РУССКИЕ они уже по духу. Они ближе к тем «цивилизованным» европейцам, которые, «осваивая» Америку, уничтожили не только индеек и многотысячные стада бизонов, но и коренное население...

Когда размышляешь о руководителях, на ум приходят в первую очередь те, кто работал на благо людей, кто стремился сделать жизнь народа ярче и богаче. Их добром вспоминают люди.

Мингалёв Пантелеймон Дмитриевич. Первый секретарь районного комитета партии. Он возглавлял Слободо-Туринский район более двадцати лет. С 1965-го по февраль 1987-го. Награждён за свой труд орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» и многими медалями. Но не это его выделяет среди руководителей и чиновников советского периода. Этот замечательный, порядочный, трудолюбивый и принципиальный человек был настоящим хозяином, думающим и заботящимся о простых людях. Не чета многим чиновникам той поры, а уж теперешним и подавно. О его жизни можно написать отдельную книгу, я лишь упомяну несколько эпизодов.

Пантелеймон Дмитриевич много сделал для района. И часто работал нестандартными для руководителя района методами. В разгар сенокоса мог мобилизовать райком на заготовку сена. Не надсмотрщиками разогонял по колхозам, как это делали другие (председателям колхозов он доверял, хотя и строго спрашивал с них), а вывозил весь штат райкома на конкретную заготовку сена. Сам метал скирды и другим сачковать не давал. Найдутся ли теперь такие руководители-энтузиасты?

А чего сто́ит мост через реку Ницу в Ивановке? Мингалёв долго и упорно пробивал его. И всё-таки добился своего: мост построили! До этого каждую весну часть района отрезала вода. Переправиться во время разлива реки можно было только на пароме, который толкали ненадёжные в техническом отношении катера, или на обычных деревянных и очень вёртких лодках. Плыть по воде во время разлива нужно было около двух километров.

Сколько бед приносило половодье! Трагедию, которая разыгралась 21 апреля 1970 года в Красной Слободе, помнят многие. Я тогда учился в военном училище и узнал обо всём из рассказов друзей. Половодье было в полном разгаре, и в этот день на реке начался настоящий шторм с холодным, сильным ветром и минусовой температурой. Вот в такую погоду два молодых парня, работавшие в Слободе Туринской, спешили добраться домой. Николай Агеев и Юрий Горячевских взяли деревянную лодку в Ивановке и поплыли в Красную Слободу. Не доплыли. На сильной волне лодка перевернулась. Доплыть до берега в ледяной воде шансов у них не было. Тела Николая и Юрия нашли в мае, когда вода пошла на убыль.

Следом за ними из Слободы Туринской подъехал мой одноклассник Витя Моисеев (живёт ныне в Иrbите). В Ивановке ему сказали, что односельчане уплыли без него. Он взял у Владимира Костенко лодку и поплыл следом. Ему повезло больше. Его лодку опрокинуло льдиной, а самого вынесло на противоположный от Красной Слободы берег. Берег затопило, но на нём были мели. Витя добрался до мели

и, уцепившись за столб, стоял, пока не потерял сознание. К нему всё же сумели подплыть смельчаки, с трудом оторвали от столба и доставили в амбулаторию. Здесь его растирали спиртом и приводили в чувство две наши одноклассницы, Люся Ефремова и Наташа Михайлова.

Мост через Ницу не просто связал Тюмень, Ирбит, Свердловск с Туринской Слободой и Туринском, но и уберёг людей от подобных опасных переправ. Уже грянула «перестройка», и не прояви первый секретарь райкома Мингалёв волю и настойчивость, наверное, по сию пору переправлялись бы весной через Ницу на паромах и лодках.

Мне лично запомнилась встреча с этим замечательным человеком на чествовании передовиков производства в Слободу Туринской зимой 1968 года. Мы с другом Володей Колмаковым закончили в 1966 году школу и до армии остались работать в ремонтной мастерской колхоза «Урал» (бывшие мастерские районной МТС). Я работал токарем, он — слесарем. Наставники у нас были опытные. Две Антонины, Фуртикова и Новосёлова, начали работать токарями ещё в войну. Володю обучал Демид Поликарпович Шмелёв, мужик умный и строгий. Помогал нам и заведующий мастерской Иван Елисеевич Назаров. Поэтому в учениках мы ходили недолго. Через год наши фотографии были в районной газете «Коммунар». Фотографировать приезжал бывший односельчанин Николай Чупин. (Семья Чупиных к тому времени переехала в Слободу Туринскую.) Одним словом, зачислили нас в передовики. На мероприятии в райцентре после официальной части последовала часть неофициальная в столовой. Здесь и произошло неформальное общение с первым секретарём. Он решил поинтересоваться, что среди заслуженных людей труда делают два юнца.

Пантелеймон Дмитриевич задал нам примерно такой каверзный вопрос:

— Мне сказали, что вы перевыполняете план. Работаете не на заводе, где есть конкретный план, а в ремонтной мастерской. Мне интересно, как токарь и слесарь могут перевыполнять план во время страды?

Я понял суть вопроса и ответил, как мог:

— Да всё просто. Ночь-полночь, поломалось что-то — идём, точим, сверлим и помогаем устранять поломку. Другие ребята с девушками гуляют, а мы — у станка. С утра никакого отгула, в восемь часов уже на рабочем месте. Получается сплошное «перевыполнение» рабочего дня...

Мингалёв очень внимательно посмотрел на нас и задал ещё один вопрос:

— Вас кто-то заставляет работать сверхурочно?

Тут уже Володя поддержал меня:

— Да нет, сами, по доброй воле. Если у механизатора поломка, стыдно отказать ему в помощи.

После этих слов первый секретарь нас похвалил:

— Молодцы. Вы хоть ребята и молодые, а сознательные. Вам надо обязательно вступать в партию. Такая молодёжь нам нужна, а вам это поможет в дальнейшей жизни.

Весной 1968 года нас с Володей приняли кандидатами в члены КПСС.

В мае мой друг уехал служить на флот. Раннее членство в КПСС напрямую повлияло на его службу. После учебки и непродолжительной службы на Балтийском флоте его, как передового матроса, перевели служить в Ленинград на крейсер-музей «Аврора». Здесь Володя служил кочегаром, а в свободное время фотографировал почётных гостей, прибывающих на крейсер. Их было много со всего мира. Володю из кандидатов приняли в партию к 100-летию со дня рождения Ленина. Партийный билет ему вручал начальник политотдела ЛенВМФ Герой Советского Союза вице-адмирал Кулаков (его имя носит большой противолодочный корабль). Партийная организация «Авроры» в то время была солидной. В ней состояли первый комиссар крейсера Белышев, два адмирала, два Героя Советского Союза, другие заслуженные офицеры и мичманы, так что Володе есть что вспомнить. После службы Владимир Григорьевич Колмаков поступил в Уральский политехнический институт, окончил его и был направлен работать в закрытый посёлок Лесной Свердловской области, где до самой пенсии строил оборонные и другие объекты. Там он проживает и в настоящее время.

В июле 1968 года я поступил в Тюменское высшее военное инженерное командное училище и через два года, во время летних каникул, впервые побывал в Ленинграде. Прямо с поезда в шестом часу утра прибыл к легендарному крейсеру. Володя встретил меня, представил дежурному по кораблю. Тот распорядился пропустить меня на корабль и накормить. Пробыл на «Авроре» до обеда. Володя познакомил меня с сослуживцами, показал не только внешнюю часть крейсера, но и все его закоулки. В это же время на «Аврору» подошёл вместе со своим другом ещё один наш земляк, из деревни Голякова (к сожалению, не запомнил его фамилию). В деревне он был обычным пастухом, а тут предстал перед нами в форме курсанта лётного училища гражданской авиации. Трёх деревенским парням «из глубинки» было о чём поговорить. Вспоминая ту встречу, лишней раз нахожу в ней подтверждение того, что советская власть давала всем молодым равные возможности. У нас и в мыслях не было тогда, что за учёбу мы должны кому-то платить. Наоборот, государство платило стипендию нам.

После обеда Володя и трое его друзей получили увольнительную, и мы направились по историческим местам Ленинграда. Закончился до предела насыщенный день на танцах в Базовом матросском клубе, где я в форме курсанта сухопутных войск был среди матросов как белая ворона. Мои друзья с «Авроры» пользовались авторитетом, поэтому инцидентов с матросами Балтфлота не произошло, хотя предпосылки к этому были. Ночью ребята проводили меня до вокзала. Я уехал к родным в город Калинин (Тверь).

Мне членство в партии во время службы в Советской армии тоже помогало. В первую очередь отстаивать правду, когда сталкивался с несправедливостью. Ни я, ни Володя Колмаков за все прошедшие и очень непростые годы не поменяли своих убеждений. Считаю, КПСС, как бы на неё ни клеветали, была и останется в истории партией простого народа, народа-созидателя.

Пантелеймон Дмитриевич Мингалёв умер 27 октября 1987 года. В самом начале вакханалии, которую устроили пролезшие в партию либералы-западники. Вакханалию назвали «перестройкой». Сегодня

не секрет, что именно либералы-предатели захватили в партии ключевые посты, а потом обрушили КПСС, СССР и весь социалистический лагерь. Под лозунги реформирования социализма, по сути, реставрировали в России капитализм в самом извращённом, вульгарном виде. После чего вероломно перенесли свои разрушительные действия на саму партию. Зомбированные телевидением люди и сейчас повторяют, как попугай: «Советский Союз развалили сами коммунисты». А коммунисты были разные. Были те, кто создал. Были и такие, кто под шумок «перестройки» и разрухи сумел хорошо хапнуть.

На смену строителям пришли разрушители. Пантелеймон Дмитриевич этого не увидел. Он был и останется в памяти людей создателем. Именно такие коммунисты, как он, поднимали СССР после Великой Отечественной войны. Они делали реальное дело и улучшали жизнь простых людей на местах, а не только в столицах.

Не могу не упомянуть главного врача Краснослободской участковой больницы Сычёву Евфалию Георгиевну. Насыщенная биография этой замечательной женщины располагает к написанию целого романа. Очень многие люди обязаны ей жизнью. Заслуженный врач России, старший лейтенант запаса, кавалер ордена Красного Знамени, награждена медалью «За Победу над Германией». Земляки с полным правом называют её Земским доктором с большой буквы, таких сейчас осталось совсем мало. Многим помогла она, многих спасла и вылечила.

Родилась Евфалия Георгиевна в Вологодской области в многодетной семье неграмотного крестьянина. Деревянная изба, клочок земли, лошадь, корова позволяли не умереть с голоду, но о том, чтобы вырастить и выучить четверых детей, и речи не могло быть. Поэтому каждую зиму отец уезжал на заработки. Уехал он и в 1931-м ловить треску в Мурманскую область. Пока отсутствовал, его семью «раскулачили». Отобрали всё: избу, скот, жильё, одежду. Вырвавшиеся из векового рабства бедняки на местах творили те самые «перегибы», о которых Сталин позднее написал статью. Семья уехала в Мурманск, а позднее, в 1935 году, переехала в Георгиевск.

В августе 1942-го Георгиевск захватили фашисты, но уже в ноябре город был освобождён. Снова заработали школы, и в 1943 году Евфалия Георгиевна окончила десять классов. Пробовала поступить в педагогический институт в Пятигорске, но набор туда уже заканчивался. Вернулась домой. А вскоре умер отец. Ей, как старшей из детей, пришлось пойти работать. Устроилась на кожевенный завод, где работа была очень тяжёлая и грязная, зато давали полтора килограмма хлеба, что помогало семье прокормиться.

Проработав год, поступила в Дагестанский медицинский институт. Окончила его в 1949 году с дипломом врача-лечебника. Это универсальная специальность. Врачей учили всему, начиная от оказания первой помощи при ранениях и болезнях, заканчивая санитарно-профилактической работой и военным делом. Подготовка была серьёзной. Профессора-беженцы из Одессы, Киева и других городов учили теории и практике. Практику проходили на больных, раненых и умерших. Девушка хорошо усвоила эти уроки, потому и получился из неё универсальный врач, которых так не хватало (и не хватает) в российской глубинке. В то время не было томографии,

фиброгастроскопии, подробных анализов и прочих технических исследований больного, на основании которых современный врач устанавливает диагноз. Сегодня узкоспециализированные врачи хорошо видят «свое», но порой не видят человека в целом. И иногда получается, что в одном месте лечат — в другом калечат.

Врач-универсал, в отличие от узкого специалиста, работающего с «заключениями» и «анализами», основательно осматривает больного, прощупывает его, расспрашивает подробно о самочувствии, врождённых патологиях, перенесённых травмах, болезнях и с учётом всего этого (и анализов, конечно) ставит диагноз. Кроме знаний, такой врач должен обладать особым талантом и быть человеком коммуникабельным. Врач-лечебник лечит не только тело пациента, но и его душу.

При распределении Евфалия Георгиевна надеялась, что попадёт в армию. В то время это было престижно и хорошо в материальном плане. Как же обидно было девушке, когда в армию её не взяли! Объяснили это тем, что она из семьи раскулаченного. В данном конкретном случае не повезло армии, потому что она по вине кадровика-формалиста потеряла прекрасного молодого специалиста. Зато повезло Слободо-Туринскому району. После окончания института Евфалию Георгиевну направили по распределению на Урал, в Слободо-Туринский район Свердловской области. Здесь она вышла замуж, родила сына и дочь, да так и осталась на долгие годы.

Год заведовала фельдшерско-акушерским пунктом в Усть-Нице, три года заведовала в Слободы Туринской санэпидстанцией, ещё три — больницей в Знаменке Еланского района, а с 1956 года бессменно руководила Краснослободской участковой больницей вплоть до её закрытия. Больницу ликвидировали в 1995-м, во время ельцинской «оптимизации».

Её муж, Михайлов Михаил Калистратович, родился в 1919 году в Слободо-Туринском районе в семье фельдшера. Помню его отца Калистрата Дмитриевича, одно время работавшего фельдшером в посёлке Рассвет (тогда — машинотракторная станция). Запомнился он мне, когда вскрывал и лечил у меня огромный, как мне тогда казалось, нарыв на большом пальце. Хорошо помню и его сыновей — Михаила и Александра. Александр Калистратович был учителем в Краснослободской школе. Фронтовик, воевавший на Северном флоте на сторожевом корабле. После демобилизации вернулся домой, окончил заочно педагогический институт, женился. У них родилось четыре дочери, с одной из них, Тamarой, я учился в одном классе. Мне запомнились уроки истории, которые вёл Александр Калистратович. В отличие от молодой, нервной и вспыльчивой «исторички» Нелли Васильевны Башмачниковой, он рассказывал интересно, содержательно, с историческими и жизненными примерами. Мы слушали его затаив дыхание. К сожалению, прожил фронтовик и прекрасный учитель мало. Умер в возрасте пятидесяти девяти лет.

Его брат, Михаил Калистратович, супруг Евфалии Георгиевны, окончил семь классов и медицинский техникум в Ирбите. С 1938-го по 1945-й изрядно повоевал. Фактически участвовал во всех войнах того периода. Сначала воевал в лыжном батальоне с финнами. Был ранен, награждён медалью «За отвагу». После участвовал в освободительном походе по территориям Западной Украины и Белоруссии. Войну встретил на Буге в конной армии Белова. Прошёл

всё: от отступления до Москвы в 1941 году до взятия Кёнигсберга (ныне Калининград). После окончания Великой Отечественной был переброшен на Дальний Восток, где участвовал в войне с Японией.

Демобилизовался в 1946 году. В 1949-м они с Евфалией Георгиевной поженились. Родилась дочь Наташа, потом сын Алексей. У них получился хороший врачебный тандем. Евфалия Георгиевна целиком посвятила себя лечебной работе, Михаил Калистратович, имевший богатый фронтовой опыт, взвалил на себя воз хозяйственных проблем и снабжение.

А воз был нелёгким. Особенно в Краснослободской больнице. Больница имела подсобное хозяйство с коровами, лошадами, для которых нужно было заготавливать сено, картофель. Большой проблемой была заготовка дров для амбулатории, стационара и жилого дома. Больница обслуживала двенадцать населённых пунктов (в их числе и посёлок Рассвет). Асфальтированных дорог в то время не было, так что основным транспортом для врачей был гужевой.

Они прожили в браке сорок восемь лет. В 1960–1970-е жизнь начала быстро меняться в лучшую сторону, но последние годы совместной жизни безоблачными не получились. Война напомнила о себе. В шестьдесят лет Михаил Калистратович перенёс тяжёлый инсульт. У него пропала речь и парализовало ноги. Восемнадцать лет Евфалия Георгиевна выхаживала супруга. Кормила, поила, возила на коляске, мыла в бане. Выучилась водить «Оку», автомобиль, который получил супруг как инвалид войны. При этом не прекращала руководить больницей и лечить людей. Это самые тяжёлые годы в её биографии. Восемнадцать лет совмещала работу главного врача больницы и сиделки при собственном муже!.. На такое способна только сильная женщина... и любящая...

В 1995 году, в семьдесят лет, Евфалия Георгиевна вышла на пенсию. Больницу закрыли, заменили её врачебным пунктом, в котором работают фельдшер, акушерка и медсестра. Закрыли в районе и другие участковые больницы: в Усть-Нице, в Ницинском, в Липке. Значительно уменьшили, уже во время путинской «оптимизации», количество фельдшерско-акушерских пунктов — ФАПов. Такое произошло по всей стране, и привело это к разрушению первичного медицинского звена, о котором сейчас вдруг разом заговорили. Снова придётся всё восстанавливать, в первую очередь ФАПы. К сожалению, многие деревни за этот период уже вымерли.

Рассказывая о Сычёвой Евфалии Георгиевне, хочется упомянуть ещё одно важное качество, присущее женщинам-руководителям советского периода. Она, как и, к примеру, директор школы Храмцова Антонина Никифоровна, из тех женщин, которые не только могли принимать решения, но и были в состоянии отстоять их перед вышестоящими. Не боялись спорить с начальниками и доказывать свою правоту. Редкое сейчас качество. В целом, вспоминая руководителей того времени, с которыми был знаком лично или знал по рассказам людей, могу выделить ещё одну особенность, которой явно не хватает современным руководителям: они были совестливыми людьми, поэтому, занимая посты, многое делали для простого человека.

Не забуду, сколько сил и энергии потратила Евфалия Георгиевна, когда длительное время лечила мою маму — Башмакову, в девичестве Молчанову, Антонину Александровну. В 1941 году восемнадцати-

летней девчонкой маму мобилизовали на строительство оборонительных сооружений перед городом Калинином (Тверь). Вручную лопатами отрывали окопы, рвы, эскарпы, контрэскарпы... Фашистская авиация не давала работать, бомбила, расстреливала ополченцев из пулемётов. Они недоедали, мёрзли, спали на голой земле. Поздней осенью и зимой, когда фашисты подошли к Волге и заняли западную часть Калинина, мама работала на лесозаготовках. Фронту нужен был лес, много леса. Как семейную легенду рассказывали в семье Молчановых историю о том, как младшая сестра Роза, которой тогда было тринадцать лет, сто километров добиралась по прифронтовой полосе к старшей сестре, чтобы принести ей валенки. Добралась. Совсем незнакомые люди помогали ей в пути. Но здоровье мама тогда основательно подорвала. Позднее работала в госпитале, работа тоже тяжёлая, изнурительная, но именно в 1941-м она простудила почки. Как следствие, маму всю жизнь мучила мочекаменная болезнь. Недуг длительное время лечила Евфалия Георгиевна, а в 1964 году по её направлению маму прооперировали в Свердловске и удалили больную почку. С одной почкой мама дожила до семидесяти семи лет.

Евфалия Георгиевна с 2006 года живёт у сына Алексея Михайловича Михайлова в городе Аша. Встретила своё девятидесятилетие. По-прежнему, несмотря на возраст, активная и деятельная. Поддерживает связь с земляками, интересуется их жизнью.

Сегодня многое поменялось по западному образцу — с ног на голову. Среди прочего начало исчезать уважение к старикам. Не примите эти слова за стариковское брюзжание. Должно быть так: молодёжь учится у мудрых стариков, а не наоборот. Если молодые начинают считать себя «круче», а старики для них «отстой» — это конец преемственности поколений. По закону жизни яйца не должны учить курицу.

Сегодня молодые не уважают мудрость стариков на том только основании, что они, молодые, лучше приспособились к техническому прогрессу, лучше освоили новую технику. Они не понимают, что овладение техникой не улучшает самого человека (чаще происходит как раз наоборот). Без духовности и мудрости прежних поколений люди трансформируются в обычных бездуховных болванчиков — своего рода переходную стадию от человека разумного к биороботу с вживлённым в голову чипом.

Я люблю и глубоко уважаю своего деда Башмакова Илью Исаевича. Был он обычным крестьянином. До глубокой старости работал на семью, на колхоз, на государство. До революции дед был в батраках у помещика. Его родители умерли от голода во время Столыпинских реформ. Тогда помещики кинулись продавать зерно за границу. Золотой рубль вскружил голову. Малоземельным крестьянам с большими семьями не у кого стало занимать хлеб до нового урожая. Об этом голодоморе нашего народа сейчас редко упоминают защитники царской России (невыгодно), но он коснулся миллионов крестьян.

Помещик взял сироту к себе работником. Относился он к Илье благосклонно. В имение на берегу Зырянского озера часто приходили девушки, которые собирали ягоды и продавали их помещику. Среди них выделялась синеглазая Мария из деревни Комлево, что под Бобровкой. Помещик заметил, что Илье понравилась Мария,

и заслал сватов. Девушка категорически не желала выходить за батрака без роду-племени: из вольных она становилась прислугой. Но родители настояли. Негоже отказывать, когда сватов заслал всемогущий помещик.

Помещик дал новой семье надел, лесу на строительство избы. Они построились на окраине деревни Ивановки, недалеко от озера Монашенского, в трёхстах метрах от реки Ницы. Позднее деревня стала постепенно перемещаться на место, где расположена сейчас, и дом деда оказался на отшибе. Когда я уже жил с родителями в Рассвете, дед при непосредственной помощи сыновей Бориса и Владимира построил дом в центре деревни. Дом этот стоит и поныне. А на месте старого дома в советское время было колхозное поле. Теперь это поле и луг, который был перед домом, зарастают травой и кустарником.

В 1916 году в молодой семье родилась первая дочь Анна, впоследствии ставшая женой Героя Социалистического Труда Лушников Фёдора Николаевича, а деда забрали на Первую мировую войну. Воевал он недолго. Рассказывал, что выдали им по три патрона каждому и одну винтовку на двоих. В первом же бою патроны они израсходовали, так что австрияки взяли всё подразделение в плен без единого выстрела.

Первое время сидели в лагере за колючей проволокой. Потом пленных раздали австрийским крестьянам для помощи в уборке урожая. Илья попал к вдове погибшего на Восточном фронте солдата, которая его не обижала и даже ему симпатизировала. Потому его жизнь в плену в это время можно назвать очень даже сносной. В отличие от тех, кто попал к сатрапам. Жестокое обращение с пленными пробуждало в русских солдатах бунтарский дух. Было много побегов, из-за них пленных к зиме вернули в лагерь. В плену Илья подружился с земляком из села Ницинское Андреем Сорокиным. Илья был неграмотным, и Сорокин научил его читать. Часто вспоминаю деда сидящим с газетой в руках и неспешно, вслух, читающим газету.

Когда дошла весть о революции в России, Илья и Андрей вместе с группой других пленных сделали в лагере подкоп и бежали. До дома добирались долго. От Австрии до Урала путь неблизкий, особенно в условиях Гражданской войны. Всё же до родных мест добрались. Тут их ждал Колчак. Ница разделила противоборствующие стороны: в Ивановке — белые, на противоположной стороне в Красной Слободе — красные. Белые проводили принудительный набор в армию. Дед не пожелал воевать в белой армии и спрятался. После того как в Ивановку пришли красные, они оценили это. В отличие от белых, красные набирали в армию добровольцев и не желавшего больше воевать солдата не тронули.

На Великую Отечественную войну дед не попал по возрасту. Воевали его сыновья — Николай и Борис. Николай с войны не вернулся, похоронен на Курильских островах. Борис вернулся сильно израненным. Два тяжёлых ранения, одно средней тяжести и два лёгких. Он умер рано. Дед умер на восемьдесят четвёртом году жизни. Бабушка Мария Кузьмовна, родившая девятых детей (трое умерли в детском возрасте), умерла через год после деда. Ещё через год умер их сын Борис, мой отец. Похоронены все трое на кладбище деревни Ивановки — там когда-то был погост женского монастыря.

Сегодня много разговоров о морали наших предков, о ценностях русского мира. Должен сказать, что только под старость настоящего осознал, что хранителем этих ценностей была не знать, падкая на всё иностранное, «не наше», а простой народ. Хранителями морали и совести были простые крестьяне, потомком которых был мой дед Башмаков Илья Исаевич. Поясню на конкретном примере. О русских создано много мифов. Один из них тот, что русские люди всегда сквернословили и мат у нас чуть ли не национальная традиция. Вспоминая деда, понимаю: это не совсем так. Да, русский язык по словарному запасу самый богатый в мире и ругательных слов в нём гораздо больше, чем у других народов. Но это не значит, что русские люди чуть ли не с пелёнок сквернословили. Сквернословили плохо воспитанные и падшие, а нормальные русские люди мат относили к «бесовщине». За всю жизнь я слышал от деда только два ругательных слова, произносимые в минуты наивысшего возмущения: «варнак» и «поселенец». А ведь он жил не в безвоздушном пространстве. Среди людей. В деревне, на войне, в плену... Я слышал мат от фронтовиков, в том числе от отца. От деда — никогда. У него не было образования или какого-то особого воспитания. У него было обычное воспитание в крестьянской семье.

О фронтовиках, конечно, разговор особый. Их понять можно. То, что совершили на фронте такие, как мой отец, я в полной мере понял, уже пройдя армейскую школу. Несколько лет на передовой, с «отлучкой» из передней траншеи только на лечение в госпитале, для двадцатилетних парней не могли пройти бесследно. А какие основания для того, чтобы пить и сквернословить, у людей обычных?

То же самое по части курения и спиртного. Статистика подтверждает: 150 лет назад Россия пила меньше всех в Европе (кроме Норвегии). В то время пила в основном знать. «Революцию» в этом деле произвёл XX век, век больших потрясений и контактов с этой самой Европой. Дед никогда не курил и выпивал рюмочку красного вина или домашнего пива, приготовленного бабушкой, только во время больших торжеств и праздников. А вот квас, за который русских прозвали «квасными патриотами», в доме не переводился. Дед был уверен, что вода во время работы человека слабит, а квас придаёт силы. Повторял это мне постоянно и отец.

Дед объяснял мне, что пить вино и курить — большой грех, поэтому крестьяне в массе своей не пили. Не пили не потому, что «не на что было», а потому, что мораль предков подсказывала: пьянство — это бесовство и распутство! Перемешавший все народы и ценности воинственный XX век и принёс на Русь это бесовство и распутство. Хотя началась эта беда по большому счёту со времён Петра. А закабаление крестьян произошло ещё раньше, после крещения Руси, когда вольного и мирного русича — землепашца и скотовода — по западному образцу превратили в крепостного раба.

Размышляя о близости человека к природе, вспоминаю Егорыбака (так в Ивановке его прозвали), которого хорошо помнят мои земляки. Из Тугулыма он приезжал на наши озёра на всё лето. Жил в шалаше. Часто приходил к деду. Был дружен с дядей Володицей — младшим братом моего отца, офицером-артиллеристом, уволенным из армии во время хрущёвского сокращения. Егор ловил

карася на озёрах. Пойманную рыбу продавал населению. Составлял конкуренцию краснослободской артели, которая неводом ловила рыбу на реке.

Егор был рыбаком настоящим. В Монашенском и Зырянском озёрах много ила и планктона. Здесь в древности было русло Ницы. Зимой никакая рыба, кроме карася, в этих озёрах не выживает. В озере Чёрном обстановка иная. Оно глубже. Заморы рыбы там бывали регулярно, но всё же белая рыба водилась.

Название Монашенское, видимо, связано с женским монастырём. Недалеко от озера был огород женского монастыря и погост. Зырянское названо по фамилии помещика. На берегу этого озера до революции стояло его имение. Озёра во время разлива соединялись с рекой. Сейчас это происходит не каждый год.

Егор хорошо знал все рыбные места. Шестилетним мальцом я часто прибежал к нему на озеро. Пропахший крепкой махоркой, рыбой и неповторимым запахом озера, он казался мне каким-то сказочным персонажем, живущим в отрыве от людей в шалаше, среди дикой природы. Меня поражало, что он жил здесь, изредка выбираясь к людям, и ничего не боялся даже ночью, хотя в нескольких сотнях метров располагалось кладбище.

У него было несколько сетей, которые он после каждой рыбалки развешивал на берегу и тщательно сушил. В то время капроновых сетей не было, и мокрая нить могла быстро сгнить. Его флотилия состояла из двух-трёх ботиков (довольно вертлявая долблёная лодка) и деревянной лодки. С лодки он ловил редко — слишком большой и неповоротливой она ему казалась. Приспособился к удобным ботикам. Возле шалаша стояла большая банка, в которую он запустил маленьких карасиков.

Крупный карась — рыба капризная. Поймать его в сеть в местах, где дно илистое, очень непросто. Егор был наблюдательным и хорошо знал повадки рыб. Однажды я благополучно удрал из дома от краснослободской медсестры, приехавшей делать мне прививки, к Егору на озеро. Увидев карасиков в банке, насмелился и спросил, зачем он их туда посадил. Егор неспешно растолковал мне: карасики подсказывают ему, стоит ли сегодня ботать. Если они оживлённо плавают по банке и подбирают корм, значит, для ловли карася самое подходящее время. Если зависли неподвижно и уткнулись носом в дно, значит, карась почуял непогоду, зарылся в ил и ловить его бесполезно.

Егор прожил долгую жизнь. Умер и похоронен в Тугулыме. Когда заходит речь о природе, всегда вспоминаю его...

Подняв из глубин памяти воспоминания о детстве и юности, не могу обойти физкультуру и спорт. У какого активного человека детство прошло без этого? Что бы мне сейчас ни говорили, в 60-х годах прошлого века оно заметно отличалось от современности. У нас не было таких возможностей, такого инвентаря, какой есть у ребят нынешних. Но у нас было желание и стремление заниматься спортом. Мы не просто были фанатами советских футболистов, хоккеистов, лыжников и пловцов. Мы активно занимались спортом сами и стремились копировать кумиров. Летом проводили заплывы на реке, участвовали в легкоатлетических соревнованиях, играли

в футбол, волейбол. Зимой бегали на лыжах и на коньках, играли в русский хоккей с мячом и в хоккей с шайбой.

Занимались, преодолевая все трудности. Доставали, где удавалось, коньки, бутсы, мячи. Клеили самодельные клюшки. Когда колхоз выделял водовозку, заливали каток. Когда не получалось с техникой, сами расчишали от снега лёд на реке и играли там. Старожилы Рассвета помнят каток, который мы заливали перед клубом (ныне не действующим). В центре катка была установлена новогодняя ёлка. Здесь не только устраивали хоккейные баталии пацаны, но и учились кататься на коньках под музыку рассветовские девчонки.

Именно на этом катке наша команда разгромила (11:1) в хоккее с шайбой считавшуюся самой сильной командой из Красной Слободы, возглавляемую Николаем Чигирчаковым. После этого мы начали искать соперников по всему району. Обыгрывали всех желающих сразиться с нами, пока не нарвались на взрослую команду из села Сладково. Здесь многие из нас впервые увидели, что такое настоящий каток с бортиками, и узнали, что такое силовая борьба. Конечно, мужики, которым было под тридцать, нас попросту «размазали по стенкам». В нашей команде почти половина ребят были из 7–8-го классов, остальные — старшекласники. Мы сумели забросить им две шайбы, они набросали нам два десятка. Игра оказалась не единственной. Позднее они приехали на наш каток, где не было бортиков. Дома мы проиграли более достойно — со счётом 8:1.

К чести власти той поры, занятия массовым спортом строились не только на чистом энтузиазме самих людей. Работало в то время Добровольное спортивное общество «Урожай». Направляла эту работу и помогала комсомольская организация.

Хотя и тут формализма хватало, и без настойчивости добиться чего-либо не всегда получалось. Один только пример. ДСО «Урожай» проводило в то время чемпионат района по футболу. В нём принимали участие команды от колхозов, школ и организаций. Мы тоже загорелись идеей создать футбольную команду от колхоза «Урал». В 1967 году (я уже работал токарем) нам удалось это сделать. Первоначально собрали команду из ребят Рассвета, Красной Слободы и Ивановки. Активно помогала нам в этом секретарь комсомольской организации Валентина Рыльских.

Потренировались несколько дней, и стало понятно, что выступать на равных с другими командами не сможем. У нас не было единой формы, а самое главное — инвентаря. Против ребят в бутсах в кедах много не наиграешь. Поездка в район ничего не дала. Кое-что у них было, но для своих команд. Посоветовали обратиться в свой колхоз, чтобы тот выделил деньги. На них можно было закупить форму в магазине. Но у председателя колхоза денег не нашлось, да и в магазинах шипованной обуви не оказалось. И мы задумали провернуть, как я сейчас понимаю задним умом, авантюру. Оправдываясь тем, что под лежачий камень вода не течёт, мы с Валерой Поповым купили билеты на «кукурузник» и полетели в Свердловск, в областной центр ДСО «Урожай».

Естественно, там таких ходоков не ждали. Чиновник, к которому я попал на приём, популярно объяснил, что через голову районных властей такие дела не делаются. Мы должны обращаться в районный

отдел ДСО, подать туда заявку и по этой заявке получить то, что нам положено.

Я согласился с его логикой, но пояснил, что по заявке мы получим форму только в следующем году, футбольный же турнир начинается через три дня. Жалости и понимания у спортивного функционера я не вызвал, и он, повысив голос, спросил меня:

— Мальчик, ты откуда приехал?

Я не уловил издевательской интонации и скромно напомнил ему:

— Из колхоза «Урал» Слободо-Туринского района.

— Так вот в колхоз свой и поезжай! Не мешай работать и не путайся у серьёзных людей под ногами! — был ответ.

С той самой поры зародилась у меня нелюбовь к подобного рода чинушам. За годы жизни хорошо научился различать эту породу. А тогда вышел из кабинета чиновника совершенно обескураженный. Он не просто не захотел меня понять, он меня унизил. В коридоре поджидал друг.

Валерий спросил:

— Ну как?

— А никак, — ответил ему. — Нет нашей команды «Урал» в его документах и графиках...

Сказал, и до того мне стало обидно, что горло перехватил спазм и из глаз непроизвольно потекли слёзы. Чтобы скрыть свою слабость, отвернулся от друга, пошёл по коридору в противоположную от выхода сторону...

Но судьба — интересная штука. Едва сделал десяток шагов, как нос к носу столкнулся с мужчиной, который почему-то у меня сразу вызвал доверие. Он остановил меня, взял за руку и задал резонный вопрос, кто и по какому поводу разводит мокроту в их солидном заведении. Я рассказал ему всё. Мало того, высказал жгучую обиду на спортивных функционеров, которые просиживают тут штаны и совершенно не желают, чтобы массовый спорт развивался в наших отдалённых деревнях и сёлах.

Мужчину этот мой вывод явно заинтересовал. Он задал несколько уточняющих вопросов, потом повёл меня в тот же кабинет и, едва зашли, отдал выпроводившему меня чиновнику распоряжение:

— Ну-ка посмотри, что у нас осталось на складе, и выпиши этому парню трусы, футболки, бутсы со шитками и гетры на двенадцать человек.

Вопрос был решён за несколько минут. Как мне потом сказали, это был председатель общества «Урожай». Много времени минуло с той поры. К сожалению, фамилию его я не запомнил, а вот чувство благодарности к этому человеку живёт до сих пор. Этот пример лишний раз показывает, насколько разными могут быть люди. При любой, даже самой замечательной системе есть такие, от которых один вред. Что уж говорить о современности, когда под видом «демократии» вседозволенность достигла масштабов преступности.

Мы привезли форму и инвентарь, написали на алых футболках (больше в районе ни у кого таких не было) слово «Урал», и через неделю у нас состоялась первая игра с соперниками, которую мы выиграли.

Анализируя любительский спорт современной поры, прихожу к выводу: он по-прежнему держится на энтузиастах. Но сейчас нет

главного, того, что было в наше время: нет должной поддержки массового спорта на государственном уровне. Мероприятия, которые проводятся, больше похожи на отчёт для галочки, чтобы пыль в глаза пустить. Провёл массовый забег на лыжах, отчитался перед начальством — и спишь спокойно целый год. А ведь именно массовый спорт, отнюдь не профессиональный, призван оздоравливать нацию. Особенно показателен в этом плане опыт Норвегии и Исландии, но это отдельный разговор.

Лично меня в детстве подтолкнуло к занятиям спортом слабое физическое развитие. На самой первой допризывной комиссии Евфалия Георгиевна Сычёва, осмотрев мою шуплую фигурку, констатировала: «В армию тебя с такими бицепсами не возьмут!»

Я впал в панику. В то время ребята, не прошедшие армию, приравнивались к неполноценным. Никакая девчонка не захотела бы с таким дружить. Вмешалась мама. Она меня убедила, что если буду заниматься спортом и закаляться, то всё изменится за несколько лет. Посоветовала прочитать книгу о Суворове, который в детстве был хилым и болезненным. О Суворове я прочитал всё, что было в поселковой библиотеке. С той поры занятия спортом для меня стали целью номер один, порой даже в ущерб учёбе. Итог оказался положительным. Через четыре года на призывной комиссии Евфалия Георгиевна меня не узнала. Спортивная закалка в молодые годы способствовала тому, что я без труда выполнял все нормативы в военном училище, а во время обучения в московской Военно-инженерной академии меня включили в сборную академии по офицерскому многоборью (в него входили стрельба из пистолета, бег, спортивная гимнастика, плавание). Потому с полным правом могу дать совет молодым: не откладывайте физкультуру и спорт на потом! Не врачи, а занятия на свежем воздухе — залог вашего будущего здоровья... Залог вашего успеха в жизни!

Воспоминания затронули лишь небольшую часть того, что было в моём детстве. Путь, который прошёл, закладывался здесь, на малой родине. Родная деревня моего деда, отца, да и моя тоже, так как первые семь лет я прожил в ней, — Ивановка. Здесь живут Лушниковы — мои двоюродные братья Николай, Владимир и сестра Люба. Сёстры Вера, Валентина и брат Валерий перебрались в город Кировград.

Школьное детство и первая половина юности прожиты в посёлке Рассвет. Два года учился в школе села Ницинское, где мне вручили аттестат зрелости. Остались прекрасные воспоминания об учителях и одноклассниках этой школы.

Особо добрые слова хочется сказать о Красной Слободе. В местной больнице я появился на свет. Здесь меня лечила от воспаления лёгких и прочих болезней заслуженный врач республики Сычёва Евфалия Георгиевна. Учили любимые учителя: Михайлов Александр Калистратович, Рябкова Мария Павловна, Попова Зоя Александровна, Храмцова Антонина Никифоровна, Потанина Нина Павловна... Здесь встретил девчонку из Пермской области, приехавшую после педкласса работать в школе учителем русского языка и литературы, ставшую моей женой и матерью наших детей. Регистрировали с ней брак тоже здесь. Здесь жили и живут товарищи детства.

...Сегодня я не наловил, как хотелось, ершей. Зато рассвет, который встретил на реке, волшебным образом поднял из глубин памяти целый ворох воспоминаний. Хочется поблагодарить всех земляков, с которыми сводила судьба. Все они, ушедшие и ныне живущие, так или иначе приняли участие в моей жизни, повлияли на мою судьбу. Благодарю и реку своего детства. Спасибо тебе, Ница! Скажу, может быть, трафаретно, но искренне. Тогда, в моём детстве, и сейчас, в старости моей, ты остаёшься для меня рекой, которая позвала в дорогу. В дорогу, по которой иду до сих пор...

Василий КОЛБИН

ВЕРНИСЬ, ДУБРОВНИК, или ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ. Эссе

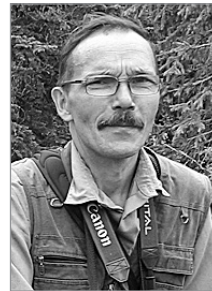
Директор Комсомольского заповедника Виктор Иванович Голубков с вицей в руках гонялся по берегу реки Горин за собственным сыном, поскольку тот провинился — набрал в заповеднике полведра жимолости. Лесники заповедника с недоумением наблюдали за этой сценой и разве что не крутили у виска по поводу своего начальника...

Этот эпизод случился летом 1982 года, а мне о нём рассказали в 1983-м, когда я по распределению приехал работать в заповедник. Сказать, что Виктор Иванович был помешан на невмешательстве в природу типа некоторых буддистов, что комара прихлопнуть за грех почитают, нельзя. Он был нормальный русский мужик, охотник, но уж если страна поставила его руководить заповедником и хранить природу, то он относился к этому делу со всей ответственностью. Выпускник знаменитого иркутского факультета охотоведения (ныне факультет охотоведения ИрГАУ), он на моей памяти единственный раз за 11 лет привёз в заповедник крупного начальника — главного инженера огромного завода имени Гагарина, что в городе Комсомольск-на-Амуре выпускает боевые самолёты КБ Сухого, причём сразу заявил тому, что грибы собирать они будут вне заповедника... Царствие небесное тебе, Виктор Иванович!

Пока действовала созданная большевиками система заповедников и существовала вполне продуманная система природопользования в масштабах всей страны, редкие виды с особо охраняемых природных территорий (ООПТ) не исчезали, а часто даже увеличивались в числе. Теперь же, когда с моего начала работы в заповедниках минуло 37 лет, можно сказать, что власть переменялась: теперь политику определяют менеджеры — неприятели природы. Смену власти в 1990-е ознаменовало появление книги «Экоцид в СССР», подготовленной на деньги западных фондов и повествовавшей об уничтожении природы в Советском Союзе. Теперь, спустя десятилетия, можно лишь мечтать о возвращении на уровень сохранения природы, который существовал в нашем государстве.

В XIX веке, как и в начале XX-го, не было принято задумываться об охране природы. Только великий почвовед Василий Докучаев заговорил о необходимости создания заповедников для спасения русского чернозёма. В те времена царь Александр II имел обыкновение

Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012) и Союза писателей России (2013). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более ста публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, в альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда им. Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.

устроить охоты в Беловежской пуше, куда приглашал и монархов Европы — дела между рюмками и выстрелами порешать; при этом тысячи загонщиков направляли под августейшие пули последних зубров и прочую живность помельче. Организаторы действия осыпались всяческими милостями и чинами. Следует отметить, что победитель Наполеона Александр I Благословенный запрещал охоту на зубров. Теперь всем известно, что зубр в XX веке после царских охот и череды мировых войн был спасён колоссальными усилиями зоологов СССР.

Заповедник «Вишерский» был создан в 1991-м, в год исчезновения СССР. После развала страны система заповедников стала быстро деградировать в сторону западных национальных парков. Старые заповедники, в силу сложившихся традиций научной работы и охраны территории, как-то противостояли этому процессу — по крайней мере, изменения протекали не очень явно; у молодого же «Вишерского» шансов начать работать как обычный заповедник советского времени было немного. Заповедник — слишком сложная организация: в одном флаконе здесь оказываются природоохранное и научно-исследовательское учреждения. А теперь ООПТ усиленно толкают в сферу услуг. Поэтому едва ли можно ожидать, что хозяйственник с мышлением районного или регионального масштаба без постоянных указаний сверху начнёт правильно понимать свои цели и задачи по управлению эталонной экосистемой, которая является частью глобальной сети, отслеживающей изменения и противостоящей деградации природы планеты. Для обывателя сохранение и мониторинг природных экосистем — штука весьма смутная.

В своё время, начав работать в Комсомольском заповеднике, я возвращался с учёного маршрута и натолкнулся на дебелую матрону — жену лесника заповедника Сашки Подойницына. Она окинула меня снисходительным взглядом и произнесла: «Вот ведь шатаются по лесу, х... всякой занимаются». Тогда такое отношение к научной работе недалёкой женщины меня, конечно, задело. Естественно, с возрастом отношение к подобным высказываниям стало более спокойным, поскольку их приходится выслушивать постоянно. Когда в конце 1990-х очередной зам по хозяйству уже Вишерского заповедника заявил мне, что от меня «никакой пользы», в ответ я уже даже не пытался ему объяснять, что заповедники создаются для птичек, зверюшек, деревьев, трав и грибов, а не для получения денег. И его задача как завхоза в том и состоит, чтобы обеспечить науку и охрану минимально необходимым, а они могли спокойно наблюдать и сохранять, тогда внукам и правнукам нашим достанется не голая, опустошённая планета.

История Вишерского заповедника весьма драматична. Большая часть её прошла на моих глазах. Первый директор — Виктор Иванович Иванов проработал в этой должности недолго. Им были организованы офисы на Вае и Вёлсе, заложены основы. Я с ним познакомился в 1994 году, когда он уже был простым инспектором. Но то, что он мужик хозяйственный, я прочувствовал — выводил ему гусят в своём инкубаторе.

Второй директор — Рафаэль Камильевич Идрисов, в прошлом начальник охраны заповедника «Басеги», перевёл главную контору «Вишерского» из посёлка Вая в Красновишерск. В этом решении наряду с плюсами были свои минусы: удаление конторы-офиса

заповедника от основной территории усугубило разрыв между офисным людом и сотрудниками, работающими в поле. По крайней мере, наш северный сосед — Печоро-Ильчский заповедник — при близости к заповедной территории и глубокой провинциальности является настоящим грандом среди заповедников России. А теперь, когда к Вишерскому заповеднику притянулся и Камень Полюд, сама заповедная земля стала теряться в туманной дали, превращаясь в малозначимое приложение к турбазам. С неё незаметно исчезают штатные единицы, сохраняется только то, что связано с туризмом...

Впрочем, я отвлекся. Благодаря высокой активности молодого директора Р. К. Идрисова в поисках кадров, в научный отдел заповедника в 1994 году приехали два дальневосточника: замдиректора по науке Зейского заповедника (Амурская область) Н. Н. Колобаев и замдиректора по науке Комсомольского заповедника (Хабаровский край) В. А. Колбин. После завершения полевого сезона 1995 года мы с Николаем Колобаевым поняли, что попали в заповедник неведомого для нас типа: директор возил на вертолёте на кордон Мойва состоятельных людей с чисто коммерческими целями, что для нас было несусветной дикостью и беззаконием. При этом семья Василия Зеленина и Светланы Гаевской, приехавшая туда из Ленинградской области хранить природу, оказалась в роли прислуги, чего сами они никак не ожидали.

Претензий к энергичному директору после года работы накопилось много, и в результате научный совет заповедника выразил директору недоверие. Чуть позже недоверие выразило и подавляющее большинство коллектива, за исключением недавно принятого начальника охраны. К нашему удивлению, Москва не поддержала возмущения коллектива по поводу сложившейся обстановки и заняла нейтральную позицию. В итоге директор смог постепенно избавиться от неугодных, ну а в августе 1996 года уволились и мы с Николаем Колобаевым. Николай уехал в Тамбовскую область заместителем директора по науке Воронинского заповедника, а в 2000 году вернулся на Дальний Восток, где до настоящего времени руководит наукой Норского заповедника. Я же остался на Вишере и стал работать в компьютерной школе районного центра педагогической информации. После нашего ухода Р. К. Идрисов занялся немислимым — начал строить двухэтажную базу отдыха в центре заповедника, в районе урочища Цитрины, на деньги своих приятелей. Сейчас в Госдуме ежегодно возникают законодательные инициативы о возможности изъятия земель заповедников и наппарков, но пока эти антиприродные замыслы удаётся блокировать, а тогда энергичный директор явочным порядком установил свои законы в отдельно взятом заповеднике. Строительством занимались два инспектора: Валерий Никифоров и Борис Карпов. Условия их работы были настолько тяжёлыми, что Карпов получил инсульт и вскоре умер, а Валерий Никифоров стал инвалидом — лишился ног. Развязка этой истории наступила в августе 1997 года: Р. К. Идрисов был убит Василием Зелениным. Под впечатлением заповедной драмы журналист Юрий Асланьян написал роман «Территория Бога».

Следующим директором заповедника стал геолог Игорь Борисович Попов. Начался геологический период управления заповедником, который продолжается по сей день. Хотя очевидно, что геология —

основа развития промышленности — не является профильной специальностью для заповедников. Впрочем, трепетное отношение к природе или равнодушие к ней не выдаётся вместе с дипломом.

Игорь Борисович был добрейшей души человек и бессребреник. Светлая ему память! Однако гостеприимство — сомнительная добродетель для директора природного заповедника. А в те времена гостей можно было встретить по всей территории... Про туризм в наши дни я не говорю — сайт заповедника доступен.

Палеонтологическая летопись нашей планеты знает пять глобальных вымираний живых организмов. Мы живём во время шестого вымирания, причём главной причиной его является существование человеческой цивилизации, ставшей особенно опасной для природы с формированием в конце XX века общества потребления. В течение XIX–XXI веков природа Земли потеряла тысячи видов. Сейчас, с ускорением уничтожения лесов бассейна Амазонки и Сибири, процесс вымирания только набирает темп. С точки зрения палеонтологии, последние 200 лет — это несколько ударов сердца. Уж на что коротка жизнь человеческая, но я даже не представлял, что увижу, как быстро наступят ужасающие перемены в природе.

В 2013 году в заповеднике последний раз были отмечены овсянки-дубровники, резко снизилась численность овсянок-ремезов. Основной причиной их бед является обстановка на местах зимовки в Китае. На кордоне Лыпя больше не токуют кулики-дупели. Обследование состояния ценопопуляции многорядника Брауна (папоротника, внесённого в Красную книгу Пермского края) на хребте Лиственничный, проведённое А. Селивановым летом 2020 года, показало, что от 100 растений осталось только 7. И это далеко не весь известный негатив, происходящий в нашей природе, очень многое мы просто ещё не знаем. Больше всего меня угнетает, что в заповеднике неумолимо сокращается численность самых обычных таёжных синиц — пухляков и москочек (не путать с обычными жёлтыми большими синицами, которые выпрашивают корм на тротуарах). Этот факт на китайцев никак не свалить.

В 2018 году в Твери состоялся Первый Всероссийский орнитологический конгресс. Известный пермский орнитолог — доктор

биологических наук А. И. Шепель выступил там с докладом «О совместимости понятий "туризм", "охраняемые территории" и "заповедники" на примере заповедника "Вишерский" Пермского края», где говорил о вреде туризма для природы. Надо было видеть, как рьяно некоторые апологеты туризма бросились его критиковать... Через месяц после своего выступления в Твери Александр Иванович скончался, так что доклад с болью за природу нашего заповедника стал его лебединой песней. Царствие тебе небесное, Александр Иванович!

Вспоминая юбилеи заповедника, я с удовольствием думаю только о самом первом, который отмечался в 2001 году на Тепловке предельно скромно. Тогда у нас ещё пели дубровники в заповеднике и вокруг нашего города...

Сохранение природы слишком абстрактная идея, а вот туризм в заповедниках — это чиновникам всех мастей очень понятно. Не удивительно, что в настоящее время он стал приоритетной задачей. Тот факт, что сотни туристов, проходя по территории, оказывают существенное негативное воздействие на природу, ими игнорируется. Я уж не говорю про создание объектов туристической инфраструктуры. Можно радоваться, что задача «сохранение биологического разнообразия» ещё не выброшена из целей заповедников. Правда, два взаимоисключающих направления объединены в один проект «Развитие туризма и сохранение биологического разнообразия». Но всё же наличие последнего пункта в данном проекте даёт возможность таким, как я, за что-то цепляться.

Мне хочется верить, что всё же разум восторжествует, что осознание глобальной угрозы природе придёт и к высшим чиновникам, что произойдёт возврат к концепции заповедников образца 1970-х годов СССР и вновь настанет время директоров — хранителей природы. Ибо надежда умирает последней.

Участники конференции, посвящённой десятилетию Вишерского заповедника. На переднем плане сидит директор И. Б. Попов, справа от него — доктор географических наук Г. А. Воронов. Тепловка, 2001 г.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 29

Редактор-составитель *О. А. Черняк*
Корректор *Т. И. Ускова*
Вёрстка *С. Э. Неведомская*

Подписано в печать 04.10.2021. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 143 880. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6044740-2-0

9 785604 474020

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212-43-28.
Факс 8 (342) 212-31-54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными ИП Неведомская файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-6044740-2-0

9 785604 474020